

Владимир Мураев

ОЛЯ ОСТАЁТСЯ В АРКТИКЕ

12+

Владимир Мураев
Оля остается в Арктике

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Мураев В.

Оля остается в Арктике / В. Мураев — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Прочитав роман «Оля остается в Арктике», вы познакомитесь с трагической и одновременно трогательной и светлой историей нескольких поколений одной семьи, жизнь которой напрямую переплетена с масштабными историческими событиями XX века. Действие происходит на фоне живописных панорам Арктики, описания которых никого не оставят равнодушными. Книга сочетает в себе все жанры: от детектива и триллера до любовного и приключенческого романа: людоедство, пытки в подвалах ГПУ, мистика, битва с пиратами в Карском море, с беглыми заключенными. Деньги, золото. Пламенная любовь, холодное предательства и счастливый конец.

Содержание

Глава 1. БРИЛЛИАНТОВАЯ ДОРОГА	6
Глава 2. ПОЖАР	15
Глава 3. СВАДЬБА В ЗАПОЛЯРЬЕ	26
Глава 4. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА	88
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Владимир Мураев

Оля остается в Арктике

Глава 1. БРИЛЛИАНТОВАЯ ДОРОГА

Начало февраля 1917 года. 20 часов. Офис крупного учреждения Российской Империи. Рабочий день закончился. Служащие разошлись по домам. Уборщицы помыли полы, протерли мебель, пришла ночная охрана.

Большой кабинет освещается красным светом догорающего камина. В двух метрах от камина на персидском ковре стоит стол вишневого цвета. На столе подсвечник с пятью свечами.

Антон сидит за столом, спешно просматривает накопившиеся документы. На стенке, за его спиной – портрет императора. Возле стенок расставлены мягкие стулья.

Из кабинета в зал открыта дверь. По залу, звякая ключами, как бы напоминая о себе, периодически посматривая в сторону Антона, прохаживается начальник охраны.

В двух метрах от стола, на мягком кожаном диване, просматривая сводки с фронта, сидит Нинет.

Антон знает, что его ждут – стал торопиться. В руках замелькали бумаги: что в папку, что в камин.

– Нинет, дорогая, еще пять-десять минут, и мы дома.

– Дорогой, я бы не торопилась, но нас ждет Оля. Она хочет сообщить нам что-то очень важное.

– Догадываюсь, – сказал Антон, – наверное, собралась замуж!

– Кажется, ты угадал, – ответила Нинет.

– Дорогая, а ты жениха видела?

– Да, видела, но восторга не испытала. Подумай, дорогой! Одна из самых красивых девушек Парижа сделала сомнительный выбор. Но не все так плохо. После короткого общения с ним сомнения стали рассеиваться. Я пришла к выводу, что все же, несмотря на далеко не симпатичную внешность, он имеет значительные плюсы: например, обладает способностью вызывать положительные эмоции собеседника. За каких-то пять-десять минут общения я начала к нему привыкать, он стал мне нравиться, с ним стало приятно общаться. Даже выражение лица стало более доброжелательным и приятным. Знаешь, Антон, я первый раз в жизни встретила такого мага. Правда, он старше Оли на целых десять лет. Но, думаю, это не страшно. Двадцать лет тому назад я сама наступила на эти же грабли. И слава богу – грабли оказались пуховыми – ни шишек, ни синяков.

Антон заулыбался:

– Спасибо, Нинет...

– Представь себе, Антон, он даже был на фронте, несколько раз ранен. Был в плену у немцев. Он патриот – сражается за родину. Плюс имеет очень хорошее домашнее образование – чем не жених! Тем более Оле он нравится.

– Нинет, мне кажется, что биографию предполагаемого зятя ты знаешь больше, чем он сам. Пожалуй, уже сама в него влюбилась.

– Конечно! Любовь тещи к зятю, – сказала Нинет, – гарантия того, что дочка с мужем будет жить долго и счастливо.

– Прекрасно! Из всего того, что ты мне сказала, следует, что наша девочка внутреннюю душевную красоту человека любит и ценит больше, чем внешнюю.

– Внешнюю красоту видят все, – сказала Нинет, – и часто совершают роковую ошибку, которую исправить либо невозможно, либо очень трудно.

Душевную красоту нужно уметь разглядеть и оценить. На это способны лишь одаренные люди, либо, когда встречаются две родственные души.

– Ну все! Нинет, я собираюсь, – сказал Антон. – Закроем, опечатаем сейфы, шкафы, сдадим под охрану, и домой...

Раздался звонок. Антон поднял трубку:

– Слушаю, Ваше Величество!

– Антон, тебе срочно нужно приехать в Петроград. Неотложный разговор. Я жду!

– Выезжаю, Ваше Величество! – Антон положил трубку. Рассеянно смотрит на жену:

– Нинет, меня срочно вызывает император!

– Неожиданно – и в ночь! Это не к добру, – тихо сказала Нинет.

– Ну вот, дорогая! Поедем в Россию. Можно было бы взять жениха и невесту. В России бы обвенчал сам Патриарх. Там же сыграли бы свадьбу. Но... к сожалению, это невозможно – везде стрельба, Европа в огне. От Франции до России сплошной фронт, льются реки крови. Пять лет тому назад съездить в Россию было одно удовольствие, а сейчас – и большая опасность, и большая проблема.

Антон не стал ничего убирать со стола, взял необходимые документы, сдал объект под охрану – уехали домой. Дома их встретили Оля и Мадлен. Они близняшки, им по семнадцать лет, очень красивые голубоглазые блондинки, похожи друг на друга, как две капли воды – их различают только родители.

Встретив родителей, Оля сразу обратилась с просьбой:

– Папа, мама, вы, наверно, знаете, что я встречаюсь с Шарлем. Шарль воевал, получил ранение, недавно вышел из госпиталя, послезавтра опять идет на фронт. Шарль просит вашего разрешения прийти к нам в гости и познакомиться с вами. Если вы не против, я ему скажу, что вы разрешаете, и он придет, вы с ним познакомитесь. Мама его уже видела. Мне кажется, он маме очень понравился. Мы все вместе проводим Шарля на фронт. Провожать приедут его родители, там все вместе познакомимся.

– Конечно-конечно, Оля, – дружно поддержали родители, – пусть Шарль приходит. Нам очень хочется познакомиться со своим будущим зятем. Это очень благородно.

Тут же мама сообщила Оле, что император вызывает папу к себе – в Петроград.

– Будем провожать одновременно и Шарля и папу, – сказала Нинет.

Услышав, что папу вызывает Император, Оля стала проситься поехать в Россию, посмотреть родину папы.

После долгих отговоров от поездки в Россию, доказательств об опасности и трудности поездки папа все же согласился взять Олю с собой. А раз Оля едет с папой, то Нинет автоматически вошла в список отъезжающих.

Шарль пришел на второй день после обеда. Слова Нинет полностью подтвердились – на вид не очень. Но культурный, уважительный, говорит мало, зато каждое слово попадает в цель и имеет глубокий смысл. Уже после первых слов Шарль Антону понравился.

Антон сказал Шарлю, что по просьбе императора он с Нинет и Олей временно уезжает в Россию. Согласовали время и место встречи. Оказалось, что Антон с семьей уезжает через три часа после отъезда Шарля.

На вокзале во время проводов встретились и познакомились с семьей Шарля. Прощаясь, Шарлю пожелали вернуться героем, живым и невредимым, а Шарль, со своей стороны, пожелал успешно съездить в Россию, успешно вернуться и в дальнейшем стать родственниками. Мужчины – предполагаемые сваты – обсудили ситуацию на фронте и пришли к выводу, что поездка в Россию сопровождается с большей опасностью, чем на фронте. Папа, мама Оли и родители Шарля уговаривали Олю отказаться от поездки, но она настояла на своем.

Предполагалось, что дорога на восток будет трудной и долгой. Но это была ошибка. Дорога на восток оказалась очень долгой и очень трудной. Железная дорога забита военными. На восток один за другим идут поезда с танками, артиллерией, боеприпасами, цистерны с горючим, вагоны с продовольствием, медикаментами, эшелоны с солдатами. Гражданские вагоны

заталкивали в тупики, где они простаивали по пять – десять дней – ни воды, ни пищи. Военные с оружием спуют толпами, но никто ничего не знает. Те, кто что-то знает, сидят в управленческих пунктах и управляют этим «военным муравейником». С востока поездов идет меньше: в основном с ранеными, искалеченными, пленными – вызывающими жалость и сострадание; вагоны с трофеями. Но в основном мчится порожняк – за очередной партией снарядов танков, пушек и пушечного мяса.

В первый день в тупике жизнь была веселая: перезнакомились с соседями, обсуждали проводы и приезд в Петербург, встречу с императором, родными и близкими Антона. Даже обсуждали обратный путь. Пели песни, надеялись, что с минуты на минуту отправят. Но уже на вторые сутки стоянки настроение полностью упало. Отъезд стал мечтой. Кроме того, вагоны не отапливались – люди ходили, сидели и спали в верхней одежде. Через три дня закончились продукты, начались большие трудности с водой. Казалось, что о них забыли, и впереди ожидает неизвестность. Но о них, конечно, не забыли. Они просто никого не интересовали – ни их судьба, ни их жизнь.

– Дорогой, – обратилась Нинет к Антону, – у меня сформировалось твердое убеждение, что мы погибнем либо здесь в тупике, либо в дороге. Но все же, если доберемся до Петрограда, вряд ли мы этому обрадуемся. А поскольку расстояние до Петрограда в десять раз больше, чем до Парижа, я предлагаю вернуться обратно в Париж. Что скажешь, Оля?

– Конечно, – согласилась Оля, – поездка оказалась совершенно не такой, как представлялась. Можно сказать, поездка еще и не начиналась. Но уже абсолютно очевидно, что самое правильное решение – вернуться, пока это еще возможно. Что скажет папа? – спросила Оля.

– Я с самого утра обдумываю этот вопрос. Думаю, вам с мамой обязательно нужно вернуться. Я же вернуться не могу. Меня вызывает император. Я обязан ехать. У вас с мамой такой обязанности нет. Вы просто едете на прогулку, поэтому вам нужно вернуться. Я настаиваю, чтобы вы вернулись – пока что это возможно.

– Что скажешь, мама? – спросила Оля.

– Если возвращаться, то всем! – решительно заявила Нинет.

– Ты, Нинет, хочешь, чтобы я тоже вернулся? Это грубое нарушение государственной дисциплины и служебной субординации! Я должен встретиться с императором.

– Судя по политической обстановке в России, – ответила Нинет, – нас там встретит не император, а Керенский со своей компанией в сопровождении генерала Алексеева. Но, вероятно, нас вообще никто не встретит. Там будет не до нас.

Уже два года думская верхушка подкладывает грабли под ноги императора. Он что, это не видит?! Или ленится нагнуться, перевернуть грабли и подсунуть их грабли им же под ноги?! Или надеется на свой лоб?!

В пятом – седьмом году у него лоб был крепким. Потому что армия была на его стороне. Сейчас политическая ситуация резко изменилась – верхушку армии думские масоны давно перетасили на свою сторону. А думскими масонами управляют иностранцы. Таким образом, русская армия находится под внешним управлением.

– Нинет, я это знаю. Это знает вся политическая верхушка России. В том числе и император. Но решение принимает император.

– Мне кажется, Антон, что император со своим решением уже опоздал.

– Мне, Нинет, так же кажется. Но в любом случае я обязан ехать, а вас прошу вернуться домой.

– Нет, дорогой, я уже сказала – если возвращаться, то всем вместе.

Однажды вечером, когда все успокоились и ожидали самого худшего, Нинет с восторгом воскликнула:

– Антоша! Я, кажется, нашла выход из положения.

– Говори, дорогая!

Но Нинет говорить не стала. Она залезла рукой к себе за пазуху и вытащила кольцо с бриллиантами.

– Если нам повезет встретить среди начальства знатока и ценителя бриллиантов, то мы спасены. Иди, Антоша, и начинай работать.

– Но, дорогая, этому колье нет цены! Оно единственное во всей Франции!

– Антоша, нашей Оле тоже нет цены. Оля – единственная не только во Франции, но и во всем мире. Да и мы с тобой пока чего-то стоим.

– Ты права, Нинет.

Антон взял кольцо и пошел в направлении предполагаемого штаба «военного муравейника». Он быстро нашел человека, управляющего всей этой массой вооруженных людей. Им оказался генерал-лейтенант Гиберт. Антон рассказал о своем положении и попросил оказать помощь выехать на восток. В качестве благодарности за оказание помощи Антон подал генералу кольцо.

Генерал взял кольцо в руки, долго вертел, рассматривал, потом спросил:

– А вы знаете его цену?

– Да, знаю. Оно бесценно, – сказал Антон. – Но моя дочь и жена тоже бесценны. Они сейчас лежат и умирают от голода. Я дарю вам это кольцо и буду вам очень благодарен за оказание нам помощи выехать в Россию.

Генерал попросил привести жену и дочь. После проверки документов он отвел Антона с семьей к поезду, который стоял под парами, разместил в офицерский вагон, в отдельное купе, написал бумагу – оказывать помощь этой семье до линии фронта с русскими. В вагон женщины зашли с большим трудом, с помощью военных.

Увидев бедственное положение семьи, офицеры пригласили врача. Врач всех осмотрел, проверил пульс, померил давление, ввел всем глюкозу, пожелал счастливого пути – ушел. Офицеры, узнав, в чем проблема, натащили продуктов, чтобы хватило до самого Петрограда. Пожелали счастливой поездки и больше не беспокоили. Дорога тоже была не совсем спокойная – несколько раз поезд обстреливали, бомбили, но все обошлось благополучно.

Еще в дороге стало известно, что царя арестовали. Об этом говорили и радовались все. Все надеялись, что с арестом русского царя война тут же должна закончиться. В связи с арестом императора необходимость ехать в Петроград отпала. Но возвращаться обратно уже не было ни возможности, ни целесообразности. Приехав в Петроград, Антон с семьей поселился в своем доме на Невском и стал ходатайствовать о встрече с императором. Но встречу не разрешили. Антон смог только передать императору записку о том, что он прибыл с семьей и добивается встречи. В Петрограде шла ожесточенная борьба политических группировок в верхушке господствующего класса. Снизу же формировались силы для нанесения удара по тем и другим – надвигалась социалистическая революция.

Весь этот бурлящий внутренний политический котел, подогреваемый бушующим пожаром мировой войны, породил жестокость, ненависть, насилие. С падением самодержавия противоречия еще больше обострились. Все вдруг оказались вооружены. Кто за анархистов, кто за монархистов, кто поет «Марсельезу», кто «Боже, царя спаси!». Криминальное насилие стало преобладать над политическим. Убийства, грабежи, разбои настолько быстро и плотно вошли в меню повседневной жизни города, что воспринимались, как элемент культуры и развлечения.

Оля целые дни просиживала дома. Она боялась вооруженных людей: солдат, матросов, в шинелях и морских бушлатах без погон. Вооруженных людей в гражданской одежде, в грязных старых фуфайках или пальто. Но еще большую опасность представляли дерзкие, наглые, циничные пьяные компании, не пропускающие без внимания ни одну одинокую женщину.

Антон, видя окружающую обстановку и состояние дочери, предложил выход.

– Как ты думаешь, Нинет? Может, Олю отправить в поместье? Там огромный дом, двор, сад. Высокие заборы, собаки, хорошая вооруженная охрана, молодые служанки – ей будет весело и безопасно.

– Хорошая идея, – сказала Нинет, – нужно Оле предложить. Если она согласится – отправим ее в поместье. Только нужно будет еще усилить и хорошо вооружить охрану – из числа твоих верных людей.

Оля сразу же дала свое согласие на переезд в поместье.

В поместье она чувствовала себя хорошо и спокойно. Было все необходимое для нормальной жизни: хорошие вежливые люди, библиотека, собаки, различные развлечения. Оля познакомилась со слугами и служанками, с охраной, с собаками, которые, как и люди, быстро ее признали и стали относиться к ней как к хозяйке.

Окруженная заботой и уважением со стороны служащих поместья, Оля быстро забыла тревожные события в Петрограде, тем более ей уже ничего не угрожало, лишь скучала о маме и папе и чуть-чуть волновалась за встречу папы с императором.

Однажды среди бела дня в калитку постучали. Охранник подошел к калитке:

– Кто там?

Из-за калитки ответили:

– Почтальон. Вам письмо из Парижа.

Охранник, посмотрев в глазок, убедился, что там действительно стоит почтальон, которого он хорошо знал, открыл калитку и тут же, получив сильный удар по голове, упал. Собака прыгнула на злоумышленника, схватив его за горло. Но тут же забежали еще десяток вооруженных бандитов. Пока собака душила бандита, один из забежавших загнал ей нож прямо в живот – она сразу погибла, но горло не выпустила.

Остальные бандиты, постреляв собак, стали штурмовать дом. Началась стрельба. Доступ к дому был свободен, но двери дома успели закрыть изнутри. Охранники стреляли из окон, а бандиты стрелять в окна не могли, так как были прижаты к стенам дома огнем охраны. Убедившись, что приступом дом не взять, бандиты притащили пулемет «Максим» и пулеметными очередями по окнам и дверям прижали охранников к полу, а сами в это время подбежали к окнам и закидали охранников гранатами. Бой с бандитами длился полчаса. С помощью пулемета и гранат им удалось подавить и уничтожить охрану, и ворваться в дом через окна. Двери они открыли сами, когда проникли в дом. Во время боя обслуга дома спряталась в безопасные помещения.

Оля забежала на кухню, схватила нож и сказала: «Буду сражаться до смерти, но живой они меня не возьмут!» Через минуту на кухню забежали трое бандитов. Оля крикнула: «Не подходите!» – выставив нож вперед. Но бандиты в ответ только рассмеялись и стали кричать:

– Ну что стоишь, красавица? Раздевайся быстрее! Нам некогда с тобой нянчиться!

Один из них подскочил к Оле, схватив ее за руку, в которой был нож. Другой рукой Оля изо всех сил ударила бандита по лицу и, тут же получив ответный удар ладонью по лицу – упала и потеряла сознание.

За короткое время бандиты обыскали и перевернули все поместье. Главарь банды, в маске, складывал все попавшиеся под руку документы – всякие деловые бумаги, письма, телеграммы и прочее. Остальные бандиты сгребали и утаскивали ценные картины, драгоценности, деньги.

– Что будем делать с красавицей, шеф? – спросил один из бандитов того, что в маске. Заберем на ужин или будем кончать в назидание?

– Ты с ума сошел! Она представляет огромную оперативную ценность. Пусть лежит. Пусть Антон сам увидит и поймет, что с ним в бирюльки играть не будут. Если он не отдаст царское золото за свою собственную жизнь или за жизнь и достоинство своей жены, то уж за жизнь дочки отдаст обязательно. Но прежде мы проведем с ним сеанс психического воздей-

ствия. Так что не исключено, что девочка нам еще пригодится. Пусть лежит – Антон сам все увидит, оценит и станет более сговорчивым.

Когда Оля пришла в себя, обнаружила, что она лежит на полу голая. Рядом с ней лежала ее разбросанная одежда. Нижняя одежда, порванная и окровавленная, лежала рядом. Оля поняла, что произошло. Оставалась лежать, так как подняться не могла.

Вскоре стали заходить служанки. Помогли Оле подняться, завели в спальню, положили на кровать. Руки и ноги у нее не двигались, она чувствовала себя растоптанной и уничтоженной.

Через два-три часа Оля пришла в себя. Позвонила родителям. Папа и мама примчались очень быстро, Олю увезли в Петроград.

В результате жестокого нападения потери составили пять человек и несколько собак. Один охранник погиб возле ворот и четверо – в комнатах дома. Загрызенного бандита вместе с собакой и погибших поделщиков бандиты забрали и увезли с собой.

Примерно через десять дней после произошедшего в овраге, недалеко от Петрограда, случайно были обнаружены труп почтальона и труп бандита с мертвой собакой, впившейся в его горло.

По способу проникновения в усадьбу и по похищенным предметам было понятно, что ограбление было заранее хорошо спланировано и подготовлено крупным чиновником Госдумы или бывшими чиновниками при императоре с целью обнаружения каких-то документов. А дорогие картины и ювелирные изделия забрали для вида, а также с целью рассчитаться с профессиональными бандитами за работу. Для проникновения на территорию усадьбы преступники использовали почтальона.

К осени у Оли стал существенно заметен живот. Родители решили отправить Олю в Москву к родному брату Антона – Олегу. Оля поселилась в огромном особняке дяди Олега и его сына, своего двоюродного брата Глеба. В доме жили прислуга, охрана и извозчик с семьей. Жена Олега, мать Глеба, умерла десять лет тому назад. В доме и усадьбе дяди было все для нормальной спокойной жизни. При необходимости выйти в город Олю сопровождал вооруженный охранник.

Летом и осенью семнадцатого года в Москве было относительно спокойно. В то же время в Петрограде кипели политические страсти – надвигалась социалистическая революция. Прошло девять месяцев с тех пор, как семья Антона приехала в Петербург. За это время ни одного спокойного дня. То плачут, то смеются, то играют, то стреляют. Антон и Нинет уже давно ждут внука, накопили приданого.

Антон дополнительно нанял дневную и ночную охрану дома. Тем не менее уже произошло две попытки проникновения в дом. Антон пришел к выводу, что охрану или запугивают, или подкупают. Эти нападения Антон связывал с попыткой подобраться к царским деньгам в Париже, к которым он имеет доступ. А раз так – этим занимаются высокие люди из Госдумы или из правительства, а может быть, даже бывшие приближенные к императору. В любом случае такая компания в сто раз опаснее, чем простые профессиональные преступники. Они действуют нагло, с полным знанием дела, не боятся ни полиции, ни судов.

Уже восемь утра, Антон сидит в кабинете за столом, откинувшись на спинку дивана. Заходит Нинет. Увидев мужа в трагической позе, спрашивает:

– Над чем задумался, дорогой?

– О чем я думаю, ты знаешь – о случае в поместье. Об Оле, о том, что скоро станем бабушкой и дедушкой. О том, что кто-то упорно подбирается к царским деньгам, а это очень опасно. О встрече с императором и, самое главное, как отсюда выбраться и добраться до Парижа. Варианты, конечно, есть, их много, но все они очень опасны. Тем более с малышом.

В связи с нападением на поместье и уже несколькими попытками проникновения в наш дом я пришел к выводу, что император мою записку получил. Обратную записку с поручением он отдал, по его мнению, надежному человеку, но тот человек либо просто не дошел до меня,

либо продан. Ведь речь идет о таких деньгах в золоте, что у любого закружится голова. Если исключить золото, то нападать на жилище рядового чиновника, тем более с такой жестокостью, нет никакого повода.

Жалею также о том, что ты, Нинет, не обучила Олю восточным единоборствам. Может быть, обладая искусством защиты, Оля в поместье смогла бы отбиться.

– Нет, Антон, в поместье она не смогла бы отбиться от десяти вооруженных мужиков, даже если бы и была покруче меня. От десятка молодых, сильных вооруженных хищников, жаждущих наживы, крови и тела молодой, красивой девушки, не смог бы отбиться даже вооруженный мужчина. А что говорить о девчонке с голыми руками! Здесь нужно благодарить бога, что не убили...

– Да, дорогая, я полностью с тобой согласен.

– Но меня беспокоит еще один вопрос. Ограбив поместье и изнасиловав Олю, бандиты не достигли своей главной цели, ради которой они пошли на это преступление. Они не добрались до царского золота. Значит, попытки нападения будут продолжаться. И чем это закончится для нас, неизвестно. В данном случае я сильно беспокоюсь и за тебя, и за Олю.

Конечно, в простой хулиганской драке ты можешь себя защитить. Но на нас хулиганы нападать не будут. На нас будут нападать вооруженные бандиты. На что они способны, мы уже знаем. Я уверен, что интенсивность нападения и изнасилования сделаны исключительно для устрашения. Мне иногда кажется, может быть, лучше отдать, что им нужно. Тогда нас никто не будет преследовать. Сами по себе мы никому не нужны. Нам лично золото не нужно – императору тоже. Тогда возникает вопрос: зачем же отдавать жизнь за то, что нам не нужно? Зачем же нам подвергать смертельной опасности жизнь своей доченьки и внука за ненужную нам вещь лишь ради того, чтобы никто не разбогател? Как ты думаешь, Нинет?

– Ты рассуждаешь вполне логично. Подвергать опасности жизнь нашей доченьки и нашего внука из-за вещи, которая нам не нужна, глупо. Но у тебя в руках не просто вещь, а огромные материальные средства. Огромные материальные средства приносят огромные бедствия. Возьми – современная война. Ее затеяли не на любовной почве, а с целью завладения материальными ценностями. Но огромные материальные ценности при умном применении открывают и огромные материальные возможности. Например, ты ломаешь голову, как добраться до Парижа, и решения в данной ситуации не находишь. А тебе не приходило в голову, что за золото, которым ты владеешь, можно создать целый военный флот, на котором ты можешь стать адмиралом, и в Париж можно не только добраться самим, но, если нужно, погрузить и перевести пол-Петербурга?

– Нет, Нинет, не приходило. Это золото нам не принадлежит.

– Так вот, Антон, нужно любым способом добиться встречи с императором и решить вопрос с золотом. Сейчас на встречу с императором нужно направить всю свою волю и все имеющиеся у нас ресурсы. Ты должен найти человека, который окажет тебе помощь, чтобы встретиться с императором. Отдай этому человеку наше поместье. Если будет нужно, отдай этот дом. Думаю, за такой подарок сам Керенский разрешит пять минут поговорить с императором. Ведь разговор должен быть очень короткий – дает ли император свое согласие использовать золото для спасения его и нашей семьи? Думаю, что император не хуже нас знает, что его золото, как и нам наше поместье и наш дом, сейчас принадлежит исключительно условно. Вопрос о целесообразности поменять условное материальное на духовное реальное, я имею в виду жизнь нашей и его семьи, обсуждению не подлежит. Я уверена – он согласится. Когда император согласится, ты будешь тратить деньги по назначению с чистой совестью.

– Спасибо, Нинет! Ты рассеяла в моей голове черные тучи. Пожалуй, что выдвинутая тобой идея – единственное спасение в нашем положении. Я сегодня же начну действовать в этом направлении.

Однако, не успев позавтракать, одеться и обуться, Антон услышал телефонный звонок. Ему сообщили, что на десять утра разрешено свидание с Императором.

– Вот видишь, Нинет, все разрешилось само по себе. Мне дали разрешение на встречу с императором.

– Меня император не приглашает? – спросила Нинет.

– Нинет, ты не должна обижаться, ты же понимаешь, какая обстановка... Здесь, может, дали минуточку-две, для меня этого достаточно. Для нас и для него главное – что делать с деньгами. Может, у него есть и другие вопросы. Потом, император не в том положении, чтобы кого-то приглашать.

Антон быстро оделся, крикнул кучеру с балкона готовить упряжку, а сам спустился вниз и пошел на выход к воротам. У Нинет екнуло сердце. Она решила догнать Антона и поехать вместе с ним, быстро оделась и побежала вниз по лестнице вдогонку. Выбежав на улицу, Нинет увидела, что возле подъезда стоит экипаж. В двери экипажа мелькнули ноги Антона. Экипаж рванул с места, но Нинет успела вцепиться за ручки. Чьи-то сильные руки схватили Нинет за плечи, и в доли секунды она очутилась внутри экипажа.

– Умница, Нинет, умница, – сказал один в маске. – Ты нам нужна даже больше, чем твой муж. Твое присутствие нам существенно облегчит работу. Будете правильно себя вести, через час будете дома. Но если будете вести себя плохо, то придется привезти сюда Олю. Когда семья будет в сборе – и вам будет веселее, и нам легче. Мы знаем, что Оля живет в Москве, в доме Олега. Взять ее и привезти сюда ничего не стоит. Но можно ее допросить и там, у нас там есть свои люди. Оля находится под контролем. Так что от вашего поведения зависит и жизнь вашей дочки, и вашего внука. Хорошо подумайте!

Ехали больше часа, остановились на лесной дороге. Открыли дверь.

– Ну, выходите, ребята. Прибыли к последнему пристанищу.

Антон выводили двое. Нинет вышла сама. Скомандовали – всем в лес! Зашли в лес метров на двадцать от дороги. Остановились. Антона и Нинет поставили друг против друга в десяти метрах. Тот, что в маске, подошел к Антону.

– Антон! Только одно слово, и мы вас отвезем в Петроград. Скажу больше – мы поможем вам выехать в Париж.

– Я вам это слово не скажу! Я слово давал императору.

– Проснись, Антон!!! Императора уже давно нет. Есть бывший император! Который уже давно арестован и будет осужден, как преступник. Или ты хочешь лишиться жизни из-за материальных интересов бывшего императора? Императору деньги уже не нужны. Он ими никогда уже не воспользуется. Значит, ты сейчас готов погибнуть и погубить свою жену-красавицу, чтобы деньги остались французским банкирам? Не вижу логики!

– Вы хотите знать код, – сказал Антон, – но знать код – это не все. Нужна уверенность с царской печатью, нужны личные документы.

– От тебя требуется только код, за остальное не беспокойся.

– Антон! Не говори код, – крикнула Нинет. – Как только ты им скажешь код, мы им будем не нужны. Они нас сразу убьют!

Мужчина в маске подошел к Нинет. Попытался нанести удар кулаком в лицо. Но Нинет уклонилась от удара и нанесла встречный удар кулаком в область виска. Нинет выхватила пистолет из ослабевшей руки падающего мужчины и произвела выстрел в одного из бандитов, державших Антона. Антон выхватил пистолет из руки падающего бандита, но выстрелом в спину был убит из кабины экипажа. Нинет открыла огонь по экипажу. Экипаж рванул с места и помчался по дороге. Очнувшийся мужчина в маске схватил Нинет руками за обе ноги, сильно рванул на себя. Нинет упала. Падая, ударила рукой, в которой был пистолет, о дерево, пистолет вылетел из рук. Мужчина схватил Нинет за горло, стал ее душить. Нинет сумела завести свои руки между рук душителя, разжала его руки. В тот же момент нанесла сильный удар двумя

пальцами правой руки с длинными ногтями в глаза мужчине. Мужчина сумел схватить Нинет за голову и ударить головой о дерево. Нинет упала бездыханная. Мужчина в маске с пораненными глазами, цепляясь за дерево, встал на ноги и на ощупь, опираясь о деревья и цепляясь за кусты, пошел в сторону дороги. Сзади, из-за кустов, вышел мужчина, наблюдавший за происходящим, догнал мужчину в маске и убил его выстрелом в голову. Сам, обыскав всех убитых, изъясил у них документы, пересек дорогу и скрылся в лесу.

Экипаж, умчавшийся с места кровавых событий, остановился в первом же населенном пункте. Крестьяне сбежались к экипажу. Обнаружив в нем истекающего кровью мужчину, тут же, не давая коням передышки, увезли в Петроград. По обнаруженным при нем документам выяснилось, что он крупный чиновник Временного правительства. Мужчина был без сознания. Его поместили в лучшую больницу Петербурга. Через неделю он пришел в сознание. В это время во власти уже были большевики.

Через некоторое время в лесу было обнаружено четыре трупа. Документов при них не оказалось. У одного из убитых нашли карманные часы – подарок императора. По часам установили факт гибели Антона и его жены Нинет. Родственников разыскивать не стали.

Глава 2. ПОЖАР

В конце октября семнадцатого года в Москве Оля родила девочку. После большевистской революции в Москве стало беспокойно. Для Олега и его семьи было две видимые опасности. Первая состояла в том, что уже несколько раз неизвестные люди из Петрограда интересовались Олей. Вторая опасность – остаться без жилья. Большевики уже осведомлялись о доме и грозились забрать для нужд революционного правительства. В этой ситуации дядя Олег решил спрятать Олю у своего доверенного человека – кузнеца Ростовцева, рассчитывая на то, что люди из Петербурга Олю там не найдут. Да и к кузнецу со стороны новой власти претензий не будет.

Переселившись в дом кузнеца, Оля почувствовала себя в безопасности. Кузнец и его жена относились к ней уважительно, как к родной дочке. Помогали Оле ухаживать за ребенком. Дядя Олег и его сын Глеб часто навещали Олю, сообщали ей новости в Москве и в Петрограде, обеспечивали всем необходимым для нее самой и для ребенка. О трагической судьбе родителей Оли семья Олега не знала.

Поздняя осень. Ноябрь подходил к концу. Дни становились короткими. На дворе холодно, частые туманы – вот-вот замерзнет земля. Семья Ростовцева, в состав которой вошла Оля с ребенком, решила поужинать пораньше, чтобы не выжигать керосин лампой. Поужинав, жена кузнеца Неля и Оля в своих комнатах умищивались ко сну. Хозяин, Никита Прокопьевич, обошел дом, закрыл ставни окон, запер дверь, пожелал всем спокойной ночи, погасил лампу, улегся и спокойно уснул. Прошло час или два. Улица еще не успокоилась – слышались веселые песни молодежи, интернационал, революционные лозунги, громкий смех, споры, разговоры – колготня.

Кое-где изредка гремели выстрелы. Но на них уже никто не обращал внимания. Повода для волнений не было. Оля побаюкала ребенка – уснула. Проснулась от сильных стуков в окна и двери, перепугалась. Думала, что ее обнаружили люди из Петрограда. В спальне стоял сильный запах дыма и гари. В темноте сквозь щели ставней окон виднелись языки пламени. Стекла некоторых рам окон были разбиты. На улице – крики людей, сильная суматоха. Люди с улицы какими-то тяжелыми предметами били в окна и двери, пытаясь их выбить. Кричали: «Хозяин, откройте дверь, вы горите!»

Оля соскочила с постели, схватила ребенка, побежала к входной двери. Вокруг темень, на руках ребенок, да и дверь она никогда раньше не открывала, стала кричать, метаться по дому. С улицы люди продолжали бить в окна и двери, чем попадалось под руки, пытаясь взломать окно или дверь, продолжая кричать: «Откройте дверь, вы погибнете! Вы сгорите!» В соседней комнате, в спальне хозяев, уже тлели и загорались шторы на окнах, хозяйская постель, простыни, одеяло. Стоял сильный запах гари перьев тлеющих подушек, половиков, горячей краски, загорающихся деревянных полов. Оля забежала в спальню, стала будить хозяев, но они были недвижимы. Подумала, что они крепко спят, схватила Нелю за рубашку, стала стаскивать ее с кровати. Неля упала на пол, но продолжала лежать – Оля поняла, что Неля мертва.

Жара в доме усиливалась каждую минуту. Уже обжигало голые места тела. От беготни, жары и гари Оля стала задыхаться. Она поняла, что из дома ей не выбраться, стала сгребать попадающееся под руки тряпье, завернула в них ребенка, засунула его под русскую печь, и тут же, потеряв сознание, упала на пол. Через две-три минуты люди взломали дверь. Обнаружили, что кузнец с женой погибли. Оля лежала на полу без сознания, но еще живая. Вынесли ее во двор, потом на подводе отправили в больницу. Кузнеца и его жену положили во дворе.

Когда Олю привели в сознание, она вспомнила о ребенке, сбежала с больницы. Прибежав домой, залезла под печь, куда спрятала ребенка, но его там уже не было. Утром Оля прибежала

к дяде. Дядя сразу организовал поиск. Искали две недели. Обошли базары, вокзалы, больницы, соседей, но ребенка не нашли.

Осталась последняя надежда – обратиться за помощью к новым властям, в ЧК. В ЧК посетителей не было. По бытовым и уличным мелким вопросам никто не обращался. Люди не знали объем функций новой власти и к ней относились с опаской. Тем не менее дядя Олег и Оля решили зайти, надеясь на помощь в розыске ребенка. Оставив своих людей во дворе, дядя Олег и Оля поднялись на крыльцо. На крыльце Оля остановилась.

– Дядя Олег, у меня какие-то тревожные чувства. Может, не стоит заходить? Ведь они не скажут нам больше, чем мы знаем сами. Кроме того, их задача искать контру, а не пропавших детей. Лучше продолжать ходить и расспрашивать людей.

– Ты, Оля, права. Им сейчас не до пропавших детей. Но, в отличие от прохожих, которые проходят и уходят и которым нет дела до чужого горя, так как у каждого своего горя по шейку, ЧК – круглосуточно действующий орган. Мало ли кто придет и заявит что-либо, связанное с детьми... Мы просто зайдём и заявим, что у нас пропал ребенок и оставим свой адрес. Их люди работают по всему городу. Может, кому-нибудь из них попадет на глаза кто-либо с ребенком, или они услышат, что-то связанное с детьми – мы тут же приедем.

Кроме того, пообещаем хорошее вознаграждение тому, кто найдет ребенка. Как видишь, в отличие от «просто ходить и спрашивать», эффект налицо: оперативный орган, гуманность людей, плюс материальный стимул.

– Вы правы, дядя Олег, зайти нужно обязательно.

В коридоре Олега и Олю встретил дежурный по ЧК – молодой симпатичный мужчина.

Только стали рассказывать суть дела, как из кабинета вышел мужчина, на вид лет сорока. На ногах хромовые сапоги. Холощи военно-морских брюк заправлены в голенища сапог. Морской бушлат туго затянут широким кожаным ремнем. На голове папаха с красной ленточкой, через плечи к ремню пристегнуты узкие ремни. С правой стороны на коротеньком ремешке – маузер, с левой – сабля. Грудь перекрещивает патронташ. Мужчина веселый, улыбочивый. Идя по коридору, мурлыкал мотив какой-то песенки.

Он представился:

– Начальник ЧК – Цибуля.

Узнав суть дела, Цибуля записал реквизиты, заверил, что он и его ведомство примет активное участие в розыске ребенка. Однако по поведению Цибули было видно, что его интересует не ребенок, а мама ребенка. За короткое время общения Цибуля стал позволять вольность рукам. А когда узнал, что документы Оли сгорели, открыто стал намекать на постельные отношения в обмен на помощь в восстановлении документов. Дядя Олег и Оля высказали несколько острых слов в его адрес, распустили своих людей по домам, сами тоже ушли домой.

Оля еще много дней ходила по улицам вокруг сгоревшего дома. Потеряв надежду найти ребенка, вошла в ступор. В город больше не выходила, перестала разговаривать, не реагировала на вопросы, потеряла сон. По ночам стала выходить во двор. Часами бродила по двору – думала о ребенке. Однажды ранним утром дядя Олег вышел во двор. Оля ходила по двору, а за ней цепочкой ходили собаки. Дядя подошел вплотную к Оле, заговорил с ней, но Оля даже не обратила внимания – будто не слышит. Дядя Олег стал ходить молча рядом с ней.

Через полчаса Оля спросила:

– Дядя Олег, когда открывается ЧК?

Он ответил, что ЧК открыта круглые сутки, а начальство приходит к девяти утра.

Оля сказала.

– Пойду в ЧК пораньше. Похожу по улице, поспрашиваю людей. Может, кто случайно видел, что случилось с моим ребенком, кто и куда его унес. Потом пойду к начальнику, попрошу, чтобы принял все усилия и нашел мою дочку.

– Ты, Оля, не должна к нему обращаться. Обращаться к нему – значит принимать его условия. Какие у него условия, ты знаешь. Мы с тобой убедились, что начальник – невежественный, бессовестный тип. Законченный хам и вчерашний крестьянин, батрак. Неизвестно, каким он путем попал во власть. Он убежден, что раз он во власти, то ему все должно доставаться просто так, за то, что он во власти. Если ему не дадут, он возьмет силой. Любой порядочный человек помогает другому человеку, попавшему в беду, без расчета на вознаграждение. Заходить к нему очень опасно. – но Оля настояла на своем. Попросила дядю остаться дома, а сама к девяти утра отправилась в ЧК.

На крыльце ЧК Олю встретил дежурный. Весело улыбнулся спросил:

– Ну что, девочка, не нашла своего ребенка?

– Нет, не нашла, – ответила Оля, – начальник здесь?

– Сегодня он не уходил. Ночь была веселая – грабежи, разбои, убийства. Зашевелилась контра. За царя-батюшку хотят мстить. Совсем мозг потеряли: сами царя сняли, сами арестовали, сами отправили, где Макар телят не пас, а нам хотят мстить. Потеряли власть – под идиотов стали работать. Иди прямо. Повернешь направо – первая дверь начальника. Там написано!

Оля пошла по коридору. Из кабинета начальника вывели огромного мужчину. Тот, встретившись с Олей, остановился. Оля тоже остановилась. Мужчина посмотрел прямо в глаза Оле. Глаза у него были большие, карие и грустноватые. Оле показалось, что мужчина просил у нее прощения или, наоборот, сочувствовал ей. Конвоир пальцем толкнул мужчину в спину, командовал:

– Вперед! В камеру!

Идя к кабинету начальника, Оля подумала: «Какой могучий и красивый мужчина! А сколько доброты, ласки, грусти в его глазах! Чаще всего такие огромные мужчины – страшные, уродливые и в то же время надменные. Неужели этого гиганта тоже будут бить и пытаться...» Погрузившись в суть сложившейся ситуации, Оля не заметила, как подошла к двери начальника.

На двери коричневой краской – то ли пальцем, то ли кистью – написано: начальник ЧК Цибуля. Оля не стала стучать, открыв дверь, вошла в кабинет. Начальник, увидев Олю, соскочил со стула, от удивления выкатил глаза, быстро пошел ей навстречу.

– Дорогая! Я знал, что ты придешь. В этом огромном городе никто тебе не поможет, кроме меня. Я буду искать твое дитя день и ночь и все равно найду. Ты самая красивая женщина во всем мире. Я готов быть твоим верным псом, лишь бы быть рядом с тобой. Если хочешь, привяжи меня возле калитки – буду гавкать на всех, кто приближается к твоему дому. Положи меня на пол возле кровати, буду тебя охранять. Я в любой момент, не задумываясь, защищая тебя и твое дитя готов вступить в неравный бой с самим дьяволом. Я готов, не задумываясь, отдать за тебя всю свою жизнь до последней секунды.

– Слушай, пес! – сказала Оля, – «Привяжи возле калитки, отдам жизнь» – все это болтовня. Мне не нужна твоя жизнь. Найди мне моего ребенка. Тогда я, может быть, привяжу тебя недалеко от своей кровати.

Цибуля подошел вплотную к Оле. Схватил ее одной рукой ниже талии, прижал к себе, поднял, положил на стол, стал срывать с нее нижнюю одежду. Оля стала кричать и звать на помощь. В коридоре раздался сильный стук и треск. С потолка и стен посыпалась штукатурка. Звякая, на пол посыпались замки, крючки и засовы. Дверь камеры, где сидел арестованный мужчина, которого Оля только что встретила в коридоре, с грохотом врезалась в противоположную стенку.

Дежурный выскочил из-за стола. Андрей Матвеевич (так звали этого мужчину) выскочил из камеры. Схватил стоящую возле стенки дверь и пустил ее навстречу дежурному, она накрыла дежурного и вместе с ним полетела на пол. Оля продолжала кричать и звать на помощь. Началь-

ник левой рукой закрыл Оле рот, а правой пытался пустить в ход свое хозяйство. В это время Оля схватила начальника зубами за мизинчик.

Начальник правой рукой нанес удар по лицу Оле. Пытаясь вырвать свой палец из ее зубов, схватил Олю за горло. Пока дежурный выкарабкивался из-под двери, Андрей Матвеевич с разгона двинул в дверь начальника плечом. Дверь, открывающаяся вовнутрь кабинета, вместе с рамой влетела в кабинет начальника. Начальник вырвал свой палец из зубов Оли, развернулся на сто восемьдесят градусов, пытаясь рвануть навстречу ворвавшемуся в кабинет Андрею, но, запутавшись в собственных штанах, рухнул прямо под ноги Андрея. Цибуля сел, резко перевернулся на левый бок, стал копошиться в брюках, висевших ниже колен, пытаясь вытащить маузер из кобуры. Андрей схватил Цибулю под мышки, как куклу, подбросил вверх, нанес удар в челюсть. Цибуля с грохотом упал на пол. Андрей вытащил маузер из кобуры Цибули, лежавшего на полу без сознания.

Оля соскочила со стола, привела себя в порядок, быстро оделась и вместе с Андреем побежала по коридору на выход. Выбравшись из-под двери, дежурный пытался преградить путь беглецам, но Андреем был сбит с ног и обезоружен. Забежав за соседний дом, беглецы остановились сделать передышку. Из караульного помещения выбежала группа вооруженных чекистов. Часть из них побежала в помещение ЧК, часть – рассыпалась по разным переулкам. Началась паника, стрельба, крики.

Андрей Матвеевич и Оля прибежали домой к дяде, обо всем рассказали. Приняли решение срочно покинуть город, так как Цибуля знает, где искать. Оля собрала необходимые вещи. Дядя упаковал продукты: хлеб, соль, сахар, сухари, крупы. Дал полмешка керенок. Кучер быстро запряг лошадей и увез беглецов за десять километров от Москвы в деревню. Там уже пять лет стоял пустой дом родителей Андрея.

Дом был маленький, глиняный, накрыт соломой. Обе двери сбиты из нестроганных досок, в дверях щели. Входная дверь заперта на засов, который открывался крючком согнутой проволоки. Русская печка, земляной пол, смазанный коровьим кизяком. Внутри дома – острый запах кизяка, сырости и разлагающейся глины. Возле печки стояли кочережка, ухват, чугунный казан, сковородка. Под печкой лежал сношенный веник. Было холодно и неудобно. Стекла маленького окошка с внутренней стороны покрыты толстым слоем снега. Темно. Ходили на ощупь. Но все же можно было укрыться от резко наступивших холодов, морозов, метелей и Цибули. Андрей срубил старую яблоню. Нарезал и нарубил дров. Растопил печь. Оля разобрала вещи и продукты. Обед – пшеничную кашу и чай – готовили вместе. Оля впервые в жизни участвовала в приготовлении обеда и сервировке крестьянского стола. К вечеру в доме стало тепло. Оля и Андрей, поужинав, залезли на горячую русскую печку, смазанную коровьим кизяком. Не спали очень долго, составляли планы поиска ребенка. Проснулись в десять утра. За ночь окна полностью растаяли. стали прозрачными. В окна светило яркое солнце. Оля и Андрей Матвеевич стали супругами. Через пару месяцев стало понятно, что Оля уже не одна.

Жизнь в деревне проходила спокойно. Весной расцвели подснежники, тюльпаны, сирень; вишни, фруктовые деревья: яблони, груши. Вскопали огород, посадили картошку, кукурузу, капусту и другие овощи. Уже к середине лета поспела картошка, огурцы, помидоры. Давно забыли про Цибулю и другие конфликты. Оля готовилась к родам. В середине августа начались роды. Роды принимала соседка, повитуха – бабушка Лукерья, которая когда-то принимала роды самого Андрея Матвеевича. Но, несмотря на большой опыт в акушерстве, бабушка Лукерья с принятием ребенка не справилась. Роды проходили очень тяжело – уже давно отошли воды, ребенок застрял в проходе, вытащить не смогли. Стало понятно, что Оля и ребенок могут погибнуть. Андрей побежал на соседнюю улицу к Степану. Степан быстро запряг лошадь. Олю положили на воз. Андрей взял Олю на руки, чтобы не трясло, и в полный галоп помчались в пригород Москвы в больницу. В больнице ребенка сумели развернуть и вытащить,

Оле оказали необходимую помощь. Все остались живы. Родился мальчик весом более четырех килограммов – назвали, как папу – Андреем.

Ребенок развивался нормально. За десять дней Оля поправилась. Почувствовала, что больница ей больше не нужна. Андрей с Лукерьей пришли забирать Олю. Андрей принес Оле самодельные цветы, одежду, пеленки для ребенка. А врачам гостинец: три килограмма пшена, бутылку подсолнечного масла, килограмм сахара, двести граммов соли, пачку спичек – и кучу благодарностей за спасение жены и ребенка. Врачи тоже благодарили Андрея за царский гостинец.

Оля попрощалась с врачами, с подругой Диной, которая родила девочку. Договорились не терять друг друга и, может быть, когда-нибудь стать сватами. Андрей взял сына на руки, Оля взяла Андрея под руку и вместе с Лукерьей, счастливые, вышли из больницы. На улице вспомнила, что надо взять справку о родах ребенка. Андрей с Лукерьей и ребенком сели на скамейке, а Оля побежала за справкой. Взяв справку, Оля вышла из кабинета врача, направилась на выход. Позади мужской голос ее окликнул:

– Ольга Антоновна! – Оля оглянулась и... остолбенела. В трех шагах от нее стоял Цибуля.

– Какими ветрами! Я потерял надежду встретиться с тобой. Все ищешь свою дочь? Здесь я уже все обыскал. Здесь ее нет. Так все же – что тебя сюда занесло? – спросил Цибуля.

– Здесь родила моя сестра, – ответила Оля, – пришла ее навестить.

– И как же зовут твою сестру?

– Мою сестру зовут Дина. Она там на втором этаже. Она родила девочку. Идите туда, а я сбегая по женским делам и тут же приду.

– Значит, Оля, мы с тобой близкие родственники, – сказал Цибуля.

– Ты, наверно, забыл, что благодаря Андрею мы родственниками стать не успели, – сказала Оля.

– И все же, Оля, мы с тобой очень близкие родственники. Дело в том, что твоя сестра Дина – моя жена. Так что по женским делам тебе придется сбегать в ЧК.

Тут же со двора вошел второй чекист. Олю повязали, вывели во двор через черный ход и увезли в Москву.

Цибуля поднялся к Дине, сказал пару слов, посмотрел в окно, увидел возле роддома Андрея с ребенком и с бабушкой Лукерьей.

Цибуле Андрей был не нужен. Конфликт в ЧК он удачно списал на контру. Связываться с Андреем, зная его физические возможности, было опасно. С другой же стороны, могут раскрыться фактические обстоятельства погрома в ЧК – выяснится факт попытки изнасилования. Сославшись на сложную оперативную обстановку, Цибуля пообещал жене приехать попозже, вышел через черный ход, сел на коня и уехал вслед за Олей.

Не дождавшись Олю, передав ребенка бабушке Лукерье, Андрей зашел в роддом выяснить причину задержки Оли. Главный врач сказала, что Оля, взяв справку, ушла сразу, еще десять минут тому назад. Андрей Матвеевич через черный ход выбежал во двор. Во дворе дворник сказал, что видел, как Олю погрузили на подводу и увезли в ЧК. Андрей рассказал Лукерье, что случилось, взял у нее ребенка, и вместе уехали домой. Он решил оставить ребенка с Лукерьей в доме дочери Лукерьи, а сам вооружится – поедет громить ЧК, выручать Олю.

Приехав в ЧК, Цибуля, как и обещал, предложил Оле сходить в женскую комнату. Предупредил часового смотреть в оба, а сам пошел в кабинет. Через две-три минуты Оля вышла из женской комнаты. Часовой, чуть наклонив голову в бок, с легкой улыбкой спросил:

– Ты разве не заметила окно?

– Я заметила, но побоялась... – ответила Оля, – да и тебя подводить совестно.

– Беги. Я тебя отпускаю, а окно я открою сам. Скажу, что ты убежала через окно.

Смотри! Попадешься – меня не подведи. Беги сразу за дом, там темные переулки.

Оля незаметно скользнула в дверь и сразу юркнула за здание, выбежала на дорогу, схватила первую попавшуюся повозку и помчалась к дому Лукерьи. Не найдя Андрея с ребенком и Лукерью, Оля решила, что Андрей, не обнаружив ее в больнице, узнав от врачей, что ее увез Цибуля – пошел вдогонку за Цибулей. «Значит, – думает Оля, – в данный момент Андрей с ребенком либо у дяди, либо в ЧК». Оля решила вернуться домой – к дяде.

Дежурный быстро вошел в туалет, открыл окно, испачкал подоконник, вышел в коридор и плотно закрыл дверь. Через пять-семь минут из кабинета вышел Цибуля – крикнул дежурному:

– Что она там, веревку проглотила!?! Тащи ее сюда!

Дежурный подошел к двери, постучал в дверь:

– Эй там, дамочка, пора выходить, начальство ожидает.

– Зайди, вытащи ее, что с нею нянчиться! – крикнул Цибуля.

– Но как же я найду, – сказал дежурный, – там женщина! – а сам продолжал стучать в дверь туалета и просить Олю выйти.

Цибуля сорвался как с цепи, подбежал к туалету, рванул за ручку двери. Открыл дверь настежь:

– Идиот! Ты куда смотришь! Она убежала через окно. Поднимай на ноги караул, переверните город, но ее нужно найти!

Цибуля дал задание дежурному бежать к дяде Олегу. В случае, если Оля у дяди Олега – задержать и закрыть в камеру за побег, а сам помчался к больнице. Дежурный прибежал к дяде Олегу и сообщил ему, что Оля родила ребенка, но в больнице ее задержал начальник ЧК Цибуля и привез ее в Москву. Но Оля сбежала и сейчас может находиться у своей соседки Лукерьи.

Дядя Олег прыгнул в карету и помчался к дому Лукерьи, чтобы опередить Цибулю.

Узнав в больнице, где живет Оля, Цибуля помчался в деревню. Не найдя ее в деревне, Цибуля помчался в город. Случайно догнав Олю на дороге, избил ее извозчика, обрезал вожжи, связал Оле руки, посадил в свой воз, привязал к возу и, довольный уловом, спокойно поехал в направлении Москвы. Но радость его была недолгой. Впереди он увидел мчащуюся карету. Цибуля точно знал – едет дядя Олег. Но деваться было некуда. Узкая полевая дорожка. Вокруг поля. Все просматривается на десятки километров. Да и бояться нечего. Он – чекист, при власти, при оружии, при выполнении служебного долга. И все же Цибуля взял чуть-чуть вправо, надеясь, что карета проедет мимо. «А вдруг это не Олег, чем черт не шутит», – подумал Цибуля. Но карета, подъехав ближе, свернула немного влево, остановилась. Олег выскочил из кареты, быстро подошел к Оле, разрезал ножом веревки, снял Олю с воза.

Цибуля, наставив наган на Олега, произнес.

– Умерь свой пыл, старик. Ты что не видишь с кем имеешь дело, и чем для тебя это может закончиться?!

Олег с пол-оборота корпуса резко бросил нож в сторону Цибули. Нож воткнулся прямо в горло. Цибуля, роняя наган, упал на воз. Олег, обрезав вожжи, отпустил лошадей в поле, Цибулю накрыл сеном, и вместе с Олей уехал домой.

– Ну все, Оля, с Цибулей покончено, все проблемы позади, начнем новую жизнь без Цибули.

Через десять-пятнадцать минут проезжие обнаружили Цибулю с ножом в горле, внимательно осмотрели раненого, пришли к выводу, что он еще жив. Нож вынимать не стали, переложили на свой воз и быстро отвезли в больницу.

Дождавшись вечера и оставив ребенка с бабушкой Лукерьей у ее дочери, Андрей Матвеевич решил, что пора действовать. Приклеил бороду, усы, пониже натянул шляпу. Конфискованные у Цибули и дежурного по ЧК наганы, засунул за пояс под рубашку сзади. Примчался в ЧК. Поставив лошадей недалеко за углом и взяв лапку для вытаскивания костылей со шпал в левую руку, Андрей Матвеевич строевым зашел в ЧК. На входе Андрея тут же узнал дежурный.

– О! Старый знакомый! Добро пожаловать! Немного постарел, усы-бороду отпустил. Но ты зря старался. После того, что ты здесь натворил, Цибуля тебя через двадцать лет узнает, даже если ты паранджу натянешь. Скажи, зачем пришел? С повинной или принес деньги на ремонт помещения, которое разрушил? Деньги мы, конечно, примем, а вот раскаяние вряд ли.

– Почему? – спросил Андрей.

– Потому что раскаяние может принять только потерпевший, то есть сам Цибуля, а Цибуля сейчас находится в госпитале.

– Что с ним? – спросил Андрей.

– Не притворяйся. Будто ты ничего не знаешь. Недавно Цибуле кто-то загнал нож прямо в горло. И первый подозреваемый – это ты.

– Сам подумай, – сказал Андрей, – зачем я стал бы загонять Цибуле нож в горло, если я мог убить его одним щелчком?

– Я тебе верю, – сказал дежурный, – потому что я видел тебя в работе. Я знаю, что ты пришел сюда за Олей, но ее здесь нет. Я не знаю, как вы расстались, но Олю привез сюда Цибуля. Он разрешил ей зайти в туалет, но она оттуда сбежала через окно. После побега Оли по заданию Цибули я ездил к дяде Олегу, но она к нему не прибегала. Где сейчас находится Оля, никто не знает. Но зато все знают, что Цибуля находится в госпитале с ножевым ранением в горло. Он родился в рубашке – нож не задел артерии и вены. Сделали операцию. Угрозы жизни нет, через неделю-две выйдет на работу. Имей в виду, к Олегу идти опасно. Там может быть засада. В ЧК в данное время работает оперативная группа с центра. Выдвигаются разные версии о покушении на жизнь начальника ЧК. Как только оперативный план составят – начнутся облавы, аресты. Камеры забьют подозреваемыми.

– Как тебя зовут? – спросил Андрей.

– Меня зовут Павел. А здесь и дома меня называют Паша.

– Слушай, Паша, почему ты мне помогаешь? Тебя за это могут строго наказать или вообще признать контрой и расстрелять.

– Ну, во-первых, я всегда на стороне сильных, а ты очень сильный,

Во-вторых, я ненавижу негодяев, а Цибуля – негодяй. Он действует от имени рабочего класса и всего угнетенного народа, а службу на девяносто процентов использует в корыстных или личных целях. Я же знаю, что он хотел сделать с Олей в кабинете. Я сам хотел побегать и пристрелить негодяя. Но ты меня опередил, и с риском для жизни взломал две двери – защитил девушку. Я уверен, что она согласилась выйти за тебя замуж, так как ты идеальный мужчина: ты очень сильный, ловкий и внешне выглядишь на все сто – женщины таких любят. Кроме того, есть еще третья причина, но о ней я рассказывать не буду, так как рассказ займет много времени, а сейчас закончится оперативное совещание, выйдут оперативники и тебя схватят.

– Если бы здесь была Оля, то никто бы оттуда не вышел, – сказал Андрей. В любом случае, спасибо, Паша. В случае чего, на меня можешь рассчитывать, – Андрей достал из кармана серебряный портсигар, протянул его Паше.

– Возьми, Паша, это тебе за доброту. Так держать! Дойдешь до комиссара или до Таганки.

Паша взял портсигар, поблагодарил за ценный подарок и пообещал вернуть, когда встретятся на Колыме. За минутный разговор с Пашей Андрея никто не заметил. Он быстро вышел из помещения ЧК и галопом помчался домой, будучи уверенным, что Оля уже дома. Однако, приехав в деревню, обошел все дома, где, по его мнению, могла быть Оля, но нигде ее не нашел.

Уже на второй день Олег узнал, что Цибуля не умер, а находится в больнице в удовлетворительном состоянии, но пока что не может говорить. В городе стало оставаться очень опасно. Время осталось только собраться и уехать. «Это значит, – подумал Олег, – что мне осталось жить на свободе – или жить вообще – пока Цибуля выйдет из больницы, если не опишет все, как было. Если опишет, то могут прийти даже сегодня ночью. Что потом будет с Олей – неизвестно». Дядя Олег предложил Оле срочно собраться и уехать к родственникам в Ухту, пообещав

щав Оле продолжить поиск Андрея и ребенка, как только определит ее в безопасном месте. Даст Андрею ее адрес или приедут с Андреем вместе. Оля согласилась выехать из Москвы без ребенка и Андрея, так как дяде, в случае выздоровления Цибули, тоже грозила большая опасность.

Дядя Олег с сыном Глебом и Олей быстро собрались и выехали за пределы Москвы – подальше от «цивилизации». По дороге в Ухту к Оле прицепился какой-то молодой моряк гражданского флота – еле-еле отцепили. В Ухте из бывших друзей и знакомых тоже никого уже не было. Там Олег разговорился с одним мужчиной. Рассказал о ситуации. Спросил, нет ли у него на примете порядочных людей, чтобы оставить Олю под ответственность – конечно, за хорошую плату. Мужчина, его звали Гриша, сказал, что в тундре у него есть знакомые оленеводы – Петя и Дуня. Им по пятьдесят лет, детей у них нет. Они будут очень рады молодой девушке.

– Конечно, комфорта там нет, – сказал Гриша, – привыкать к жизни в чуме молодой девушке, родившейся в комфорте в знатной семье, будет очень трудно.

Однако Оля согласилась ехать в тундру. Ко всему, что у них было с собой, подкупили еще продуктов, меховой одежды и вместе с Гришей поехали к оленеводам. Оленеводы – Петя и Дуня, узнав цель визита таких знатных людей, очень обрадовались и с удовольствием приняли Олю, как родную дочь. Оле тоже понравилось в чуме. Она была счастлива, что убежала из того ада и поэтому с радостью осталась в чуме. Дядя Олег оставил Дуне и Пете много подарков, продуктов, огненной воды. Попрощавшись с Олей и хозяевами чума, вместе с Глебом уехал в Москву. Оля попросила связаться с родителями, объяснить им трагические события на пожаре, о потере второго ребенка. Рассказать о ее замужестве и всех трагических событиях. Написать письмо Мадлен и рассказать ей, что случилось с ней в России...

В Москве дядю Олега уже ждали. Повязали прямо возле дома, задержали и Глеба. Все добивались, где спрятали Олю. Дядя Олег и Глеб утверждали, что Оля пошла в посольство Франции и, наверное, уехала в Париж. Глеба как несовершеннолетнего выпустили через десять дней. Дальнейшая судьба дяди Олега неизвестна.

Отдохнув от сложной и тяжелейшей дороги на север и обратно, Глеб решил поехать в Петроград к родителям Оли. Рассказать им, что произошло с Олей, да и со всеми ими, в Москве. Петроград по-прежнему кипел: где играют вальс, где похоронную, где славянку; кто на фронт, кто с фронта. Вокруг плакаты, митинги. Кого ведут, кого несут, нет ни начальников, ни подчиненных. Никому ни до кого нет дела – полная свобода. Думские масоны и царские лизоблюды давно разбежались. Прихватив самое ценное – рассыпались по миру – кто в Париж, кто в Нью-Йорк, кто в Стамбул.

Глеб взял экипаж и направился к дому Антона. Величественный великолепный дом, неожиданно для Глеба, оказался серым и мрачным. На фасаде кое – где осыпалась краска. Окна стояли голые, без штор, ворота приоткрытые. Возле подъезда и во дворе грязь: окурки, спички, бумажки. мрачно, уныло. Казалось, дом необитаем. Все указывало на то, что здесь произошли трагические события. Глеб долго стоял во дворе. Заходить было страшно. Страшно было увидеть и услышать то, чего он не ожидал и не предвидел в дороге.

Постучал в дверь – никто не открывает. Дверь оказалась открытой. Вошел в вестибюль: полы голые, стены голые, вокруг пыль и грязь. Стало понятно – дядя Антон и тетя Нинет здесь больше не живут. Либо арестованы, либо, что еще страшнее, – погибли. Напротив, него открылась дверь. Из комнаты вышел старичок.

– Кто вы, и что вам здесь нужно? – спросил старичок.

– Я племянник дяди Антона. Меня зовут Глеб. Я приехал из Москвы проведать дядю Антона и тетю Нинет и сообщить им очень неприятные новости.

– Извини, Глеб, я тебя не узнал. Я видел тебя еще ребенком, когда тебе было десять лет, а сейчас ты настоящий мужчина. Стал выше меня на голову. Я кучер твоего дяди Антона, меня зовут Герман.

– Я тоже вас помню, – сказал Глеб. Я вижу, что здесь что-то произошло. Расскажите все, что вам известно.

– Мне, Глеб известно только то, что Антон и Нинет погибли. Их трупы нашли в лесу. Антон погиб от выстрела в спину, а Нинет – от тупого удара по голове. Там же возле них лежали еще два трупа – один с огнестрельным ранением в грудь, второй с ранением в затылок. Что фактически там произошло – никто не знает. Наверное, были какие-то разборки между собой.

– Дядя Герман, – спросил Глеб, – а в поведении дяди Антона и тети Нинет вы не заметили что-то необычное накануне трагических событий?

– Как-то утром, накануне этих событий Антон вышел на балкон и приказал мне запрягать коней. Это было за неделю до большевистского переворота. Я запряг коней и стал ждать команду. Но команду я не дождался. Зашел в дом, спрашиваю служанку.

– Почему хозяин так долго не выходит? Экипаж давно готов.

Служанка мне говорит:

– Антон уже давно уехал, а Нинет сначала ехать отказалась, но потом передумала и побежала вдогонку. Я думала, они уехали с тобой. И, увидев тебя, я очень удивилась, что ты здесь и спрашиваешь о них.

– Конечно, когда я уже запряг коней, – говорит Герман Глебу, – я слышал, что к подъезду подъехал какой-то экипаж. Потом через некоторое время этот экипаж резко рванул с места и уехал. Я подумал: может быть, Антону привезли какую-то бумагу от Императора, которую Антон очень ждал. Курьер отдал Антону бумагу. Антон быстро прочитал ее содержание и уехал вместе с курьером. Либо, просто, Антон не стал меня ждать и уехал вместе с ними. Хозяев мы ждали к обеду, потом к ужину. Так в ожидании прошло десять дней. Все ходили грустные, понурые. Без хозяев жизни никакой нет. Мечешься из угла в угол. Не знаешь, что делать. Конечно, все думали, что хозяев арестовали за компанию с Императором. Ведь Антон был очень близок к Императору.

Когда к власти пришли большевики, мы думали, что Императора и Антона с Нинет сразу же освободят. Но через некоторое время к нам пришли комиссары и сообщили, что Антона и его жену нашли в лесу мертвыми. Стали нас расспрашивать. Мы им рассказали то, что я рассказал тебе. Больше мы ничего не знаем. Однако для них ценно было уже то, что мы им сказали день и время, когда Антон и Нинет уехали из дома. Как только узнали о смерти хозяев, управляющий открыл сейф, забрал все, что там было, но что там было, мы, конечно, не знаем. Забрал все дорогие вещи в доме: картины, золотые, серебряные сувениры, дорогую мебель, ковры. Больше мы его не видели. Ну, а остальное, по мелочам, мы выносим и отдаем за кусок хлеба. Ты уж нас прости, сынок. Мы хоть и старенькие, но умирать от голода не хочется.

Узнав о гибели хозяев, мы долго были в трауре. Я очень сильно жалел, что не поехал с ними. Я, наверное, мог бы их защитить. Ты, Глеб, конечно, знаешь, что мы с Нинет долгие годы путешествовали по восточным странам, осваивали искусство рукопашного боя.

– Спасибо, Герман, – сказал Глеб. Ты мне рассказал трагическую историю нашей семьи. Мне срочно нужно зайти в посольство Франции. Нужно обо всем сообщить в Париж. Там осталась моя двоюродная сестра – Мадлен и другие близкие родственники. Они обо всем должны знать. Из посольства уеду домой – в Москву.

А сейчас собери всю прислугу. Собравшиеся хорошо знали Глеба по детству, но никто не узнал. Глеб всем сказал:

– Дом и все, что в доме, поместье и все, что в поместье, разделите между собой. Вы прослужили здесь всю жизнь. Все принадлежит вам. Мне и моей семье ничего больше не нужно. Разделите и увезите как можно скорее. Программу большевиков вы знаете. При большевиках

все будет общим, в том числе и жены. Не заберете вы – заберут они. Оформление документов на имущество составлять не будем. Юридической силы оно все равно иметь не будет. Дом и поместье перейдут в собственность большевиков.

Глеб попрощался с бывшими слугами и служанками Антона и Нинет, и поехал в посольство. Возле посольства Глеба задержали чекисты, посадили в экипаж. Связали веревками руки, увезли на вокзал. Привезли в Москву, где он неделю просидел в ЧК. Один раз в сутки водили на допрос. Во время допроса «нянчили» сапожники. Добивались признания, куда спрятали Олю. Но Глеб не сознавался. Через неделю Глеба неожиданно выпустили. Он очень удивился, потом от людей узнал, что Цибулю кто-то застрелил из-за угла.

Через два года вернулся с войны второй дядя Оли – Григорий. Узнав, что здесь произошло за эти годы, и что сейчас его племянница Оля живет в тундре у оленеводов, дядя Григорий собрался и уехал к ней. Глеб с дядей не поехал, так как сильно заболел. Дядя набрал много подарков, в том числе и продуктов, много огненной воды, разной парфюмерии, а также карту с координатами местонахождения чума, составленную Глебом, и уехал в поисках Оли.

Долго ездили по тундре, но все же чум нашли. Петя и Дуня были в чуме, сидели опечаленные, подавленные, неразговорчивые. Оли в чуме не было. Из спального мешка выглядывал ребенок, мальчик, возрастом около двух лет. Увидев незнакомого мужчину, хозяева чума оживились, даже обрадовались. Подошли к нему, обступили. По их поведению чувствовалось, что они ждали от дяди какого-то важного сообщения. Ждали, что незнакомец сам начнет разговор. Когда дядя Григорий представился и сообщил им цель своего приезда, они поняли, что тот о происшествии в чуме ничего не знает. Опять сели на свои места, поближе к ребенку, к гостю потеряли всякий интерес. Дядя Григорий, конечно, уже понял, что здесь произошел какой-то крупный конфликт. Но разговорить Петю и Дуню было трудно.

Потом, когда Григорий вытащил из сумки бутылку огненной воды, уже после первого стакана Петя и Дуня разговорились. Перебивая друг друга, рассказали:

– Как-то утром, оставив Олю с ребенком в чуме, мы с Дуней уехали на стоянку оленей посмотреть, все ли там в порядке. Стоянка была недалеко. Планировали приехать обратно через два-три часа. Все было, как всегда, тихо, спокойно. Ничто не предвещало никакой опасности. Посторонние люди сюда попадают случайно, один раз в несколько лет. Вернулись, как и рассчитывали, через два часа, спокойные и довольные поездкой, так как стадо оленей было в порядке. Но когда вошли в чум, увидели, что Оли в чуме нет. Ребенок сидел и плакал, с него никакого вопроса, он ничего не понимал. В этих местах принято считать так: если в чуме человека нет, значит, его уже нет нигде.

Вокруг равнина, вокруг снега. Все просматривается на десятки километров. При такой обстановке искать бесполезно – здесь не город и даже не деревня, здесь нет домов, лесов и гор. На улице мороз за сорок. При такой погоде пешком человек десять километров не пройдет. Он обязательно замерзнет. Однако девочки не стало. Сидеть сложа руки не будешь. Стали искать. объездили всю округу, но Олю, как и предполагалось, не нашли. Искали так далеко, что на такое расстояние не уйдет даже мужчина, родившийся в тундре. С другой же стороны, у Оли не было ни малейшей необходимости куда-то уходить, тем более бросать ребенка одного.

– Олю, – говорил Петя, – мы уже считали своей дочкой и сходили с ума от горя, от ее потери. Ведь она нам родила внука. Олю и ее ребенка мы любим, как своих кровных детей. Мы подняли на ноги всех своих родственников, все чумы, как ближние, так и дальние. Таким образом, поиск Оли охватил сотни километров тундры. Но ни Оли, ни ее следов обнаружено не было. Поиски продолжались всю зиму и лето.

Мы с женой впали в глубокую депрессию: только-только появился смысл жизни – как тут же утерян безвозвратно. Но у нас остался ребенок Оли – маленький Славик. И это нас успокаивало, придавало сил и смысл жизни. Видя дитя в нашем чуме, мы, конечно, были без-

мерно счастливы. В то же время были и большие тревоги. Боялись, что кто-то приедет и забрет Славика.

Эти тревоги не покидали Петю и Дуню долгие годы, пока Славик не повзрослел и не стал их считать своими родителями. Конечно, о том, что у него была мама Оля, и при каких обстоятельствах ее не стало, Славик знал.

– Поскольку Олю и ее следы никто не обнаружил – продолжал Петя, – мы все пришли к выводу, что Оля имеет божественное происхождение, так, как и на вид и в поступках она была похожа на богиню.

Потом Петя с Дуней все осмыслили и переосмыслили. Вспомнили, как Олю сюда неожиданно привез человек, одетый по-царски, с дорожными подарками. Его и Олю везли на нартах, а позади еще упряжка с продуктами, одеждой, обувью и другими дорогими вещами. Оля неожиданно пришла и так же неожиданно ушла. Все дружно пришли к выводу, что Олю прислал сам бог, чтобы Оля оставила божьего ребенка и ушла опять к богу. Поэтому и следов никаких не осталось.

– День исчезновения Оли, – сказал Петя, – мы объявили праздником. Устраиваем гуляние, молимся богу и его дочери – Оле.

Дядя Григорий просил Петю и Дуню отдать ему Олиного ребенка – Славика. Но Петя и Дуня резко возразили. Они сказали, что, если они отдадут ребенка, их жизнь потеряет всякий смысл. Кроме того, это сын божий, и без разрешения бога они отдать божьего сына не могут. Если они отдадут божьего сына без разрешения бога, то бог жестоко накажет не только их самих, но и весь их род. Все станут болеть страшными болезнями и умрут страшной смертью.

Обдумав все это, дядя пришел к выводу, что забирать ребенка против воли Пети и Дуни – это варварство. Эти люди любят ребенка, как своего кровного, с ним связана вся их дальнейшая жизнь, все их будущее. С Олей и ее ребенком у них возникла новая вера – вера, что их посетила посланница бога. Они уже молятся на Олю и ее сына. С Олей и ее сыном связывается вся дальнейшая жизнь их рода. «Предположим, – рассуждает Глеб, – что Петя и Дуня отдали бы моему дяде ребенка. Возникает другой вопрос – куда его везти? Везти ребенка Оли туда, откуда Оля сама еле-еле сбежала? Там, в тундре, бесследно пропал один человек за сто лет, и его искали целый год. А здесь, куда бы дядя привез ребенка, за сто лет пропали миллионы людей: стреляют, рубят, режут, вешают – убивают семьями и поодиночке. И никто никого не ищет. Привезти ребенка сюда – это значит взять ребенка из рая и увезти его в ад. Это преступление перед ребенком и этими людьми». Поразмыслив, дядя Григорий оставил все привезенные подарки, тепло попрощался с Петей и Дуней и со спокойной душой уехал в Москву.

Глава 3. СВАДЬБА В ЗАПОЛЯРЬЕ

Прошло тридцать пять лет.

Катя лежала на тренажере Всесоюзного центра подготовки международных диверсантов. Огромный зал в полгектара. В зале ни души. Полная тишина. Вокруг – леса дремучие. Целебный воздух. Птички поют, лоси в окна заглядывают. «Лоси что! – думает Катя. – Лоси – нестрашно. Вот с минуты на минуту станут заходить зубры в камуфляжах. Чем черт не шутит, подумают – шпионку подсунили. Не дай бог – гранатами закидают».

Согнув правую ногу в колене и прижав ее к животу, Катя решила, что на первый день для разминки этого достаточно. «Лучше не до тренироваться, чем перетренироваться. Вот скрипнет дверь, – думает Катя, – тогда можно будет подрыгать ногами. В конце концов, я пришла сюда не ногами шевелить, а мозгами. У меня своя программа, которая к спорту не имеет никакого отношения. К тому же вчерашний конфликт с Лешкой из головы не выходит. Здесь не до спорта. Да и тело еще трясется. Откуда он взялся на мою голову? С первого курса два года хвостиком матылялся. На пятках мне мозоли понабивал, не успевала каблуки менять. Прилип как банный лист, оторвать невозможно. Правда, красавчик, с ямочками на щечках. О любви знал почти все – на язык. А коснулось дела – язык куда-то потянуло, ручки-ножки затряслись, что делать дальше – не знает.

Во всем сама виновата – видела, знала, что он мне абсолютно не подходит. Нужно было сразу пнуть. Но скромность не позволила. И вот результат! Надо же! Идиот! Казанова паршивый. Всю нервную систему разрушил.

Или вот еще. Три года по утрам бегала по деревне, собак дразнила. Бежишь, смотришь – из-за кустов выбегает член. Старый, толстый, жирный – член Политбюро. Тащится, пытит, кричит, как бурлак на Волге. Только бурлак тащит ляжку и проклиная судьбу. А этот тащит на спине «тяжелый груз ответственности за процветание советского народа» и благодарит судьбу за то, что повезло в жизни так ловко примоститься на шее этого народа.

Правда, бурлак недоволен тем, что бьют плетью, а член недоволен тем, что слишком маленькая зарплата – всего 1 200 рублей в месяц – заработок уборщицы всего-навсего за полтора года. Или зарплата шахтера, где-нибудь в Воркуте или в Норильске, тоже всего-навсего за полгода.

Недавно один рыбак рассказывал: «Полгода, с ноября по май месяц в Бристольском заливе на ВМРТ рыбу ловил. По двенадцать часов в сутки пахали, по двадцать тонн камбалы в сутки морозили. План выполнили и перевыполнили по всем показателям – по мороженой, по туку, по рыбьему жиру, даже по филе палтуса. В свободное время ломачами и топорами лед с палубы и с бортов откалывали, чтобы судно не утонуло. Ну, думал рыбак, заработаю денежек, поеду в свой Арзамас, возьму двухкомнатную кооперативную квартиру за две тысячи четыреста рублей. «Москвичика» куплю, хоть старенького, – зато буду на колесах. Женюсь. Заживу как человек».

Приходит в порт. Голова кружится от счастья – полгода земли не видел. Подходит к окну кассы. Ему торжественно вручают тысячу двести рублей. Спрашивает:

– Это что, аванс?

Ему кассирша говорит:

– Иди в бухгалтерию. Там все знают, а я выдаю согласно ведомости.

Он побежал в бухгалтерию. Там посмотрели в ведомости, говорят:

– Все правильно: начислено с коэффициентом, плюс выходные, праздничные, морские, премиальные, за отгулы. Минус часть стоимости БМРТ, снасти, спецодежда, питание, налоги, бездетные.

Вышел рыбак в коридор. Сел на скамейку, и целых два часа в уме пережевывал: коэффициент, плюс выходные, праздничные, морские, премиальные, за отпуск- это понятно. А где же зарплата за две с половиной тысячи тонн рыбы? Посмотрел на военно-морские ботинки, пощупал рукав военно-морского бушлата. Да, ладно... на год хвати, а там посмотрим.

Делать нечего. Подсчитал свои расходы: туфли, костюм нужно, пальто, плащ, рубашки, белье, ведь только отслужил срочную, тоже на корабле, пять лет от бухал. Остается только на билет домой, в Арзамас. Ну, и на старенький велик.

– Собрались мы с ребятами, – говорит рыбак, – решили пойти в ресторан. Выпили малость с горя. Там подсели девочки, пригласили в гости. Ну а утром смотрим – в карманах веселый ветер. Все побежали в отдел кадров – просить направление на новое судно и опять в рейс. На судне хоть покормят...

А член все бежит и думает: «Ну, черт с ней, с этой зарплатой, маловато, но спасибо и за это. Зато почти все бесплатно: проезды, пролеты, курорты, спец магазины, спец квартиры, спецдачи, машина «Чайка» и многое другое. Жить можно».

«Короче, – думает Катя, – свинья-свиньей. И с этой свиньей я должна была поздороваться, да еще и улыбнуться». Здесь совсем другое дело. Не нужно никуда бежать, можешь ни с кем не здороваться. Лежи себе на тренажере, ногами дрыгай. Да и посмотреть будет на кого.

Но вот хлопнула дверь. «Надо же! – думает Катя, – оперативное подразделение, а оперативной смекалки – ровно нуль – тренажер поставили к двери головой. Теперь, чтобы посмотреть, кто входит, кто выходит, мне нужно задирать голову. Безобразия! Нужно все переставить! Все переделать под свои стратегические цели. Так! А что я лежу?! Нужно выполнять какое-то упражнение. Но какое? Ага! Езда на велосипеде. Нагрузка минимальная – эффект максимальный». Катя подняла ноги, согнула в коленях: Поехали...

В коридоре послышались шаги. Заскрипел деревянный пол. «Слон какой-то», – думает Катя. Смотрит – глазам не верит. Ничего подобного не видела. Не зубр, как предполагала, а настоящий слон. Молодой – лет, наверно, тридцати, может, чуть больше. Здоровенный – еле влез в дверь. Настоящий Геракл. Нет, великан. Мускулатура по всему телу прямо налеплена, как аппликация – кусками. Это делает его похожим на какого-то динозавра! Встреть его в горах, в лесу или на каком-нибудь диком пляже, подумаешь – снежный человек.

Катя смотрит на него, думает: «Зачем он сюда пришел? Неужели он хочет стать еще мускулистее, еще сильнее... Он ведь безо всяких тренировок пройдет по противнику, как комбайн по пшеничному полю. По-моему, эта мускулатура его портит. Она делает его устрашающим и даже опасным. Хотя на лицо так ничего: глазки голубенькие, борода чуть-чуть расплюсценная. И опять же – на бороде ямочка. А у меня после Лешки на ямочки аллергия. Да черт с ними, с этими ямочками, мне же с ним не целоваться. Но как громила он мне полностью подходит! Надо за ним пронаблюдать. Потом попробовать с ним заговорить. Не исключено, что он вполне нормальный. И если окажется, что он нормальный, что его мозг не изуродован, как его тело, и имеет с телом какую-то связь, то это как раз тот, кто мне нужен. Даже если этот терминатор будет просто стоять со мной рядом, то никому не придет в голову подойти ко мне даже поздороваться. А это как раз то, что мне нужно».

Смотрит Катя – слон остановился. Минуту смотрел в ее сторону. Тут к нему подбегает дежурный. Слон смотрит то на Катю, то на дежурного. Дежурный – руку под козырек.

– Товарищ полковник! Вы так быстро промчались мимо меня, что я не успел вам подать пропуск и объяснить суть дела.

Слон взял пропуск. Резко сделал два шага в сторону Кати. Остановился. Еще раз прочитал пропуск, посмотрел на Катю и быстро пошел в кабинет. «Похоже, чем-то недоволен, – подумала Катя. – Ничего, привыкнет!»

Полковник зашел в кабинет, сразу схватил телефон. С того конца представились:

– Генерал Сергеев! Слушаю!

Слон закричал в трубку:

– Миша, ты что творишь? Что это у меня в центре за чудо появилось! Ты решил Все-союзный центр подготовки международных диверсантов превратить в институт благородных девиц?!

– Я ждал твоего звонка, Андрей, – ответил Миша. – На твоём месте я бы тоже возмутился, так как появление женщины в боевом подразделении – это признак начала разложения дисциплины, что в конечном итоге закончится ликвидацией центра. Но я здесь ни при чем.

– Как это ты ни при чем! Пропуск подписан тобой!

– Мне приказали из Генерального штаба. А приказ вышестоящего начальства не обсуждается. Ты это знаешь. Если хочешь поспорить, телефон знаешь – позвони. Ты, наверно, не обратил внимания, девочка имеет допуск только в первый зал. По сути – это вестибюль твоего центра. В этом зале она увидит не больше, чем в любом спортивном магазине в Москве. Потом, Андрей, не так уж все плохо. Я сам ее не видел, но говорят, она еще совсем молоденькая девочка и очень красивая, а ты не женат. Намек понял? Конечно, понял! Еще не раз скажешь мне спасибо.

– Я, Миша, не собираюсь впутываться в разные семейные истории.

– Тем не менее Андрей, впутываться придется. Вопрос о твоём семейном положении уже дважды поднимался на оперативном совещании. Я бился за тебя, как лев. Ты знаешь, что на твоей должности должен быть только человек женатый и, желательно, побольше детишек. Ты понимаешь, о чем я говорю: семейное положение повышает уровень доверия. Враг хитер и коварен. Подсунет какую-нибудь красотку и – вспоминай, как звали. Наши инструкции не из пальца высасывали, а из жизни брали. Неженатых вербуют в три раза чаще, чем женатых. Так что готовься к свадьбе, Андрей!

Андрей сердито положил трубку. Что-то стал сердито бормотать. Стал раздеваться, переодеваться. Вперемешку с мыслями о женитьбе все не клеилось. В конечном итоге надел шаровары, тренировочную майку и, недовольный, вышел в зал.

«Ну, слава богу. Думала – нырнул в какую-то потайную дверь. Внешне все в порядке: трико, майка, на ногах белые тапочки, носков не видно. Одет нормально, опрятно – ничего не расстегнуто, ничего нигде не висит, в руке секундомер. Значит, должен быть нормальный. Кажется, есть смысл познакомиться, – подумала Катя. – Прозондировать, что за субъект, чем вообще занимается, характер. Но по внешним данным подходит на все сто. Нужно его как-то подозвать, – думает Катя, – пусть подойдет поближе. Если от него пахнет «Шипром», – значит, он вполне нормальный – придерживается моды». Катя крикнула:

– Эй ты, Слон! Помоги женщине подняться.

Слон подошел. Было такое ощущение, что он собой заполнил весь этот огромный зал. Стало страшновато, по телу прошел холодок. Кате стало как-то неудобно, тем более что поблизости никого нет. Есть ли у этого чудовища хоть какая-то связь тела с мозгом? «А вдруг схватит и начнет трепать, как куклу – и мне конец!» – думает Катя.

– Ну что стоишь! Подай руку женщине! Нет-нет! Рука больная – перелом. Подними так.

Слон взял Катю своими огромными руками под мышки, как куклу, поставил на ноги. Бормочет:

– Все в женщины торопятся. На самом деле девочка, совсем ребенок.

Катя говорит:

– А ты уже успел меня всю обшарить глазами. Уже знаешь, женщина я или девочка?

– Нет, здесь ты ошибаешься. Я привык женщин шарить не глазами, а руками. А глазами я оцениваю, стоит ли это делать. Но если ты так рвешься в женщины, предлагаю встретиться вечером, после тренировок. Там и выясним...

«Да... – подумала Катя, – этот тип не просто нормальный, а слишком нормальный, он просто нахал. Значит, его нечего бояться. Он такой, как все».

– Нет, я в женщины не рвусь. Но женщиной я пока что не стала. Однажды хотела стать. Был у меня один поклонник. С первого курса по пятам ходил. Уже согласилась выйти за него замуж, но в самый ответственный момент у него ручки-ножки затряслись – не знает, что делать дальше. Оказался или трусом, или импотентом. Так что с вашим братом женщиной стать сложно.

– По этим параметрам у меня все нормально, – отвечает Слон. – Войну прошел, был в горячих точках. Имею ордена и медали за отвагу. Так что в трусости уличен не был. А насчет импотенции – имею удостоверение, между прочим, непросроченное. Если не веришь, могу показать – я не стеснительный, – Андрей рассчитывал, что Катя не выдержит явно грубого отношения и добровольно покинет зал.

– Ты не только не стеснительный, ты нахал! Тем не менее, Слон, я готова с тобой встретиться. Только ты не подумай! У меня к тебе деловое предложение. Но для начала нужно познакомиться.

Катя протянула руку:

– Катя.

Слон подал руку:

– Андрей.

– Хорошо. Чем ты здесь занимаешься, Андрей? – спросила Катя.

– Извини, Катя. Подожди минуту. Я пойду, поручу провести тренировки своему заму, и мы продолжим.

– Хорошо. Жду.

Когда Андрей подошел к команде, ребята уже делали разминку и были готовы стать в пары. Андрей поручил помощнику проводить тренировки и ушел. Идя по залу, Андрей в глубине души почувствовал какое-то легкое волнение. Ему казалось, что он с Катей вел себя очень грубо. Катя, может, обиделась и ушла. Если ушла – неудивительно. Ведь разговор с Катей был почти ни о чем и, тем более, в состязательной и ироничной форме. «Разговор в этом ключе, – думал Андрей, Катя начала сама». Но Андрей не учел, что Катя – совсем молоденькая. В таком возрасте девочки часто стараются казаться старше, чем на самом деле, чтобы не конфузиться и разговаривать на равных. Андрей этого не понял, а поддержал и развил грубый тон разговора. Для первого знакомства с женщиной, а тем более с девушкой это недопустимо. «Поэтому, – думает Андрей, – если Катя не ушла, нужно извиниться и изменить тон».

Войдя в тренажерный зал, Андрей обнаружил Катю сидящей на тумбочке для личных вещей спортсменов. «Ага! Опять куражится, – заметил Андрей, – значит, либо будет просьба, либо невыгодное для меня предложение. Такое поведение обычно облегчает устанавливать психологический контакт, но я не потерплю. Рядом – мягкое кресло, а она залезла на тумбочку. Наверно, извиняться не получится», – подумал Андрей.

– Ты, что, Катя, кресло не заметила?

– А мне и здесь удобно. На тумбочке выше, дальше видно. Тем более я не люблю сидеть на мягких предметах.

– Слезай! И говори, зачем пришла, красавица!

– То, что я красавица, мне известно уже давно. Мужики глазами все тело просверлили. До самых костей.

– А тебе мужики больше ничего не просверлили?

– Пока не встретила достойного сверлильщика.

– Прежде чем говорить, зачем я пришла, я должна знать, чем ты здесь занимаешься. И чем занимаешься вообще. Я об этом тебя уже спрашивала, но ты уклонился от ответа, пошел давать распоряжение, но обещал разговор продолжить.

– Ты, Катя, грубо нарушаешь субординацию. Ты пришла сюда впервые, ты здесь гостя. Ты не имеешь права спрашивать меня, кто я такой, и чем я здесь занимаюсь.

Представь себе: к тебе в квартиру зашел совсем незнакомый, совсем посторонний человек. Не представился, не объяснил тебе цель визита, а стал задавать тебе вопросы: кто ты такая? чем ты здесь занимаешься? Вижу, что ты уже представила. Раз представила – рассказывай!

– Андрей, как ты можешь задавать мне такие вопросы после того, как мы с тобой уже познакомились? Я назвала тебе свое имя. Я думаю, для знакомства с девушкой этого должно быть достаточно!

– Да, конечно! Секрета нет. Как ты, наверно, догадалась, я вообще человек военный. Я тоже об этом уже говорил. Здесь, в спортзале, я тренирую команду – осваиваем боевое самбо. Ну, пожалуй, и все.

– Хорошо, понятно. Этого достаточно. А как тебе удалось накачать такие окорока?

Катя прикоснулась своей рукой к плечу Андрея. Андрей резко сжал мускул плеча. Мускул дрогнул и резко подпрыгнул вверх. Затем резко опустился, как будто он хотел отогнать муху. Катя резко отдернула свою руку обратно.

– У тебя там что, двести двадцать вольт? – спросила Катя.

– Там – да. Но чем ниже, тем вольтаж больше. Может и на триста восемьдесят прыгнуть.

– Я сразу поняла, что ты клинический нахал. Но не думала, что до такой степени откровенный. Ну, хорошо, уверенность в себе – это неплохое качество. Рассказывай дальше.

– О чем? Я уже все рассказал.

– Мне кажется, что ты немножко туповат. Мы на чем остановились? На окороках. Вот с этого места и продолжай.

– Как накачал, спрашиваешь? В этом деле есть только один способ: титанический труд в течение многих лет. Желательно без перерывов. Я с двенадцати лет занимался боксом. Дошел до мастера спорта. Потом освоил самбо. В армии освоил боевое самбо. Окорока накачивал штангой, гирями, гантелями и прочим. Как видишь, очень просто, но долго и трудно.

– Семейное положение?

– Холост!

– Ну что, Андрей, ты подходишь мне по всем параметрам. Я готова взять тебя работать собственным телохранителем. Думаю, ты быстро освоишь эту несложную профессию, и мы с тобой сработаемся.

– Твоим телохранителем?! Тебя, Катя, сам бог послал для работы в цирке в паре с каким-нибудь клоуном. Как ты себе это представляешь! Я брошу армию! Которой я отдал двадцать с лишним лет вместе с училищем, сниму форму, погоны, брошу своих боевых друзей и побегу к тебе телохранителем?! От этого поступка на Киевском вокзале голуби от смеха животы надорвут. Только что ты дала мне титул клинического нахала и уже планируешь опустить меня до клинического идиота!?! Ты, Катя, либо шутишь, либо издеваешься! Да, такая должность есть – телохранитель. Но телохранители бывают только у крупных государственных и политических деятелей. Но быть телохранителем девчонки! Это для меня даже оскорбительно.

– Значит, ты считаешь, быть со мной рядом для тебя оскорбительно?

– Ну, что ты, что ты, Катя! Быть с тобой рядом для меня – это большое счастье. Но ведь не в качестве же телохранителя!

– Если ты хочешь быть рядом с женщиной всю жизнь и быть с ней счастливым, то тебе должно быть безразлично, в каком качестве ты будешь рядом с ней. Счастье у мужчины есть только одно – всю жизнь жить с любимой женщиной. Все остальное в виде должностей, высоких званий и прочих прибабасов – к счастью не имеет никакого отношения – это просто самодовольство. Это просто материальный ресурс, обслуживающий естественные потребности.

– Ты, Катя, приводишь неоспоримые аргументы. Но эти аргументы лежат только в плоскости любви, семьи, быта. Но мы живем в обществе, и здесь параллельно с любовными и семейными отношениями не менее важное значение имеют такие отношения, как долг перед обществом и государством. А это прежде всего: служба, труд в государственных учреждениях

и предприятиях. Общественная деятельность – это главный критерий, определяющий статус гражданина. Здесь человек приносит пользу обществу и государству, одновременно удовлетворяет и личные интересы, и личные потребности: зарплата, трудовой стаж, рост по службе, а к старости пенсия.

Предположим так: я уволюсь из армии, буду тебя охранять. Ты возьмешь у меня военный билет? Ты запишешь в него, что я работаю у тебя телохранителем? Конечно, нет! Ты будешь мне платить зарплату, хотя бы такую, как я получаю сейчас? Конечно, нет! Ты обеспечишь мне трудовой стаж для получения пенсии в старости? Конечно, нет. Если я уволюсь из армии и начну работать с тобой, это значит, что я зависну между небом и землей. А в дальнейшем малейший конфликт с тобой или с государством превратит меня в бомжа. Конечно, эти аргументы я привел на тот случай, если твое предложение о телохранителе заранее обдуманно и серьезно. Но заранее обдуманно и серьезно оно может быть лишь в том случае, если государством тебе поручено выполнять какие-то особые задания или особую работу, связанную с риском для жизни, утратой ценностей или документов особой важности. Притом выполнять в течение длительного времени. Но такие поручения возлагают на спецслужбы, как правило, в структуре КГБ или в ведомственных учреждениях. В любом случае и охраняемый, и охраняющий – это аттестованные, хорошо проверенные и обученные люди. И оба они хорошо владеют оружием, спецтехникой, приемами рукопашного боя, оперативной обстановкой и многими другими специальными навыками и знаниями.

Из этого следует, что охраняемый и охраняющий могут быть людьми только государственными. Притом на должность телохранителя назначает оперативный орган, и он же несет ответственность за деятельность и того, и другого. Это люди глубоко зависимые, каждый их шаг под контролем. В связи с вышеприведенными аргументами я готов утверждать, что ты хотела сказать мне что-то другое. Но твой мозг не успел за твоим языком, и ты произвольно сказала, что тебе нужен телохранитель.

Сейчас, пока я говорил, у тебя было достаточно времени обдумать, сформулировать свою мысль и спокойно изложить, кто именно тебе нужен – телохранитель или телопотребитель? Тем не менее, если действительно тебе нужен телохранитель, то я готов тебя охранять на общественных началах и в свободное от службы время.

– Андрей, мы знакомы с тобой всего каких-то полчаса. За это время ты сумел нагрубить мне четыре раза: первый раз ты грозился показать мне какое-то удостоверение интимного характера; второй раз интересовался, не насверлили ли мне мужики дыр; третий раз хвастался своей мощностью в триста восемьдесят вольт; и, наконец, хотя не прямо, но косвенно назвал меня болтушкой – в том плане, что мой язык мотыляется произвольно, сам по себе, и не имеет связи с мозгом. Но я на тебя не обижаюсь, так как я и сама не конфетка. Я сама начала с тобой разговор в этом ключе, чтобы выяснить для себя главное – является ли твой мозг адекватным твоему сильному и красивому телу. В процессе нашего короткого диалога ты продемонстрировал комплект культурных ценностей современного цивилизованного молодого человека. Я убедилась, что ты вполне нормальный и вполне подходишь на должность моего телохранителя. Теперь о деле. То, что ты удивился моему предложению – это вполне нормально. Я это ожидала.

В нашей стране не принято частному лицу иметь частных телохранителей. Любой другой, менее продвинутый мужчина, в ответ на мое предложение мог бы просто покрутить пальцем у виска. Ты же привел логически обоснованные аргументы с полной материальной выкладкой. Твои аргументы неопровержимы с точки зрения целесообразности. Но, как известно, в мире совершается добрых тридцать процентов поступков вопреки целесообразности. Нецелесообразные поступки совершаются во всех сферах общественной жизни: в промышленности, торговле, на транспорте, в политике. Они совершаются умышленно по корыстным мотивам или просто в назидание, в качестве мести, по неосторожности – ошибочно, по любовным мотивам. Например, какая целесообразность тратить на вооружение миллиарды, когда миллионы людей

голодают и живут в землянках? Ответ очевиден – а вдруг нападение? Но вопрос тоже очевиден – так договоритесь, чтобы не нападали. Оказывается, что договориться невозможно. А договориться невозможно потому, что у политиков не хватает ума. Ученые, конструкторы, создатели самолетов, ракет, подводных лодок и прочего в интеллектуальном плане далеко обошли политиков. Будь политики интеллектуально на уровне технарей – военных конфликтов никогда бы не было. Политики приходят на олимп власти не с помощью ума, а с помощью лести, подкупа, обмана, насилия. И тому подобным способом. В науке это невозможно.

С точки зрения целесообразности, в сорок первом году немцев нужно было встретить не с оружием, я имею в виду не в Бресте, а чуть пораньше – в посольстве, с хлебом-солью, и отдать им территории столько, сколько бы они захотели. В этом случае не были бы разрушены фабрики и заводы. Не были бы разрушены города. Люди бы жили и работали на своих фабриках и заводах спокойно, как и до войны. Остались бы в живых, как минимум, двадцать миллионов человек. Не исключено, что наша страна при немцах развивалась бы более успешно. Немцы бы расселились на огромной территории Советского Союза, растворились бы среди миллионов советских людей, переженились, пере братались, и через десять-двадцать лет уже никто бы не различал, где немцы, а где советские люди. Это с точки зрения целесообразности. А с точки зрения амбиций поступили – известно, как. И мы имеем миллионы жертв, уничтоженную экономику и вековую отсталость.

Так почему же люди часто поступают нецелесообразно? Проблема состоит в том, что целесообразность часто сталкивается с абсурдностью, вытекающей из амбиций, формирующихся на реальных, или, может быть, реальных, но в данное время невыполнимых желаниях, на чувствах любви, добра, ненависти, зла, банального невежества, жадности и тому подобное. Когда этими амбициями и патологией страдают обыватели, то вред причиняется небольшому кругу людей: родным, близким, соседям, коллегам. Но когда этими амбициями страдают вожди, целесообразность сталкивается с абсурдностью в мировом масштабе. Совершаются умопомрачительные глупости и преступления, от которых страдают целые народы, а иногда весь мир.

Вот ты, Андрей, привел, с точки зрения твоих собственных интересов, вполне целесообразные примеры: служба, погонь, должность, долг, материальная обеспеченность, а в перспективе еще и пенсия. Но готов ли ты ради чувств всем этим пожертвовать в ущерб своим собственным материальным и идейным интересам? Такой поступок может совершить очень сильный и очень амбициозный человек. Хорошо подумай.

Нет, Андрей, что касается военного билета, службы, трудового стажа, пенсии – все это рассуждения рядового обывателя. А мне нужен попутчик в жизни и романтик плюс боевик, как ты. Ты мне уже нравишься. И если ты будешь хорошо работать и хорошо себя вести, то, может быть, когда-нибудь, если наши отношения хорошо сложатся, если я тебя полюблю, если тебя полюбят мои родители, то может быть, я соглашусь когда-нибудь в будущем стать твоей женой. Тогда тебе не нужны будут ни трудовая книжка, ни пенсия. Я знаю, чего ты побаиваешься. Ты думаешь, что я хочу втянуть тебя в какой-нибудь криминал или просто болтаю – хочу показаться крутой. Мне действительно нужен хороший боевой телохранитель. Ты самый лучший и самый сильный из всех, которых мне рекомендовали. Кроме того, ты юридически грамотный, имеешь специальную боевую подготовку. И вдобавок ты чуть-чуть симпатичный.

В твоём клубе я оказалась неслучайно. Его рекомендовал мне мой папа. Он сказал, что здесь тренируются бойцы самых элитных подразделений, и что только здесь я смогу найти самого сильного и грамотного телохранителя. Твоя обязанность будет только одна – постоянно находиться рядом со мной, конечно, только в дневное время, и смотреть, чтобы меня никто не обидел ни физически, ни морально. Это мое условие, и больше ничего. Мы будем ездить по стране по разным городам, будем жить в гостиницах, может, в частных домах. В связи с этим ты мне нужен абсолютно свободный. Зарплату будешь получать каждый месяц в два раза

больше, чем та, которую ты получаешь сейчас в армии. Притом не в конце месяца, а в начале. Проезд во всех видах транспорта, питание, жилье и всевозможные расходы – за мой счет.

Катя достала из сумочки пачку сторублевок, протянула Андрею. Вот тебе зарплата за следующий месяц.

– Нет-нет, что ты, что ты, Катя, я не возьму. У нас с тобой пока что только разговор. Я еще ничего не решил. Но, даже если я решу, то увольнение из армии – это длительный процесс, так быстро никто не отпустит. Тем более, я у командования на хорошем счету. Меня могут вообще не отпустить. Катя, при всем моем желании, – быть твоим телохранителем я не смогу. Я служу в армии. Здесь я имею перспективу продвижения в звании, в должности, да и в зарплате. А что у тебя? Год-два я буду охранять тебя. Потом ты выйдешь замуж, и я буду охранять чужую жену. Какому мужу это понравится? Значит, либо до свадьбы, либо на второй день после свадьбы мне придется искать работу. Обратного в армию меня не возьмут. Армия – это не проходной двор. Другое дело работать с тобой периодически – в свободное от службы время. Так я согласен. При условии, что в твоей работе не будет никакого криминала.

– Нет, Андрей, периодически нельзя. Мы будем много летать и ездить – на поездах, на самолетах, на пароходах, может быть, даже на собаках. Мне телохранитель нужен постоянно и на очень долгие годы. Что касается моего замужества, то это пусть тебя не беспокоит. Замуж я никогда не выйду.

В продвижении по службе тоже есть перспективы. При условии – если будешь скромным, исполнительным, то есть, как и в армии. Конечно, риск для тебя большой, терять есть что, я тебя понимаю. Но ты должен решить – либо я, либо армия.

– Андрей, через две недели мы с тобой должны быть в Оренбурге. Если ты со мной, то в течение суток ты должен решить и подать рапорт на увольнение. И сразу же мне об этом позвони. Если остаешься на службе, тоже сообщи. В этом случае я буду подыскивать себе другого телохранителя. Хотя скажу правду, я бы очень хотела, чтобы со мной был ты. Я к тебе уже привыкла. Насчет волокиты не беспокойся. Если завтра подашь рапорт, то послезавтра получишь документы, и мы с тобой будем свободны, как птицы. Провожать меня не нужно. Здесь я никого не боюсь. До завтра! Жду твоего звонка с нетерпением. Нагнись, Слон!

Андрей нагнулся, не зная, зачем. Катя поцеловала Андрея в щеку и быстро пошла в сторону метро, но в метро Катя не спустилась. На другой стороне дороги ее ждала машина, Катя пошла прямо к ней. Андрей перешел на другую сторону дороги, остановил такси и тоже поехал домой.

Эту ночь он не раздевался и спать не ложился. Сна не было. Всю ночь то ходил по комнате, то садился за стол, то ложился на диван, подложив руки за шею, но решения найти не мог.

«Эх, – думает Андрей, – как круто разворачивается судьба! Если бы еще утром кто-нибудь сказал, что сегодня вечером я буду решать вопрос об уходе со службы в связи с тем, что мне какая-то девчонка предложила свою руку и сердце, при условии, что я должен бросить службу, я бы очень сильно рассмеялся. А здесь вот что: руку и сердце никто не предлагает, но предлагает должность личного телохранителя частного лица. Всего лишь телохранителя! И я – в ступоре. Конечно, если принципиально, то решение лежит на поверхности. Здесь только нужно поставить перед собой категорические вопросы и дать на них категорические ответы. Вопросы несложные. Например, «Андрей, ты кто?» – «Военный!» Но раз ты военный, твоя задача охранять и защищать страну. Посмотри в устав, в присягу, там все написано. О чем здесь думать! А тебе предлагают плюнуть на устав и присягу и пойти охранять какую-то девочку. Скажи это вслух среди офицеров – животы по надрывают от смеха. Скажут: Андрей страну и народ на девочку променял. Мол, какая тяжелая – всю страну перетянула. Твое сердце и мозг, скажут, поменялись местами. Ты думаешь уже не мозгом, а сердцем. Возьми себя в руки, Андрей, и действуй по уставу. То, что ты хочешь делать – это предательство.

Представь, ты лежишь в окопе. Из окопа врага к тебе подполз агент и говорит: Андрей, бросай эту братию! Перебирайся к нам. У нас хорошо – водка, вино, девочки, да и получать будешь в три раза больше, чем здесь. Будешь работать телохранителем самого генерала. Сколько ты будешь валяться в этой грязи! А ты ему говоришь: так это же дезертирство. Я на это не пойду! А мне агент подсказывает: ну, хорошо, есть другой вариант. Напиши рапорт на увольнение, подай командиру. Он подпишет тебе рапорт. Сдашь удостоверение – штык в землю, и строевым прямо к нам.

– В боевой обстановке ни один командир рапорт не подпишет.

– Подпишет, Андрей, подпишет. Потому что он сам только и выжидает момента, как бы улизнуть.

Андрей подумал: что-то подобное я уже где-то слышал. Ах, да... да... Катя! Катя же сказала, что, мол, твое дело подать рапорт, завтра же получишь документы.

– Ну что, Андрей, надумал? Будешь копошиться в мире собственных иллюзий или перейдешь в реальную жизнь, куда зовет тебя твое сердце? Ну хорошо, оставайся здесь, и собственными глазами увидишь: когда станет жарко, твои командиры первыми загонят штыки в землю и с белыми флагами побегут навстречу противнику, размахивая и крича: не стреляйте, мы свои. Солдатам они объяснят просто: «Мы уже мирные люди, «наш бронепоезд» давно продан. Наш девиз: мир, братство, равенство, демократия. У нас уже нет врагов!» И солдаты в это поверят. Ты тоже поверишь.

– Ну, хорошо, пусть командиры, – спрашивает Андрей, – а как же высшее политическое руководство? Тоже штыки в землю?

– К этому времени высшему руководству будет не до вас. Кремлевский свинарник разбежится первым, топчась по трудам Маркса, Ленина, по своим лживым программам. Для них в то время будет главным успеть схватить авоськи со свекольными котлетами, сосиски, кофеварку, сапоги, тапочки, прочую утварь, вовремя улизнуть незамеченным, оставив на произвол судьбы и на милость поджидающей разъяренной толпы своих, еще утренних, единомышленников.

Это ты смотришь снизу – вверх, и тебе кажется, что там одни ангелы и патриоты. На самом деле там одни шкурники и трусы. Когда станет жарко или невыгодно, они побегут первыми. Разница в том, что они будут бежать на грузовиках и самолетах, с приличным багажом народного добра, а ты побежишь на своих. Твой багаж – это твои идеи и твой долг, которые будут давить на твое сердце и твой мозг весь остаток твоей жизни с ядовитым вопросом: кому ты служил? Если ты, Андрей, хочешь собственными глазами увидеть, как разбегается кремлевский свинарник, если это у тебя единственное желание, то есть резон остаться. Ты еще молодой – все увидишь сам.

«В любом случае, – думает Андрей, – хоть убегут они или убогу я, служба – это временно, а Катя – это на всю жизнь. Катя не будет ждать, пока я расстанусь с иллюзиями. Она выйдет замуж за другого, а я всю оставшуюся жизнь буду жалеть и проклинать себя за допущенную мною роковую ошибку».

Таких сложных задач Андрею решать еще не приходилось. Уйти из армии – это все равно что вырвать печень. Упустить Катю – все равно что вырвать сердце. Вопрос неразрешим, но решать нужно. И дело не в том, где выигрыш, где проигрыш. Дело в том, что до боли в сердце жалко и того, и другого. И все же к утру Андрей решил: да, я подаю рапорт на увольнение.

После принятия решения Андрей почувствовал облегчение в душе и теле, полную свободу и четкий план действий.

Утром Андрей позвонил Кате.

– Катенька, доброе утро! Как спалось?

– Здравствуй, Андрей! До часу ночи думала о тебе. Потом уснула и хорошо спала до утра. Ты принял очень трудное, но единственно правильное решение об уходе из армии. Ты не только очень сильный физически, но сильный духовно. Поэтому я очень рада и искренне

поздравляю тебя с твоим судьбоносным подвигом. На такое решиться способен только очень сильный человек.

– Катя, но откуда ты знаешь, какое я принял решение? Я об этом еще никому не говорил.

– Раз ты мне позвонил, это значит, что ты принял мое предложение. В противном случае ты бы мне не позвонил. Здесь, Андрей, не нужно быть телепатом. Я знаю, что ты всю ночь не спал. Если бы ты не принял мое предложение, ты позвонил бы мне вечером, как договаривались, или мог бы вообще не позвонить. Но раз ты позвонил мне утром, то ты принял мое предложение. Нам нужно срочно встретиться и обо всем поговорить. Встречаемся на старом месте. Я выезжаю.

Через полчаса Андрей уже был на месте. По дороге купил букет гладиолусов. И встал так, чтобы Катя, если приедет на метро или на машине, увидела его сразу издалека. Андрей был весел и счастлив, даже напевал какую-то песенку. Ему было легко и просто, как будто он рассчитался с каким-то неподъемным долгом или сбросил с себя тяжелый груз. Сейчас у него одно желание – встретить Катю, обсудить дальнейший план и в штаб. Рапорт на стол, а там пусть хоть режут. С армией завязано, хватит – я буду жить для себя и для Кати. Не уволят – просто уеду с Катей, куда глаза глядят.

Тут же Андрей вспомнил вчерашний разговор со своим другом детства генералом Сергеевым: «Подсунут какую-нибудь красотку, и поминай как звали». «Какое поразительное совпадение! – подумал Андрей. – А ведь и правда, я даже не знаю, кто она, как оказалась в центре, кто ей выписал пропуск и с какой целью. Я уже все бросаю, увольняюсь и уезжаю с ней, неизвестно куда и зачем. С точки зрения оперативной я уже в ее руках. Она делает со мной, что хочет».

Катя вышла из метро. Увидев Андрея, подняла руку, улыбнулась, ускорила шаг. Андрей тоже поднял руку, показать, что он ее ждет и рад видеть. Катя уже почти бежала. Ее сердце не билось, а трепетало не только от счастья и от волнения за успех в поединке с Андреем, но и от мысли о той суровой участи, которая ждет Андрея.

«Первый раунд я выиграла, – думает Катя, – Андрей смог переломить себя. Он бросил все ради меня. Значит, он меня любит и хочет быть со мной. Выдержит ли Андрей второй раунд? Неужели я потеряю этого гиганта: сильного, умного, красивого. Нет, нет – я не должна его потерять. Я увезу его на край света – туда, где нет выбора, чтобы он не все сразу узнал, а все увидел собственными глазами. Сейчас он пожертвовал собой ради меня. И я счастлива. Сможет ли он еще раз пожертвовать мной ради себя? Но это будущее, и я этого будущего очень боюсь. Это будущее будет роковым и для меня, и для Андрея. Тогда в моей жизни останется только один мужчина – это мой папа. Он все знает, он все простит. Маме он простил, значит, простит и мне».

К Андрею Катя подошла уже совсем не такой веселой и радостной, как вышла из метро. Сердце билось спокойно, но где-то внизу, под ложечкой. Глаза потускнели, лицо как будто сморщилось. Грудь сдавливала тревога перед будущим. Катя подошла почти вплотную к Андрею, сказала: «Ну, здравствуй, дорогой!» Она посмотрела на радостного, улыбающегося Андрея. Ей стало его жалко. У Кати на глазах появились слезы.

Андрей протянул Кате цветы, заметил ее подавленное состояние:

– Что с тобой, Катенька? Тебя кто-то обидел? Или что-нибудь дома?

– Нет, Андрей, все хорошо. Просто вспомнила Анну Каренину – стало жалко.

– Ну, Катя, если ты будешь плакать по всем трагическим персонажам литературы, о которых прочитала, тебе нужно носить с собой как минимум ведро для сбора слез. Если ты меня присмотрела в качестве носильщика этого ведра, то с рапортом я, наверно, воздержусь. Конечно, Катенька, я согласен носить ведро, но не с твоими слезами, а, как минимум, с пивом. Представь себе: в одной руке несешь ведро с пивом, а на другой руке – тебя с пивной кружкой, – Катя рассмеялась.

Андрей! Я представил! Какой интересный и веселый клип. Ты, Андрей, глубоко творческий человек. Прямо на ходу сочинил шедевр. Предлагаю пойти в магазин, купить эмалированное ведро, купить пивную кружку и довести дело до конца.

– Что ты имеешь в виду, Катя?

– Сделаем все точно, как ты сказал. Купим ведро, на льем полное ведро пива. Ведро с пивом ты возьмешь в правую руку, меня с кружкой пива будешь держать на левой руке. Чтобы было более убедительно, что в ведре не вода, а пиво, повесим тебе на шею вязку воблы. Обязательно нужно сфотографироваться.

– Зачем? – спросил Андрей.

– эту фотографию я покажу папе и маме. Они попадают от смеха.

– А ты не думаешь, Катя, что родители тебя спросят, где ты подцепила этого клоуна, и как низко ты опустилась.

– Конечно что-то в этом плане они спросить могу. Но я же скажу, что этот клип мы придумали для смеха.

– Хорошо, Катя, давай клип оставим на потом, а сейчас давай действовать по плану. Но все же скажи, что ты скрываешь. Почему ты подошла ко мне грустная и с мокрыми глазами?

– Да так, мелочь. Потом расскажу. Сейчас у нас дела поважнее, чем женские слезы. Поехали в штаб – подашь рапорт на увольнение.

Через час Андрей и Катя были уже в штабе. Катя осталась в ленинской комнате разглядывать ордена, медаль, грамоты и прочее. Андрей зашел к генералу. Андрей рассчитывал на долгий томительный разговор. Но после короткого разговора о выходных, об отдыхе и иных домашних делах генерал первым начал разговор:

– Что, Андрей, решил на гражданку?

– Да, решил, товарищ генерал, – ответил Андрей.

– Ты все взвесил – за и против?

– Да, взвесил, товарищ генерал.

– Ты помнишь, что тебе остается два года до выслуги?

– Да, помню, товарищ генерал.

– Ты учел, что ты являешься первым кандидатом на звание генерала?

– Да, учел, товарищ генерал.

– И тем не менее решил уйти?

– Да, товарищ генерал, решил.

– А тебе никто не говорил, что ты поступаешь, как клинический идиот?

– Нет, не говорил, товарищ генерал.

– Значит, мне положен приз. Я говорю тебе это первым.

Андрей, мы знаем друг друга с детства. Вместе воевали. Уже около двадцати лет вместе служим. Много раз выручали и даже спасали друг друга. За все эти годы ты не сделал ни одного глупого поступка. Что с тобой случилось? Мне кажется, что ты больной. Зарядил, как попугай: «Товарищ генерал! Товарищ генерал!» Как в дисбате.

– Мы с Катей решили уехать, – сказал Андрей.

– Пусть Катя едет одна.

– Катя не может ехать без телохранителя.

– Так ты что, Андрей, едешь с Катей в качестве ее телохранителя?!

– Да! – ответил Андрей.

– Хорошо! – сказал генерал. – Ты окончательно раскрыл мне глаза. Когда я шел на встречу с тобой, я рассчитывал тебя отговаривать от увольнения и на это имел веские аргументы. Но от того, что я только что услышал, я пришел к выводу, что тебя нужно не отговаривать от увольнения, а уговаривать уволиться из армии. Ты потерял голову, а без головы советский офицер твоего ранга, да еще и при оружии, да еще имеющий подчиненных – очень

опасен. Ты либо сам залезешь в какую-нибудь яму, либо затащишь туда подчиненных. Я пишу твой рапорт, но не потому, что ты меня убедил в необходимости увольнения, а потому, что я и сам вижу, что тебе нужно срочно увольняться. Увольняйся и скорее ложись в больницу. Давай рапорт! И помни! Отдохнешь, подлечишься и возвращайся в любое время. Твое место будет свободным. Специалистов твоего уровня в армии пока что нет.

Генерал нажал на кнопку. Вошел лейтенант.

– Лейтенант! Вот тебе обходной лист Андрея. Быстренько обойди, и сюда.

Через час Андрей уже был свободен, как птица. Осталось время вписаться в гражданское общество и на сборы в дорогу. Для Андрея эта дорога была в никуда.

Об уходе Андрея в центре никто не знал. Поэтому все были удивлены и ошарашены. Ведь с командой он работал долгие годы и об уходе никогда не говорил. Все были разочарованы. Над командой как будто завис траур. Андрей для команды был и начальник центра, и тренер, и отец. Многих он с нуля довел до мастеров спорта по многим видам. С некоторыми ходил на боевое задание. Никогда даже не пытался возвыситься над другими, хотя по званию, должности, мастерству и опыту для всех он был просто недостижим. Всегда веселый, улыбчивый, простой. Ребята обступили Андрея. Стали сочувствовать «хором», считая, что Андрея выгнали со службы за какую-то провинность. Предлагали взять на поруки или коллективно подать рапорт на увольнение. Что Андрей уволился по собственному желанию, никто не верил.

Тогда Андрей использовал свой последний аргумент. Он позвал Катю, поставил ее впереди себя и сказал: «Есть ли среди вас хоть один или два бойца, которые могли бы взять меня в качестве языка? Так вот, учите у нее. Она одна разгромила штаб, нейтрализовала генералов, а меня взяла в качестве языка». Толпа взорвалась от смеха. Катя подтвердила, что она разгромила штаб противника, нейтрализовала генералов, а Андрея взяла в качестве языка и уже грозила показать кляп, с помощью которого брала Андрея в качестве языка. Но Андрей попросил Катю, чтобы кляп пока что не показывала. После продолжительного смеха ребята поверили и единодушно заявили, что такая девушка могла свободно взять в плен не только Андрея, но весь штаб противника и даже целую армию. Андрею и Кате ребята поверили. Страсти улеглись. Стали обсуждать вопрос о проводах.

Предлагалось несколько вариантов: столовые, рестораны, на природе. Но все дружно сошлись на доме офицеров. На провода пришли сослуживцы и начальство. Некоторые с женами. Катя обещала прийти с родителями и познакомить их с Андреем. И, наверное, с будущим зятем. Но папа Кати заболел, а мама осталась с ним. К концу вечера Андрей объявил, что на днях он с Катей уезжает, что следующая встреча будет лишь на свадьбе, если, конечно, Катя согласится. Гости, попрощавшись, разошлись. Андрей проводил Катю домой. Договорились один день отдохнуть, потом сборы, и в дорогу. Андрей на такси уехал домой.

Через день Катя позвонила. Сказала, что уже собралась, билеты куплены на завтра, что до Оренбурга поедут в плацкартном вагоне. Андрей намек понял, сказал, что согласен. На следующий день Андрей подъехал к дому Кати пораньше в расчете на то, что познакомится с родителями, поможет собрать вещи, посидеть в дороге, попрощаться...

Однако, выйдя из такси, Андрей увидел, что Катя с вещами стоит у подъезда одна. Андрей удивился и даже сильно расстроился. Катя сказала, что папа еще болен, провожать не может, провода – это лишний шум и дополнительное расстройство. Андрей предложил поездку отложить, пока папе не станет лучше. Но Катя сказала, что все согласовано с родителями. Мама и очень хороший врач постоянно находятся возле папы.

– Я с родителями попрощалась дома, а тебя познакомлю с ними как-нибудь в другой раз.

На вокзал приехали к самой отправке поезда. Заняли свои места на верхних полках, чтобы никому не мешать. Долго лежали молча, смотрели друг на друга, улыбаясь. Часто опускали головы, смотрели с полок в окно, махая руками, прощались с мелькающими за окном вагона знакомыми лицами и домами.

– Вот это и есть истинная свобода, – говорит Катя. – Лежишь, никаких забот, никаких хлопот, ни о чем не думаешь, ничего и никого не боишься, знаешь, что рядом человек, могучий и сильный, который никому не даст тебя в обиду. Правда, Андрей?

Андрей весело смотрел на Катю, кивал головой и поддакивал:

– Правда-правда, Катя. Я впервые в жизни чувствую себя беззаботным и счастливым. Я готов сейчас петь и танцевать, но жаль, что здесь негде. И этот душевный праздник сделала для меня ты, Катя».

– Я сейчас жалею только о том, – сказала Катя, – что мы едем только в Оренбург, и эта дорога скоро закончится. А мне хотелось бы, чтобы эта дорога нигде и никогда не заканчивалась, чтобы она была без конца и без края. Ехать всю жизнь, просто так – в никуда. Главное, чтобы был ты, и смотреть на тебя – как сейчас.

Потом Катя стала бормотать что-то нескладное. Андрей понял, что она засыпает. Он лег на спину, заложил руки за голову и стал размышлять.

Размышлять было, о чем. – «Во-первых, очень странное поведение начальства при увольнении. Обычно так просто никто не увольняется. Я рассчитывал на месяц-два, а то и больше. А тут дали добро на увольнение за час. Притом не потребовали никаких серьезных аргументов о необходимости увольнения. Фактически я бросил службу. И вся процедура увольнения свелась просто к товарищескому разговору. В душе даже обидно. Как будто не я сам уволился, а меня выгнали за серьезное нарушение служебной дисциплины или за преступление. Значит, вывод может быть только один: вопрос о моем увольнении был решен еще до подачи рапорта. Но кому и зачем это нужно? Да-да, припоминаю. Еще при первой встрече Катя сказала: «Сегодня подашь рапорт – завтра получишь документы». По поведению Кати не было заметно, что она как-то вхожа в это фактически секретное подразделение армии. Также никто из офицеров не выдал себя знакомым Кати – ни в штабе, ни на вечере во время проводов. На провода Катя почему-то пришла одна. Сказала, что заболел папа. Но в болезнь папы я тогда не очень-то поверил. Заболел папа – пришла бы с мамой».

Андрей рассчитывал, что на провода Кати придут подруги детства: одноклассники, сокурсники, родственники, соседи, и, конечно, будет торжественная часть. Но ничего этого не было. Катя стояла возле своего подъезда, возможно, даже возле чужого, одна с вещами, как сирота – ни родителей, ни родственников, ни подруг. «Главное – родители. Как можно отпустить дочь в далекую дорогу неизвестно с кем? Ни выйти, ни познакомиться, ни дать напутствие?»

«Я бы со своей дочкой так не поступил! – подумал Андрей. То, что Катя меня любит, я в этом не сомневаюсь – хотя ради дела это может быть розыгрыш. Но и в том, что за всем этим стоит какой-то могущественный человек, который управляет всем этим процессом, крутит родителями, Катей и уже мной, – думает Андрей, – также нет сомнения. Остается выяснить: кто стоит за всем этим, и какую цель он преследует. Выяснить этот вопрос можно двумя методами – пассивным и активным. При пассивном методе – ничего не предпринимать. Только наблюдать, анализировать и ждать, когда само все раскроется. А раскроется оно обязательно. Но этот метод опасен. Так как конец может быть плачевным. Например, человек попал в бурлящую реку. Если он не умеет плавать или слабый, он утонет сразу. Если он не старается прибиться к берегу или схватиться за что-либо, рассчитывая, что его все равно выбросит на берег, то на девяносто пять процентов он будет выброшен на берег либо искалеченным, либо мертвым. Этот метод, конечно, мне не подходит.

Второй метод – незаметно подталкивая к активным действиям, внимательно наблюдать, обобщать, анализировать, оценивать новые факты. Но в этом случае умная и наблюдательная Катя может заметить слежку, насторожиться, и наши отношения незаметно могут перерасти из любовных в игру умов. Между нами вырастет прозрачная, невидимая стенка подозрения и недоверия, преодолеть которую будет очень трудно. Либо, если учесть, что между нами еще

нет никаких обязующих отношений, эта стенка с каждым днем будет становиться все толще и толще и окончательно отдалит нас друг от друга. Этот вариант тоже не подходит.

Есть еще вариант – менее вероятный и более глупый. Но в мире много дураков. Среди них можно встретить что угодно. А именно – проверить меня, что мне дороже – служба или Катя. Но на это могли пойти только родители Кати, если, конечно, они у нее есть. Так как в сказку о больном папе и сиделке-маме я, конечно, не верю.

Потом, при чем здесь штаб военного подразделения? При чем здесь мой друг с детства и сослуживец генерал Сергеев? Он что – тоже участник чужих любовных романов? Тем не менее и это возможно. Разве короли, князья, императоры не развязывали войн между народами на любовной почве, где погибали сотни тысяч людей? Но, если даже это так, то весь этот спектакль должен был закончиться сразу же после моего увольнения. И карты должны были быть выложены. Судя по тому, что родители Кати не пришли ни на вечер, ни провожать Катю в Оренбург, то спектакль продолжается, и во всех актах этого спектакля я играю роль клоуна. Мало того, если этот спектакль будет иметь трагический конец, то я роль клоуна поменяю на роль потерпевшего или даже обвиняемого. Так как криминальная составляющая вполне может присутствовать.

Укладывая все собранные мысли в один протокол, Андрей пришел к выводу, что он и Катя едут в Оренбург без определенной цели. Тогда зачем? Ответ всплыл на поверхность: Катя предложила Андрею уйти со службы и стать ее телохранителем. Поскольку этот вопрос очень сложный и маловероятный в осуществлении, то его нужно было решить очень быстро, исключить тянучку, не дать опомниться и просчитать все «за» и «против». Поэтому срок был дан – неделя. Этот срок был подкреплен очень важным делом в Оренбурге, который откладывать невозможно. Поэтому и условия поставила жесткие: если не согласен, то я буду искать другого телохранителя. При менее жестких условиях вопрос об увольнении мог бы растянуться на долгие месяцы и даже годы и, в конечном итоге, потерять свою актуальность.

Город же Оренбург назван спонтанно. Это легко проверить: если в Оренбурге при решении важных вопросов Кате телохранитель будет не нужен, то это и будет означать, что они едут в город просто так. Но что делать в этом случае? Ничего. Просто слушать, смотреть, анализировать, и никаких провоцирующих вопросов. Жизнь сама все расставит на свои места. Для Андрея главное: не впутаться в криминал, не потерять человеческое лицо, честь, совесть и, конечно, Катю. На все остальное он готов.

Под всем остальным Андрей подразумевает драки, стрельбу, ранения... Все это он уже давно прошел, в этих вопросах он один из крупнейших специалистов. Будучи очень сильным физически и психически, в совершенстве владея приемами рукопашного боя, он считал, что может выдержать все. Но может ли он выдержать то, что его ожидает, что ему приготовила Катя? Об этом он не знает. Он в своей жизни пока что еще не был в такой ситуации, когда физическая сила и мастерство рукопашного боя абсолютно ничего не решают, а руки и ноги перестают подчиняться. Во всяком случае Катя тоже не была уверена, что Андрей выдержит. Катя даже заплакала, когда на их второй встрече, возле метро, подумала о том, что она может потерять Андрея. Это значит, что у нее в этом плане уже был трагический опыт. И уже тогда она знала, что может быть трагический конец, который от нее не зависит.

От этих мыслей Андрею стало грустно, давили тоска, разочарование. Андрей понял, что он сделал первую в жизни и непоправимую судьбоносную ошибку. Он стал задавать себе вопросы: как же так получилось, что его, боевого командира, еще вчерашняя студентка переломила прямо через колено, затащила в поезд, как пустой саквояж, бросила на верхнюю полку и везет неизвестно куда и зачем. «Да, – думал Андрей, – я уже не человек, я уже не хозяин сам себе, я уже вещь, лежу и жду, когда меня снимут с верхней полки, отнесут в гостиницу, а может, даже сдадут в камеру хранения. Эти мысли потянули за собой полное разочарование: и собой, и Катей, и поездкой в никуда». Уход со службы наводил тоску и тревогу. Андрею уже

не хотелось поворачивать голову в сторону Кати. Нужно будет разговаривать или поддерживать разговор, улыбаться. Сейчас ему хочется одного: провалиться вместе с полкой прямо на рельсы – и конец. Нервы натянулись, как струны. Андрей подпрыгнул со спины на левый бок, лицом к переборке купе.

Катя закричала:

– Андрей, Андрей, тебе что-то страшное приснилось?

Перекатываясь через спину на правый бок лицом к Кате, Андрей ответил:

– Да, приснился какой-то кошмар.

Катя стояла возле Андрея и смотрела на него влюбленными глазами:

– Ты куда смотришь, Андрей? – спросила Катя.

– На тебя, – ответил Андрей.

– Нет, Андрей, ты смотришь не на меня, а на себя. И даже не на себя, а в себя. Я знаю, что ты не спал. Ты обдумывал совершенную, по твоему мнению, глупость. Ты прикидывал всё: все «за» и «против», и когда чаша весов, на которую ты положил меня, опустилась вниз, ты подпрыгнул, чтобы отвернуться от меня. Андрей, выбрось кошмары, которые ты сам соорудил, выбрось свои весы. Сейчас мы с тобой в одной чаше, одинаково весим, иначе говоря – друг друга стоим. У нас одна судьба. Ты одно испытание выдержал успешно. Ты расстался с тем, что составляло смысл твоей жизни – службу, увесистые погоны. Но это ты делал ради себя, чтобы быть рядом со мной. Но это не всё. Готов ли ты совершить еще один поступок, подвиг, теперь уже ради меня? Если ты совершишь этот мужской поступок, то мы проживем с тобой вместе всю жизнь, и ты ни разу об этом не пожалеешь.

– Ради тебя, Катя, я готов на всё, если это всё будет протекать в рамках закона. Но о каком подвиге идет речь? Что я должен сделать? При нашем с тобой разговоре в Москве ты сказала, что моя обязанность будет тебя охранять, чтобы тебя никто не обидел. А сейчас ты говоришь, чтобы я совершил еще какой-то подвиг!

– Твой подвиг, Андрей, как раз и состоит в том, чтобы с пониманием отнестись к тому, что тебе предстоит увидеть и услышать. При этом не обидеть никого и, прежде всего, меня.

– Катенька, я тебя очень люблю, даю слово, что я тебя никогда не обижу, ни при каких обстоятельствах. Всю жизнь буду тебя любить, охранять и защищать.

– Я верю тебе, Андрей. Давай закончим этот разговор раз и навсегда. Будем решать текущие проблемы.

Андрей с улыбкой посмотрел Кате в глаза, стал по стойке смирно, приложил правую руку к виску – отрапортовал: «Слушаюсь, товарищ генерал!» Катя обхватила Андрея вокруг талии, крепко прижалась к нему, чуть слышно произнесла: «Как хорошо иметь дело с военными, все понимают с полуслова».

Поезд подъезжал к Оренбургу. Началась суматоха: кто одевался, кто собирал сумки, чемоданы, кто одевал детей. Кто обменивался адресами с попутчиками и пробирался ближе к выходу. В соседнем купе мужики допивали на посошок водку.

Катя и Андрей уже стояли в тамбуре. Андрей держал в руке небольшой чемодан, а на плече увесистую спортивную сумку. У Кати на плече висели сумочка с парфюмерией и иными женскими аксессуарами, в руке зонтик и пачка открыток из коллекции древнегреческой мифологии, которые ей оставили цыгане в нагрузку к предсказанию счастливой судьбы – и за хороший гонорар. Андрей вышел из вагона, взял Катю под мышки, поставил на перрон. Катя предложила сдать вещи в камеру хранения и на такси поехать на берег Урала, помахать рукой азиатам и подышать свежим воздухом. Андрей с удовольствием согласился. Он здесь был впервые.

Андрей рассчитывал подойти к реке, искупаться или хотя бы обмочить руки и ноги, как это принято. Но берег оказался очень крутым. К реке вела длинная, крутая металлическая

лестница. Руками азиатам помахали, но спуститься вниз к реке Катя отказалась. Предложила посидеть на скамейке в тени под густым кустом сирени.

Солнце перевалило за полдень. Парочка влюбленных села на скамейку под тенью сирени. Андрей тут же заметил, что здесь просто так не посидишь. Комары-разведчики по очереди вылетали из кустов и нападали на Катю. Он приподнялся, сломал веточку и сказал:

– Я должен выполнять свои обязанности, пока эти варвары тебя не съели. Катя поблагодарила Андрея за любезность и за хорошую службу и пообещала занести подвиг в личное дело телохранителя. При этом отметила.

– Но ты, Андрей, наверное, не знаешь, что такое комары. Вот если придем сюда вечером, увидишь, что здесь будет: тучи комаров, огромные, как воробьи, каждый норовит выпить как минимум литр крови. Вечером здесь баз хорошего веника нечего делать. Тебя съедят, а мной закусят.

Но Андрей хорошо знал, что такое комары. Он вспомнил один эпизод своей жизни, имеющий отношение к комарам десятков лет тому назад в одной из горячих точек Юго-Восточной Азии.

– Иду по джунглям, – вспоминает Андрей, – ну где-то в метрах тридцати от Меконга. Весь увешан гранатами, через шею автомат, руки в перчатках и, конечно, в накомарнике. Вдруг неожиданно на берегу реки раздался душераздирающий крик о помощи. Я рванул на крик и увидел страшную картину: огромный крокодил, метров восемь длиной, схватил в свою огромную пасть мужчину в военной форме в районе пояса и потащил к воде. Из пасти крокодила полностью выглядывало все тело ниже пояса и грудная клетка. Левая рука по локоть тоже была в пасти. Мужчина только дрыгал ногами, бил крокодила правой рукой по нижней челюсти, мотал головой и сильно кричал – звал на помощь.

В этом месте берег был мелким, крокодилу оставалось три-четыре метра, и он уже мог бы нырнуть вместе со своей жертвой. Тогда уже никто не смог бы помочь. Оставались считанные секунды. Я бросил в сторону автомат, несколькими сильными прыжками по мелководью догнал крокодила и с разгона прыгнул ему на спину. За секунду я оказался уже возле головы крокодила.левой рукой схватился за спину офицера, который был в крокодильей пасти. Правой рукой схватил крокодила за нос и сделал сильный рывок на себя. Крокодил приостановился, стал вертеть головой, он, по-видимому, не мог решить, что делать: бросать жертву и сбрасывать наездника или с двумя сразу нырять в воду. Крокодил решил нырять. Но нырять было еще мелко, и крокодил рванул вперед. Времени на раздумье уже не было, а крокодила остановить было невозможно. Еще секунда и – конец!

Но вдруг я вспомнил, что на ремне у меня висит табельный нож. Я в доли секунды схватил нож и со всей силы загнал его в левый, а потом сразу же и в правый глаз крокодила. Крокодил сразу выпустил свою жертву. Сделал сильный рывок вперед и погрузился в воду. Я спрыгнул с крокодила и двумя сильными прыжками подскочил к офицеру. Офицер сам не мог двигаться. Опираясь на правую руку, едва приподнимая голову, чтобы дышать. По состоянию офицера я понял, что он сильно ранен, и осторожно вытащил его на берег. Сражение с крокодилом длилось не более минуты. На крики о помощи уже бежали расквартированные в палатках, метров за триста от этого места, солдаты и офицеры. Все вместе положили офицера на палатку и отнесли в полевой госпиталь.

Как впоследствии выяснилось, мужчина остановился метрах в пяти от речки. Опыта поведения в этих местах у него не было, и он зачем-то снял накомарник. На него налетела туча комаров. Пока он отбивался от комаров и надевал накомарник, из зарослей папоротника подкрался крокодил, схватил мужчину за ногу и сильно рванул. Все произошло так молниеносно, что мужчина не успел моргнуть глазом, как оказался в пасти крокодила, и сделать было уже ничего невозможно – только кричать о помощи, и он кричал...

После госпиталя мужчина меня нашел. Познакомились ближе. Он оказался специалистом-ракетчиком, в звании генерал-лейтенанта, доктор технических наук. Прилетел туда лично проверить эффективность советских ракет. Человек боевой: участник гражданской и Великой Отечественной войны. Много рассказывал о себе, о своей семье, о том, что у него есть очень красивая дочечка, но еще молоденькая, учится в школе. Приглашал в гости познакомиться с семьей и с дочкой. Сильно хотел, чтобы я в будущем стал его зятем. Конечно, очень благодарил за то, что я его спас – вырвал из зубов крокодила, и что будет благодарен мне всю жизнь. На прощание генерал оставил свой адрес и телефон. Просил обязательно приехать в гости. Однако проходили годы – где вплавь, где вброд, где по-пластунски, адрес потерялся. Так и не пришлось встретиться с этим генералом. Специально искать не стал. Неудобно. Так что с комарами надо разговаривать на «вы», а то можешь оказаться в пасти крокодила.

«Найти генерала было бы нетрудно, – подумал Андрей. – Хотелось бы познакомиться с его дочкой. Времени прошло много. Как она сейчас? Наверно, уже учится, а может, окончила университет. Давно это было. Все прошло. Тогда я был старшим лейтенантом, а сейчас уже расстался с погонами полковника. Сейчас у меня есть Катенька, вот она сидит рядом, она меня проглотила, я полностью утонул в ней, я счастлив, и мне больше никто не нужен. Значит, не судьба стать зятем генерала».

– Андрей, ты о чем задумался? – спросила Катя.

– О комарах.

– Что, тебя комары тоже кусали?

– Нет, меня не кусали, а вот одного моего знакомого чуть не загрызли. Чуть не отгрызли ногу и руку, уже добрались к позвоночнику.

– И ты, конечно, его спас веточкой сирени...

– Нет, ножом, ответил Андрей.

– Это был как минимум крокодил? – спросила Катя.

– Ты угадала, это действительно был огромный крокодил.

– Андрей, ты ничего не хочешь мне сказать? – спросила Катя.

– Я хочу тебе сказать очень многое.

– Тогда почему молчишь?

– Что-то страшновато, – ответил Андрей.

– Так, Андрей, комаров не боялся, крокодилов не боялся, прыгнуть в болото не боялся, а здесь почти дома, под кустом сирени, девушке боишься сказать слово. Я, что, Андрей, по твоему, страшнее крокодила? Ну, хорошо, я тебе помогу. Андрей, я все жду, когда ты попросишь меня выйти за тебя замуж. Или ты планируешь всю жизнь ходить в телохранителях?

– Ну, что ты, Катенька, я о тебе думаю день и ночь!

– Ну, хорошо, пока не передумал, пойдем в гостиницу, я позвоню своим, пусть готовятся к свадьбе. А мы пока утрясем здесь свои дела. Потом поедем в Москву и там сразу поженимся.

Андрей подпрыгнул от радости, обнял Катю и сказал, что этот день самый счастливый в его жизни. Оба дружно встали и пошли в направлении гостиницы. По дороге каждый думал о своем. Андрей пытался развязать гордиев узел, но пока что ничего не получалось. Слишком мало фактического материала. Да и поведение Кати не давало ни малейших оснований для каких-либо подозрений и недоверия.

В то же время Катя наткнулась на мысль, что она отступает от плана и может все испортить. Это значит, что ей нужно где-то побыть одной, все хорошо обдумать, с учетом новых обстоятельств. Все выстроить в одну цепочку, в один логический ряд и не отступать от него ни на шаг.

В гостинице их ждал люксовый номер и небольшой конфликт с администратором. Конфликт состоял в том, что Катя и Андрей не женаты. Отсутствует штамп в паспорте. А по гости-

ничным правилам в одном номере могут жить только муж и жена в зарегистрированном браке. Конфликт был быстро улажен двадцатипятирублевой купюрой.

В номере Катя сказала, что ей нужно сначала решить вопросы, ради которых они сюда приехали. Попросила Андрея подождать полтора-два часа. Андрей ожидал эту просьбу и с радостью согласился. Он знал, что Катя в лучшем случае посидит в каком-то сквере или пойдет по магазинам и принесет какой-нибудь сувенир.

Катя вышла на улицу, села на первое такси и уехала на мост, соединяющий Европу и Азию. Именно там, на мосту, на стыке Европы и Азии, к ней всегда приходили правильные решения. Да и еще были некоторые личные воспоминания. Такси остановилось в метрах двадцати от моста. На дороге, возле моста, машин было много. Люди подъезжали, выходили из машин – с сумками, цветами, зонтиками, фотоаппаратами. Шли на середину моста просто постоять на стыке двух частей света, конечно, сфотографироваться, распить бутылку шампанского, подышать теплым мягким воздухом Урала. Катя остановилась на мосту, точно посредине реки, глядя вниз по течению. Лицо ласкал теплый ветерок. Снизу, от реки, поднималась прохлада. Вся природа настраивала на глубокие размышления. Катя была довольна собой, что удержалась от провального поступка, сформировавшегося на подъеме положительных эмоций – возвратиться в Москву и тут же замуж.

«Нет, дорогой, – думает Катя, – я не могу вручить тебе такой подарок. Я завезу тебя в такую дыру, откуда ты за полгода ни на оленях, ни на собаках не выберешься. А за полгода я сумею так закопать твои душевные раны, что они до конца жизни не раскроются. Да, решено! Завтра уезжаем на Север».

По плану Кати козырного туза Андрей должен выгащить только в поезде. «Во-первых, ограниченное пространство вагона людей сблизает, – думает Катя, – и мне легче будет пойти на этот поступок; во-вторых, в дальнейшем Андрей уже будет морально обязан; в-третьих, когда во время свадьбы я раскрою карты, и Андрей потеряет психическое равновесие, увидев пиковую даму, я ему тут же напомню, что он имеет дело не с какой-то проституткой, а со скромной культурной девочкой – в чем он сам убедился в вагоне поезда». Из этого плана вытекает, что первая брачная ночь должна состояться только в поезде. А что касается свадьбы, то Катя рассматривала ее как кульминационный момент плана и лучшую возможность раскрыть карты. Твердо решив свернуть поспешный и ошибочный план, Катя села на такси и умчалась в гостиницу.

В номере Андрей накрыл праздничный стол. Расспрашивать ни о чем не стал – это не входит в компетенцию телохранителя. Сели за стол, подняли бокалы шампанского.

– Ну что, Катя, – предложил Андрей, – выпьем за нас!

– Да – за нас и за нашу далекую и счастливую дорогу.

– Мы, что, Катя, уезжаем?

– Да, уезжаем, – ответила Катя. – Как только покушаем, мигом на вокзал, купи четыре купейных билета на север. Потом позвоним маме. Сообщи маме и папе дату и время отправки поезда. Пусть приедут провожать, так как вернемся мы оттуда нескоро. Свадьбу будем справлять там же, конечно, если все будет по плану.

Андрей пытался возразить, призвать к совести:

– Мы должны ехать в Москву. Там родители, друзья, сокурсники. Твоей свадьбы ждет, может быть, полстолицы. Да и я еще ни с кем не знаком. Катя, так нельзя!

Катя не обиделась, но Андрею напомнила:

– Андрей, ты случайно не забыл, что ты пока что еще телохранитель? А телохранитель всегда должен находиться там, где находится охраняемое тело. Вон видишь, там какой-то склад. Возле склада стоит часовая. Часовой охраняет склад. Разве может часовая советовать складу стоять здесь или перебежать в другое место и, тем более, призывать его к совести? Если

склад захочет, побежит и станет вон под тем бугром. Часовой молча побежит за ним и молча станет на свое место. Или ты хочешь выйти на пенсию в должности телохранителя?

У Андрея не было аргументов. Он ответил:

– Делай, Катя, как хочешь.

– Я хочу, чтобы ты побежал на вокзал и купил четыре купейных билета в Воркуту.

Андрей от удивления чуть не упал со стула. Он думал, что это шутка. Если бы Катя сказала: поедem в Сочи – это поддавалось бы какому-то осмыслению. Но в Воркуту? Андрей спросил:

– Мы в Воркуту поедem вчетвером?

– Нет, вдвоем, – ответила Катя.

Андрей был счастлив. Для него это был подарок. Андрей понял, что, несмотря на то, что он ей нагрубил, подозревая в несправедливости к родителям, все же Катя свадьбу не отменяет. В гостинице жили еще двое суток. Ждали родителей Кати. На вокзал поехали за час до прибытия поезда. Забрали вещи из камеры хранения. Ходили по перрону, поджидали родителей.

Родители Кати прилетели на самолете. Из аэропорта на железнодорожный вокзал приехали на такси. В это время Катя с Андреем прогуливались и поджидали родителей на привокзальной площади. Катя заметила маму в такси еще на подъезде к вокзалу. Когда такси остановилось, Катя увидела, что из такси вышел не папа, а ее дядя Петр Ильич. Это Катю очень взволновало. Мама вышла из такси, махнула Кате и Андрею рукой и быстро пошла в здание вокзала.

Петр Ильич тоже увидел Катю и Андрея. Катя сказала Андрею, что с папой что-то случилось. Ведь мама и папа должны были прилететь вместе. Когда подошли ближе друг к другу, Петр Ильич понял, что Катя забеспокоилась, и сразу сообщил, в чем дело. Оказывается, все хорошо. Папа не смог прилететь ввиду сложных служебных причин. А мама пошла на вокзал позвонить папе и сообщить, что долетели нормально и встретились с Катей и Андреем. Катя представила: «Дядя, знакомьтесь – это мой телохранитель Андрей. Андрей, это мой дядя Петр Ильич». Андрей и Петр Ильич подали друг другу руки, улыбнулись и назвали свои имена.

Дядя – мужчина лет пятидесяти, среднего роста. Волосы русые, глаза голубые, под глазами тоненькие морщинки. При общении в собеседника не всматривается, глазами не сверлит – охватывает всего сразу. При разговоре постоянно улыбается. Складывается ощущение, что он собеседника хорошо знает, что они старые друзья или хорошие знакомые. Такое отношение очень быстро располагает к человеку – не настораживает и не напрягает. Вопросов не задает: кто ты, где родился, крестился, кто твои родители, где и кем работаешь, образование, профессия и тому подобное. То есть то, чем, в таких случаях, как правило, интересуются в первую очередь и детально.

Петр Ильич эти вопросы пропустил полностью. Никаких сложных или неудобных вопросов. Просто подал руку и с улыбкой представился:

– Петр Ильич.

Мама Юля, позвонив домой, сообщила мужу, что все нормально, и быстро, почти бегом, направилась к Кате и Андрею. Ей не терпелось увидеть своего предполагаемого зятя. Катя стояла посередине между двумя близкими ей мужчинами, и все трое улыбались приближающейся Юле.

Андрей стал присматриваться к Юле. Его сердце стучало все быстрее и быстрее. За доли секунды в его воображении пролетела вся его жизнь, с самого детства. Он вспомнил, как в военном училище специальной подготовки после отбоя закладывал руки за голову, закрывал глаза и представлял своих папу и маму. Пытался угадать, какие они. За неуставное положение в постели после отбоя Андрей часто получал замечания. Еще раньше, в своей детской головке Андрей создал образ своих родителей. Они казались самыми красивыми, самыми ласковыми.

Андрей был уверен, что они живут вместе, любят друг друга, любят его, ищут его, вот-вот найдут, и всегда будут вместе.

Со временем с этих портретов исчезли рамки, краски, а потом и бумага, и они парили в воздухе. Это позволяло Андрею общаться и разговаривать с ними, как с живыми. Особенно при значимых событиях в жизни. Андрей приходил к родителям, как на доклад: «Здравствуйте, мама и папа! Сегодня у меня радостный день – меня приняли в комсомол; сегодня я принял присягу; мне уже доверили боевое оружие; сегодня я вступил в партию; сегодня я закончил училище. Мне присвоили звание лейтенанта».

Во время войны, в боевой обстановке, Андрей успокаивал родителей:

– Папа, мама, не бойтесь, меня не убьют. Мы еще обязательно встретимся.

После боя опять шел на свидание:

– Вот, видите, я же обещал, что меня не убьют. А как ваши дела? Не болеете? Берегите себя – вы мне нужны, я вас очень люблю.

Последняя встреча с родителями была, когда Андрей вытаскивал из желтых вод Меконга офицера, израненного крокодиллом. Тогда родители смотрели сверху. В этот раз они не улыбались. Но впервые за все прошедшие годы заговорили.

Андрей услышал от мамы:

– Сынок, ты сейчас вплотную приблизился к своей судьбе и к своему счастью. Твоя дальнейшая судьба будет связана с этим человеком. Но счастье твое будет недолгим. Будь очень внимательным и очень осторожным, особенно в собственных поступках. Мы уходим, к нам больше не приходи. Нас больше не встретишь.

Андрею стало страшно – он боялся одиночества. Он стал чувствовать себя сиротой. Как дальше жить, с кем теперь поделиться своими успехами, своей радостью? В сердце пустота, одиночество. Однако Андрей быстро и надолго забыл родителей. Но когда вспоминал, то представить их лиц он уже не мог, сердце больше не трепетало. Постепенно окончательно забыл. Он привык жить один, все решать один, переживать один – ни с кем не советоваться. Тем не менее долгое расставание с детством и воображаемыми родителями оставило в сердце Андрея букет нежных эмоций, которые долгие годы ждали достойного обладателя.

Когда Андрей увидел Юлю, букет нежных эмоций стал прорываться из глубины его души. Сердце затрепетало, затряслись ноги, пересохло во рту. Андрей вспомнил, как он рассказывал маме о своих подвигах и о своих успехах, а потом забыл на долгие годы. Да, это была она. Как две капли воды, его мама, созданная им за долгие годы могучей силой его детского воображения. Поэтому Андрею до слез хотелось назвать Юлю мамой, обнять, поцеловать, как родного и близкого человека – как родную маму. Андрея качнуло. Катя заметила, что с Андреем что-то происходит, подхватила его крепче под руку, посмотрела в лицо. Андрей был белый как полотно.

Катя спросила:

– Андрей, ты что, испугался мою маму?

– Нет, Катя, это мама не только твоя, но и моя.

Кате стало радостно. Андрей влюбился в ее маму с первого взгляда. Она заулыбалась, прижалась к руке Андрея своим плечом и лицом. Катя буквально расцвела и всем своим видом показывала, что она влюблена, что Андрей ее выбор, что она прилипла к нему и будет с ним всегда и всю жизнь. Состояние Андрея быстро восстановилось. Но Катя продолжала засыпать вопросами. На все вопросы Кати Андрей ответил, что времени мало. Тем более что ответов на них нет, да и мама уже близко. Катя подбежала к маме. Они обнялись, поцеловались, и пока обошлось без слез.

Андрей, конечно, понимал, что это не мистика, не трансформация детского воображения в действительность, а очень редкое совпадение, стечение воображаемого с действительностью. И уже не образам, не воображаемым родителям, а вполне реальной живой женщине он поло-

жил на алтарь всю свою военную карьеру – фактически отказавшись от генеральских погон. Здесь впервые за все это непродолжительное время, с плеч Андрея буквально слетел груз тоски о брошенной службе, самоедства, самобичевания. Андрей с облегчением ответил на постоянно угнетающий его вопрос – все правильно. С этого момента Андрей забыл о прошлой жизни, вычеркнул ее из своего сердца. Он погрузился в лоно новых ценностей, начал новую жизнь, стал другим человеком. Андрею хотелось по примеру Кати подбежать к Юле, прижать к себе, сказать: «Наконец мы встретились, теперь мы никогда не расстанемся, я буду вас охранять и оберегать. Я вас люблю!» Но этикет не позволял это делать. Ведь они видят друг друга впервые. А то, что мама Кати как две капли воды похожа на его маму, созданную его воображением, так это хоть и очень редкое, но все же только совпадение. Поэтому знакомство, первоначальное общение могут протекать только в русле общепринятой скромности, сдержанности, приличия и минимума эмоций. В противном случае Юля Андрея не поймет и, несомненно, примет за сумасшедшего или невежественного человека. И это будет оправдано.

«Ведь мы видимся впервые, – думает Андрей, – и бурные эмоции будут выглядеть вызывающе. Кроме того, неизвестно, как сложатся отношения с Катей». Андрей заметил, что мама и Петр Ильич вели себя с Катей чрезвычайно странно: во-первых, никто из них ни слова не сказал из того, что бы сказали любые другие родители в такой ситуации. Мол, ребята, вы что творите? А ну-ка на самолет и домой! Сыграем свадьбу, потом можете ехать на все четыре стороны.

Но при всех любезностях, нежности и ласкового отношения с дочкой, да и с Андреем, они вели себя так, как будто бы провожали дочку куда-то на дачу, в Подмосковье к бабушке, а не неизвестно пока еще с кем, и неизвестно куда. Тем более, под зиму, да еще и в Арктику. В их поведении просматривалось не то что сожаление об отъезде Кати, а, наоборот, даже желание отправить Катю куда подальше, безо всякого сожаления. Такое же отношение было и к Андрею. При всех любезностях, добродушии, улыбках никто из них не спросил Андрея: кто ты, откуда, где твой дом, где и кто твои родители, где они живут, чем занимаются.

Андрею показалось, что если бы Катя не представила, то они, наверное, не спросили бы даже, как его зовут. Из поведения мамы и дяди можно сделать два вывода: либо они Андрея уже хорошо знают и не считают нужным что-то уточнять или притворяться, либо они интеллектуалы такого уровня, что знание биографии Андрея и его семьи абсолютно не играет никакой роли в отношениях между их дочкой и предполагаемым зятем – в их совместной жизни, материальном благополучии и семейном счастье.

И, конечно, хотя эта позиция абсолютно верна, но она отступает от стандартного поведения ста процентов людей, оказавшихся в такой ситуации. Обычно родители, впервые встретившие кандидата в зятя, хотя и под предлогом телохранителя, или, тем более, кандидата в зятя и плюс штатного телохранителя дочери, долго, по нескольку раз, подробно расспрашивают обо всей его прошедшей жизни. Это связано не только с обеспокоенностью родителей за свою дочь, с естественным желанием знать, в чьи руки попадает их дочь, будут ли эти руки такие же нежные и ласковые, как руки родителей, но и с тем, что незнакомым людям, впервые встретившимся, больше не о чем и разговаривать, кроме как знакомиться и узнавать побольше друг о друге. Андрей был удивлен и даже поражен тем, что при всех нежностях мама и дядя не сделали даже намека на то, чтобы свадьбу справить в Москве, среди родных, близких, друзей детства, сокурсников, коллег по работе.

Мысли лезли разные, вплоть до криминальных, но объяснения ни одного. Криминал объективно исключался. В Москве Катя вела себя довольно свободно, весело. Общалась с соседями, бывшими сокурсниками. Как потом выяснилось, к большому удивлению, Катя выписалась в милиции по месту жительства. В то же время чувствовалось, что родители Кати – люди высокого ранга, известные не только в своей стране. И привязывать к ним что-то плохое было

даже стыдно. В связи с этим интрига закручивалась все крепче и крепче. И, казалось, раскрутить ее будет уже очень трудно. Оставалось только ждать.

Катя и Андрей с мамой и Петром Ильичом вышли на перрон. Вагоны уже подцепили к локомотиву, кондукторы стояли в тамбурах с флажками. До отправки поезда оставались считанные минуты. Кондукторы просили отъезжающих поторопиться и зайти в вагоны. Из вагонов поспешно выходили провожающие, становились каждый напротив окна уезжающих близких, а отъезжающие, успешно занявшие свои места, высовывались в открытые окна и продолжали прощаться и слушать пожелания счастливого пути, давая последние напутствия. Юля держала Катю двумя руками за левую руку, голову чуть-чуть наклонила к плечу Кати. Остановились в двух-трех метрах от вагона, повернулись друг к другу лицом, взяв друг друга под локти и молча смотрели друг на друга.

Катя начала разговор первая:

– Мама, ну скажи хоть слово. Как он тебе?

– Я, Катя, молчу, потому что у меня нет слов описать его достоинства, могу сказать лишь одним словом – он великолепный. В Москве, а может быть, и во всем Союзе таких больше нет. Тебе в жизни очень повезло встретить такого мужчину. Теперь у тебя одна задача: приложить все усилия, способности и нежность, чтобы его не потерять. Катя, вы будете ехать несколько суток. Поезд – это великолепное место, чтобы сблизиться. Запомни, Катя, если до Воркуты ты не станешь его женой, то ехать дальше и играть там свадьбу не будет никакого смысла. На свадьбе он тебя не поймет, он тебя не примет. Это значит, что в Москву вы будете возвращаться в разных вагонах.

– Мама, ты что, читаешь мои планы? Я так и спланировала.

– Нет, Катя, я твои планы не читаю. Просто у нас с тобой одинаковый подход к решению одной и той же проблемы.

– Граждане, поторопитесь, поезд отправляется! – закричала кондуктор.

У Юли затрясся подбородок, скривились губки. И хотя Юля все же хотела пересилить себя, выдавить улыбку, но глаза стали мокрыми – по лицу потекли слезы. Катя и Юля обнялись, крепко прижались друг к другу и заревели, как дети.

Кондуктор крикнула:

– Вы останетесь! Я закрываю ступеньки!

Андрей схватил Катю под мышки со спины и быстро поставил ее в тамбур вагона. Быстро пожал руку Петру Ильичу. Сказал: «Прощайте!..» Уже чуть-чуть не сказал – папа. Но какая-то сила его остановила. Может, его тонкая и развитая интуиция, может, родители, с которыми он расстался много лет тому назад, еще в болоте Меконга. Пройдут годы, и Андрей вспомнит это прощание, но Петра Ильича уже не будет в живых. Петр Ильич, будучи одним из ведущих специалистов в области ракетостроения, трагически погибнет при неудачном запуске новой ракеты на стартовой площадке одного из космодромов Союза.

Андрей подбежал к Юле, поцеловал ее в щечку и сказал:

– До свидания, мама, не беспокойтесь, у нас с Катенькой будет все хорошо. Я вас люблю.

Катя из вагона кричала:

– Андрей! Андрей! Ты останешься! Я прыгну с поезда!

Поезд уже был на ходу. Андрей догнал его, схватился за ручки и через секунду был в тамбуре рядом с Катей. Одной рукой держа Катю, а другой держась за ручку вагона, Андрей смотрел вверх голов кондуктора и провожающих, всматривался в лица удаляющихся близких и родных людей. Катя махала рукой маме и дяде, пока те не скрылись из виду.

Петр Ильич и Юля стояли на перроне, смотрели вслед уходящему поезду. Когда скрылся из вида последний вагон, Юля и Петр Ильич направились к такси. Шли молча. Каждый обдумывал проводы и дальнейшую судьбу их дочери и племянницы. Юля спросила Петра Ильича:

– Ну что скажешь, Петя?

– Что я могу сказать? Андрей великолепен: высокий, физически сильный, воспитанный, образованный. Потом, он протеже Анатолия Ильича, и этим все сказано.

– Ты что, считаешь, что Анатолий Ильич не может ошибиться?

– Ошибиться может любой человек. Но уж точно, что Анатолий Ильич на одни и те же грабли два раза не наступит.

Юля сразу не сообразила, что к чему. Потом засмеялась и стала бить Петра Ильича кулаками по плечу. Петр Ильич тоже рассмеялся. Уклоняясь от нападения Юли, со смехом кричал:

– Я не думал, что профессора бывают настолько заторможенные!

– Хорошо, Петя. Один-ноль в твою пользу. Мир!

Юля схватила Петра Ильича двумя руками за его руку, и они с хохотом пошли на привокзальную площадь. Сели в такси – поехали на аэродром. На военно-транспортном самолете улетели в Москву.

Андрей и Катя зашли в свое четырехместное купе. Андрей не садился, стоял окаменевший – полностью погружен в себя. Катя посмотрела Андрею в лицо, увидела, что глаза Андрея стали красными. Сам Андрей тоже молчал и смотрел на Катю. Но он её не видел. Катя поняла, что Андрей влюбился в маму. «Ну что ж, дорога длинная, – подумала Катя, – влюбился в маму, влюбится и в меня». Андрей и сам не мог сообразить, что произошло. Он тоже думал, что он влюбился в Юлю. Она уже заполнила его сердце. Он ее видит, он хочет, чтобы Юля была рядом. Андрей как бы стал не замечать Катю.

Катя поняла, что Андрей в ступоре, он ушел в себя, ему нужно помочь:

– Ты о чем сейчас думаешь, Андрей?

– Не знаю, – ответил Андрей.

Катя села рядом. Взяла Андрея двумя руками за лицо, поцеловала и сказала:

– Я люблю тебя больше всех на свете, мой дорогой! И ты меня любишь. Тебе нужна только я и больше никто. Я все вижу. Ты влюбился в мою маму, но сам не поймешь, что полюбил ее не как женщину, а как свою кровную маму. Вспомни, Андрей, как ты назвал ее на прощание – ты назвал ее мамой. Это слово ты мечтал произнести всю свою сознательную жизнь. И вдруг, неожиданно для себя, ты его произнес – произнес впервые в жизни в адрес не воображаемой мамы, а живой, молодой и красивой женщины. Она вошла в твое сердце как родная мать. Ты долгие годы думал о маме, мечтал ее встретить, разговаривал с ней, как с живой. Ты видел ее во сне, и твое сердце не выдержало. Если учесть, что моя мама молодая и красивая, вот в твоём сердце и смешалось все в одну кучу. У тебя, Андрей, красные глаза. Это значит, что ты чуть не заплакал. Для такого сильного и мужественного мужчины, как ты, слезы нехарактерны. Но раз они все же прорвались – это значит лишь одно: удар по твоему сердцу был очень сильный.

Потом, еще одно важное обстоятельство: мужчина может заплакать при расставании только с родной мамой. Расставаясь с любимой женщиной, мужчина никогда не заплачет. Ты полюбил мою маму как свою, ты заполнил пустоту своего сердца. Люби ее как маму, а меня люби как жену, и мы будем счастливы. Маме бог не дал сына. Она тебя будет любить как своего кровного сына.

– Да, Катя, ты права. Когда я подошел к Юле попрощаться, я даже не думал назвать ее мамой. Но вдруг она мне показалась такой близкой и родной, что мое сердце дрогнуло. На глаза впервые в жизни стали наворачиваться слезы, и я узнал в ней свою родную маму. Я поцеловал ее и назвал мамой. У меня чуть не брызнули слезы. Но поезд уже был на ходу, с тамбура кричала ты, и я рванул к поезду. Конечно, конечно, Катя, я узнал в Юле не женщину, а маму, о которой я мечтал. Я не мог сообразить, что произошло. Ты помогла мне разобраться. В то время в моем сердце произошла замена моей придуманной мамы, моей мечты, реальной, живой, точно такой, о которой я мечтал, которую я видел во сне и в своем воображении. До встречи с твоими родителями я чувствовал себя отшельником, сиротой. Сейчас я чувствую себя вполне полноценным семейным человеком. Теперь у меня есть мама, папа и ты, я чув-

ствую себя счастливым и уверенным. Ты знаешь, что я воспитывался в детском доме, а потом в военном училище. Я очень страдал оттого, что у меня нет родителей, что я сирота. Это породило во мне комплекс собственной неполноценности. Ты также знаешь, что я создал образы своих родителей и очень часто общался с ними. Это компенсировало мой комплекс, и я стал чувствовать себя комфортно.

Потом однажды, при очередной встрече, мама мне сказала, что они на встречу больше не придут. И попросила, чтобы я их забыл. Конечно, от обиды и жалости у меня чуть не разорвалось сердце. Я почувствовал себя в полном одиночестве и опустошенным. В то же время я осознавал, что они не мои живые родители, что они мной придуманы, что они есть мои детские иллюзии и, наверное, пришло время с ними расстаться.

Через короткое время они ушли из моего сердца, но в памяти сохранились. И, наверное, сохранятся до конца моей жизни. Я до последнего времени, когда приходилось бывать на вокзалах, нет-нет, да и посматривал – а вдруг я их увижу? Но это уже было просто по привычке. Мое сердце оставалось спокойным.

– Дорогой, а что произошло с тобой на перроне, когда ты увидел маму? Ты стал бледный – чуть не упал!

– Когда на перроне я увидел твою маму, я узнал в ней мою. Нет, не похожую, а точь-в-точь мою маму, которую много лет видел в своем воображении. Ты видела, как я сделал резкий рывок вперед, уже хотел побежать ей навстречу – обнять, расцеловать и спокойно умереть от счастья. Но у меня закружилась голова, пересохло во рту, ноги стали мягкими, я двигаться больше не мог. Мое состояние ты видела.

– Итак, Андрей, давай попробуем распутать клубок с родителями, – сказала Катя – с твоими родителями – воображаемыми и моими – реальными. Здесь должна быть какая-то природная связь. Конечно, не скрою, что, если бы ты был моложе, а мама постарше, я бы, прежде всего, предложила искать твоего папу. Это ближе всего к реальности.

В этом случае до полного выяснения обстоятельств ты бы числился моим братом, и нас тобой связывали бы только чисто служебные отношения. Но в данном случае, когда моя мама чуть-чуть старше тебя, это полностью исключается. Вероятно, ты когда-то, еще в детстве, случайно увидел мою маму. Может, даже с папой. Они тебе очень понравились. Ты даже подумал: «Вот если бы эти люди были бы моими родителями». Они запали в твое детское сердце и сохранились в памяти.

Прошли годы. Обстоятельства и место встречи ты забыл. Но постоянно мечтал о родителях. Каждый раз они всплывали в твоём воображении, и ты их уже принимал как своих. Сначала ты их поместил на портреты. Но на портреты можно только смотреть и мечтать, а разговаривать как-то неудобно. Все же это только портреты... Затем с портретов ты переместил их в воздушное пространство – уже без рамок, без красок, в полный рост и в полном объеме. Здесь ты сделал большой прорыв вперед. Во-первых, они были с тобой всегда, в любую минуту – хоть во Владивостоке, хоть в болоте Меконга – достаточно было только о них подумать и их представить. Не нужно было в своей памяти возвращаться в казарму и разговаривать с портретами. Они тоже с тобой разговаривали – вернее, ты сам говорил от их имени, вкладывая в их уста предположительные ответы на свои вопросы. Либо просто вкладывал ответы, которые бы ты сам хотел слышать от них. В любом случае, чтобы подвести черту под нашей гипотезой, ты должен вспомнить – в какой одежде ты видел моих родителей. Постоянно в одной и той же или в разной?

Андрей, не раздумывая, ответил, что он узнает только маму. К Петру Ильичу родственных чувств у него нет. А маму он видел в той одежде, в которой она была сегодня на вокзале.

– Тогда, Андрей, мы в своих суждениях зашли в тупик, так как мама одежду меняет очень часто, а ту одежду, в которой была сегодня на вокзале, она купила совсем недавно. Значит, без помощи нам не обойтись. В нашей стране есть люди, которые могут объяснить твой феномен,

но они засекречены. Когда приедем в Москву, поговорим с родителями. У папы есть друзья в военной разведке. Они могут помочь встретиться с нужными специалистами. А заодно проверить тебя. Не исключено, что ты обладаешь даром предвидения будущих событий или предвидения встречи с конкретными людьми, но сам об этом не знаешь.

Это не пустые слова. Ведь не каждый мужчина путем титанического труда в течение многих лет может сформировать такую мускулатуру и такую физическую силу. Или возьмем твою решительность. Только один из миллиона ради почти незнакомой девушки бросит головокругжительную карьеру и уедет с ней неизвестно куда и неизвестно зачем. Нормальный человек совершает рискованный поступок, руководствуется целесообразностью. Ты же совершил поступок спонтанно. Значит, ты не нормальный. Ты особый. Ты видишь в будущем то, что не каждый видит в прошлом. Значит, тебя нужно исследовать.

Когда приедем в Хальмер-Ю, обойдем поселок, осмотрим местность и объекты. Если под каким-нибудь баракком ты увидишь останки динозавра или мамонта, достанем научное обоснование сноса барака, возьмем ломы и лопаты и начнем раскопки. Если действительно откопаем что-нибудь, умершее два-три миллиона лет тому назад, то это будет подтверждение тому, что ты не нормальный, то есть особый. В таком случае нам с тобой придется расстаться – тебя засекретят и упакуют.

– Нет-нет, Катя, – произнес Андрей, – меня такой финал не устраивает! Пусть лучше барак стоит на месте, мамонт лежит под баракком. Зачем его беспокоить? А мы будем жить вместе. Я долгие годы был запакован – то в казарме, то в собственных иллюзиях. Только сейчас я почувствовал, что такое настоящая свобода.

Я впервые в жизни попал в такую ситуацию, когда я просто живу. Когда нет никакого расписания, ничего не нужно делать, ни перед кем не отчитываться, не докладывать, ни от кого не требовать – Даже стали подкрадываться ощущения собственного паразитизма.

– Ну, что ж, Андрей, раз душой и сердцем ты стал полноправным членом нашей семьи, то нужно создать реальность, соответствующую твоим чувствам.

Андрей обнял Катю и, крепко прижав к себе, покрыл ее поцелуями.

– Нет-нет, Андрей, не торопись. Ты не так меня понял. Я имела в виду, что нужно готовиться к ужину. Нужно обмыть прощание и отъезд. А иначе вся дальнейшая жизнь пойдет кубарем. Вот когда выйдем на прямую дорогу, без последующих пересадок, это и будет прямая дорога нашей совместной судьбы. А сейчас нам нужно еще разобрать вещи. Слышишь, Андрей, пассажиры в соседних купе еще не утомонились. Еще стучат полками и чемоданами, кондуктор разносит постельное. В соседних купе пассажиры уже начали звенеть стаканами. В каком-то купе под гитару запели «Славянку». К нам тоже сейчас зайдет кондуктор, принесет постельное, предложит чай. Познакомимся с кондуктором, поужинаем. Как видишь, для страстей еще рановато. Хотя я тебя прекрасно понимаю. У мужчины страсти стоят на первом месте. Потому что мужчина не несет никакой ответственности за свои поступки с женщиной. Мужчина абсолютно не учитывает физиологические, нравственные и прочие потребности женщины, которые у неё на первом месте. Для женщины важен плавный, нежный переход к страстным отношениям. Здесь особенную роль играют время и место, предшествующие физические и психические нагрузки, условия и безопасность, немалую роль играет медицинский и биологический фактор, условия и предметы гигиены, а также разнообразные последствия для женщины.

Кроме этих общих условий, необходимых для каждой женщины, для меня имеет еще большое значение твое отношение ко мне после свадьбы, которое, когда ты узнаешь особенности моего характера, может резко измениться на противоположное. В этом случае мы с тобой разведемся и больше никогда не увидимся. Поэтому, если ты меня по-настоящему любишь, ты должен научиться учитывать и ценить не только одни мои позитивы, но и негативы, которых у каждого человека может быть очень много.

Если предположить, что мы с тобой жених и невеста, то что мы сейчас должны делать... Правильно – принимать гостей, принимать поздравления, принимать подарки. Гости в это время пьют, закусывают, поют песни, танцуют. А жених и невеста сидят, улыбаются и трясутся – жених от страсти, невеста от страха за грядущую ночь. А утром еще веселее: если днем тряслась сама, то утром вытащат из-под них простынь и будут трясти перед всей толпой. Я бы такой стыд не перенесла. Хорошо, что мы уехали. Другое дело слушать, как кричат «горько».

– «Горько» еще не кричали, – возразил Андрей.

– Так и не было повода, – заметила Катя.

– Так это можно исправить, – сказал Андрей, прижав Катю к себе, и стал целовать в щечки и в губы.

– Ну, хватит, Слон! А то до Хальмер-Ю ты превратишь меня в воблу.

– Катя, но мы, кажется, едем в Воркуту. Про Хальмер-Ю ты ничего не говорила.

– Воркута, Андрей, это главное направление. В Воркуте мы пересядем на другой поезд и поедem в Хальмер-Ю.

– А дальше, я так понимаю, – сказал Андрей, – на собаках или на оленях мы двинем, как минимум, на Тикси...

– Нет, Андрей, из Хальмер-Ю, если сложится все благополучно, мы двинем в Анадырь. Это, Андрей, очень далеко, очень трудно и чрезвычайно опасно. Не все могут это пережить и не все могут выжить, большинство погибают в пути. Если есть сомнения или страшно, то проводишь меня до Хальмер-Ю. А оттуда вернешься в Москву.

– Катя, я принимаю тебя со всеми твоими негативами и позитивами и никогда с тобой не расстанусь.

– Нас с тобой, Катя, связывают любовь и свобода, – сказал Андрей. – Любовь и свобода – это то, ради чего стоит жить. Раде чего я готов пройти с тобой трижды в Анадырь и обратно. Давай ужинать. Выпьем за свободу, за прощание с родителями, за дорогу, за любовь!

Андрей взял гитару. Рутинные философские разговоры, изысканная фразеология сменились на лирику, хохот от сказанных впапад и невпапад слов, смешные анекдоты... Время летело впереди поезда. Позади давно уже остались Котлас, Ухта, Печора. Поезд то пыхтел на затяжных подъемах, то летел, как ветер, догоняя время, упущенное на подъемах и разъездах, пропуская поезда с лесом, углем и пассажирами.

Едкий угольный дым паровоза, с горьковатым привкусом, прорывался в купе, разбавляя запахи, коктейль сладких московских конфет и аромата французских духов. Вокруг необъятные просторы тундры. Кое-где виднелись утонувшие во мху и карликовых березках давно заброшенные бараки бесчисленных лагерей заключенных. Цель приближалась, дни резко сокращались. Солнце выходило и тут же пряталось, как будто выглянуло, чтобы поприветствовать, махнуть рукой и уйти на покой.

В вагонах становилось прохладно. В каждом вагоне осталось с десятков пассажиров. Женщины копошились в чемоданах, доставая теплую одежду, а мужчины, искоса поглядывая на жен, доставали последние запасы «Вологодской». Кондуктор начал растапливать печь. Крупные города давно остались позади. Вагоны опустели. Катя надела подаренную мамой в дорогу толстую кофту из оренбургского пуха и теплые носки. Андрей, наоборот, разделся до майки. После фужера коньяка Андрею стало жарко. Тем более, Кате нравилось рассматривать его играющую мускулатуру. Она смотрела на Андрея и мечтала родить такого же сильного и мускулистого сына. Такого же высокого, смелого, красивого, как Андрей. Катя была счастлива. Перед ней сидит мужчина, которого можно встретить только в книгах, и он принадлежит ей одной. Она была уверена, что Андрей ее любит. И ради нее готов на все. Катя пришла к выводу, что больше нет никаких оснований откладывать тот момент, который соединит их судьбу не только чувством и сердцем, но и телом, и кровью.

Катя вспомнила свой план, а также напутствие мамы, решила, что пришло время покончить с детством. Тем более, что они находятся посередине пути, на пороге судьбы и в начале своей новой жизни. Андрей сидел напротив Кати, под гитару напевал ее любимые романсы и утопал в ее божественной красоте. Катя встала со своего места, села рядом с Андреем, обняла его своей левой рукой вокруг шеи, положив руку на его левое плечо. Впиалась своими огромными глазами в его глаза.

– Андрей, – спрашивает Катя, – хочешь, я скажу, о чем ты сейчас думаешь?

– Скажи, Катя.

– Ты сейчас думаешь о том, как бы быстрее покончить с двоевластием. Твои руки трясутся сыграть что-нибудь революционное и тут же приступить к государственному перевороту.

– Ты угадала, Катя. Для тебя эта загадка была самой легкой в твоей жизни. Потому что на моем месте, находясь в одном поезде, в одном купе с девушкой божественной красоты, один на один, да еще и в тундре, только клинический идиот или законченный импотент мог бы думать о чем-нибудь другом, но не о захвате власти.

– В начале нашего пути я тебе говорила, что для женщины нужен плавный, мягкий переход от нежных отношений к страстным и грубым. Этот этап мы с тобой уже прошли. Я согласна выйти за тебя замуж и клянусь тебе в вечной любви и преданности тебе одному. Я готова свои слова подтвердить перед богом и расписаться за сказанное мною своей кровью.

Андрей слегка повернулся к Кате, подложил свою левую руку Кате за спину, правой рукой прижал ее голову к своим губам и покрыл ее сотнями поцелуев: плечи, шею, лицо, губы и все, что было открыто и доступно. Катя уже коснулась спиной матраца и подушки нижней полки и почувствовала на себе тяжелое, но близкое, родное и долгожданное тело Андрея. В доли секунды голова Кати оказалась намного ниже подбородка Андрея. Обхвачена и зажата мощными руками, придавлена к постели, полностью закрыта широкой грудью и могучими мускулистыми плечами. Катя уже не могла шевельнуться. Еще минуту назад сильная и властная, Катя почувствовала себя слабой, беспомощной, покорной. Все смешалось в кучу: любовь, страсть, желание, разочарование, обида, злость.

Резкая сильная боль в нижней части живота перевесила чувства в пользу негатива, добавила разочарования. Катя почувствовала себя искомканной, растрепанной, раздавленной куклой: «А где же нежность, где же ласка? – промелькнуло в ее голове. – Это и есть вершина любви? Нет, – думает Катя, – это, скорее всего, вершина варварства и уничтожение человеческого достоинства». Ей хотелось вырваться, убежать домой и покончить раз и навсегда с этим мужланом. Но это было невозможно. Ей казалось, что на нее наехал настоящий гусеничный трактор, и она не могла даже шевельнуться. Тут Катя вспомнила наставления мамы во время посадки на поезд. «Катя, если во время деликатного мероприятия ты почувствуешь себя раздавленной и уничтоженной, если почувствуешь себя не человеком, а куклой, что бывает со многими женщинами в таком положении, или возникнет к нему ненависть за грубость за причиненную боль, то это временное психическое расстройство, возникшее в ответ на резкое изменение отношений из очень нежных на очень грубые, ранее никогда неиспытанных, это быстро пройдет после окончания мероприятия. Не вздумай протестовать, закричать, оскорбить и тем более ущипнуть, укусить, ударить. Он все равно свое дело доведет до конца. Но потом, в случае твоего грубого поведения, он может относиться к тебе грубо и неуважительно. Самая лучшая позиция – неопределенность. Это значит то, что, когда ты будешь прижата к постели, твои руки будут свободны и находиться у него за спиной, ты можешь не очень сильно бить его кулаками по спине. В таком твоём поведении есть два положительных эффекта: с одной стороны, ударяя его, ты будешь сливать свою обиду и злость, а с другой – он будет думать, что ты его бьешь любя, компенсируя скромность. Если же в тебе отрицательных эмоций не возникнет, то ничего придумывать не нужно. И все окончится мирно, любезно. С этого

времени ты начнешь качественно новую жизнь – жизнь обычной женщины, жены, мамы, а потом и бабушки».

«Шутя, любезно, – думает Катя, – если бы я могла, я бы этот трактор, который ездит по мне, как по пахотному полю, разобрала до последнего винтика и выкинула бы в окно. Пусть бы проветрился, а то своим потом залил уже меня всю. Пусть только закончит свое черное дело, пусть я хоть чуть-чуть смогу шевельнуться, я ему покажу, как нужно брать власть. Но не бойся – начнет подлизываться».

Вдруг Андрей неожиданно задергался и всем телом навалился на Катю. Катя вспомнила маму. Подумала, что ей пришел конец. Но Андрей быстро сполз коленями на пол купе, стал целовать Катин живот. Потом накрыл Катю простыней, сам сел в ноги. Катя продолжала лежать на спине, отвернув голову к стенке купе. Ей не хотелось ни разговаривать, ни шевелиться. Она молила бога, чтобы все закончилось и больше никогда не повторилось.

Андрей сидел на Катиной постели возле двери. Оба молчали. Что говорить, что делать, как себя вести после случившегося, никто из них не знал. Андрей, положив Катини ноги на свои колени, легонько массажировал ей пальцы и ступни ног. Он знал, что Катя в шоке. Массажирюя Кате ноги, он показывал, что он Катю любит и жалеет. Спустя пятнадцать-двадцать минут Катя попросила, чтобы Андрей ее пропустил, что ей нужно выйти. Андрей спокойно опустил Катини ноги на пол. Слегка запустил свои руки под мышки за спину Кати, помог ей подняться.

Катя взяла со стола чайник с теплой водой, вышла из купе, пошла по коридору в сторону туалета. Вагон был почти пустой. Кондуктор спала в своем служебном купе с приоткрытой дверью. Катя зашла в туалет и стала проводить процедуры гигиены. Первое, что она увидела – это кровь и слякоть. Но теоретически Катя знала, что взятие власти без крови не обходится. При взятии власти главное – физическая победа: завладеть имуществом, телом, территорией. А душа всегда остается за кадром. Катя вышла в тамбур, чайник поставила на пол, открыла дверь вагона, открыла платформу ступенек. Держась за ручку, спустилась на самую нижнюю ступеньку, стала лицом по ходу поезда.

Было светло, над горизонтом еще светило солнце. Поезд мчался по безмолвной тундре. В лицо дул сильный холодный ветер, неся с собой мелкие частицы несгоревшего угля, сажи и едкого дыма, клубами вылетающего из черной трубы паровоза. Колеса ритмично стучали на стыках рельсов, как будто выговаривали: так тебе и нужно – так тебе и нужно – так тебе и нужно.

Слегка покачивались шпалы, как бы в ритм колес, покачивая головкой влево и вправо, подталкивали – смелее, смелее, смелее. Но шпалы ошибались. Катя стояла здесь не для того, чтобы прыгать. Это не тот случай. Да и Катя не тот человек, что бросается с поезда. Кате в этот момент хотелось только сильного и холодного ветра. Ей казалось, что ветер ее остужает, исцеляет, выдувает из нее весь негатив, освежает мысли и сердце, и ей становилось легче. Поэтому хотелось еще более сильного и более холодного ветра.

Через некоторое время ее кожа стала морщиться, а все тело стало цепенеть. Под ногами мелькал щебень, сливаясь в сплошное серое полотно. Катя почувствовала легкое головокружение. Она крепко вцепилась двумя руками за ручки вагона и с трудом вошла в тамбур. Взяв свой чайник, Катя пошла по коридору вагона в направлении своего купе. Вагон был по-прежнему пустой. Катя осмотрелась вокруг. Потом осмотрела себя и с ужасом обнаружила, что она в ночной рубашке. Мало того! Рубашка в нижней части, сзади и спереди, в кровавых пятнах. Катя буквально взорвалась от злости. «Идиот! А он что, не видел, в чем и в каком виде я выходила! Сейчас влечу в купе и разорву его на мелкие кусочки!»

Катя открыла дверь купе и уже хотела наброситься на Андрея со своими крохотными кулачищами. Андрей стоял возле столика, смотрел на Катю и весело улыбался.

– Так вот ты какой! Мало того, что ты со мной сделал, еще и насмехаешься!

Но Андрей, не обратив внимания на ее слова, стал ее поздравлять:

– Катя, дорогая, моя божественная красавица, поздравляю тебя со светлым и радостным праздником! Ты сегодня пополнила семью славных, умных, красивых советских женщин. Среди миллионов женщин ты выделяешься так, как выделяется луна среди миллиарда звезд на синем ночном небе. Пролетит немного времени, и ты станешь мамой, а я буду счастлив стать отцом твоего и своего ребенка. Я буду самым счастливым отцом и мужем, а ты будешь моей путеводной звездой и моим солнцем, согревающим мое тело и сердце.

Андрей повернулся к Кате боком так, чтобы Катя могла увидеть столик, который он закрывал своей спиной. На столе стояла бутылка и два полных фужера с коньяком. Андрей взял два фужера, один подал Кате:

– Катя, давай выпьем за нашу любовь, за нашу счастливую семейную жизнь! Я пью за тебя, за твою смелость, за то, что у тебя не дрогнула рука расписаться кровью за нашу семейную жизнь и вечную любовь.

Катя взяла фужер:

– За это стоит выпить!

Катя залпом выпила фужер. Андрей подал ей шоколад, но она покачала отрицательно головой. Андрей застыл от удивления и с любопытством смотрел в ее глаза.

– Ну, что смотришь, наливай! – Катя протянула Андрею свой фужер.

– Катя, ведь ты так много никогда не пила. Ты опьянеешь!

– Но я и женщиной тоже никогда не была... А опьянела я давно, еще час тому назад, от твоей любви. Ты разве не заметил, в каком виде я вышла из купе и поплелась по коридору? В общественных местах в каком виде могут ходить только сильно пьяные. Хорошо, что пустые вагоны, да никто не встретился.

– Прости-прости, дорогая, – оправдывался Андрей, – я сам был в шоке. Я смотрел на тебя и ничего не видел!

Катя держала в руке фужер. Андрей потихоньку наливал коньяк и внимательно смотрел Кате в глаза, ожидая, когда она скажет: хватит. Но коньяк уже лился через верх, по Катиной руке стекал на пол.

– Наливай себе, Андрей!

Андрей налил себе полный фужер и предложил Кате оставить выпивку на завтра. Андрей боялся, что Кате станет очень плохо. Но Катя была в боевом настроении и не унималась. Ее тело, лицо, глаза явно подчеркивали неудержимое желание выпить. К тому же, после исцеляющей речи Андрея, Кате тоже сильно хотелось сказать что-то ласковое.

– Андрей, я хочу выпить за нашу страстную и вечную любовь, я хочу выпить за те прекрасные слова, которые ты только-что произнес, я хочу нарожать тебе кучу сыновей, таких же красивых и могучих, как ты, я хочу выпить за наших родителей, за маму и папу, за успешную дорогу.

Катя в три глотка выпила коньяк. Ее рука с фужером опустилась вниз, фужер упал на пол. Андрей предложил шоколад, но Катя сказала: «Помнишь, Андрей, крылатое выражение: «После второй не закусываю»? Глаза Кати стали закрываться, ее качнуло, она схватилась двумя руками за плечи Андрея. Пальцы ее рук стали разжиматься и сползать с плеч Андрея. Опускаясь, сквозь сон, она прошептала:

– Андрюша, мама просила, чтобы я тебя не обижала. Я ей пообещала и сдержу свое слово.

Андрей правой рукой подхватил Катю чуть ниже талии, поднял и положил себе на плечо. Катя обхватила Андрея за шею, положила свою голову за шею Андрея и тихим детским голосом протяжно, еле-еле слышно прошептала:

– Какой глупый, еще совсем ребенок. Разве я могу тебя обидеть – никогда!

Андрей накрыл Катю пледом, вынес в тамбур, открыл входную дверь и долго-долго стоял на чистом воздухе, пока сильный боковой ветер сдувал клубы черного дыма паровоза и уносил в бесконечные просторы тундры.

Когда паровоз повернул против ветра, и дым стало заносить в тамбур, Андрей закрыл дверь, занес Катю в купе, положил на бочок, сам сел в ее ногах. Пока Катя спала, Андрей в своих мыслях перевернул всю свою жизнь. И особенно думал о родителях Кати. Андрей сразу понял, что люди они очень высокого интеллекта и, наверное, очень высокого ранга. И в то же время необычной простоты и скромности. Мама Юля – очаровательная. От нее невозможно оторвать глаз. Потом Андрей никак не мог сообразить: почему она с самого детства была в его воображении, и он ее принимал за свою маму. И, главное, в том виде и в той одежде, в которой увидел на вокзале. В то же время раньше он ее никогда не встречал.

«Предположим, – думал Андрей, – если даже когда-нибудь мельком встречал, то не могла же Юля много лет подряд носить одну и ту же одежду». Андрей пришел к мысли, что Юля может быть его старшей сестрой, и взял на заметку – проверить! Особенно его беспокоило прохладное, казенное отношение лучшего друга по училищу и по дальнейшей службе генерала Сергеева. Андрей не верил, что Мишу могли испортить генеральские погоны. «Ведь мы всегда были вместе. Делились мыслями, планами и всем сокровенным», – думал Андрей. Миша тоже относился к Андрею, как к родному брату. Но Миша был менее скромный и более решительный. Иногда в его поведении наблюдались признаки легкого цинизма и грубоватого отношения к товарищам. Хотя Андрея это настораживало, все же Миша был его самым лучшим другом.

Андрей вспомнил один случай, когда он чуть ли не пошел на разрыв дружбы с Мишей.

Для выполнения особого задания Генерального штаба к ним прибыл полковник внешней разведки Малиновский. Его задачей было сформировать группу из числа уже хорошо подготовленных офицеров для выполнения задания в глубоком тылу противника: взятия языка из числа высших офицеров, штабную документацию, если будет необходимо, ликвидировать оперативное подразделение противника.

Конкурс был большой. Отобрать нужно было всего тридцать человек. Условия к претендентам были жесткие, претендент должен быть:

- членом КПСС не менее одного года;
- отличником боевой и политической подготовки;
- мастером спорта по какому-нибудь силовому виду спорта;
- за всю службу не иметь замечаний по служебной и партийной линии;
- иметь высшее образование;
- свободно владеть всеми видами оружия и техники – ездящей, плавающей, летающей;
- свободно владеть иностранным языком, желательно английским.

По всем предметам – экзамены.

Когда группа была сформирована и утверждена, полковник построил группу, поздравил всех с успешным зачислением и выразил уверенность, что с такими орлами задание Генерального штаба будет выполнено успешно. При условии, что навыки, уже полученные в полку, придется еще два- три месяца подшлифовать. Особенно стрельбу из различных видов оружия, рукопашный бой, работу с ножом, вождение различных видов транспорта, минирование и прочее. После этих слов на лицах офицеров появились веселые улыбки. Малиновский знал, с кем имеет дело. Знал, что эти ребята уже имеют хорошую подготовку в диверсионном деле и что их улыбки имеют исключительно ироническое происхождение. Но Малиновский решил идти до конца.

– Для выполнения задания такого уровня подготовки, которую вы имеете, я рассматриваю как первоначальную. Поэтому будем шлифовать! – сказал Малиновский.

После чего Миша сказал:

– Обижаете, товарищ полковник!

Полковник приказал всем надеть рабочую одежду и идти в спортзал. Старшим группы назначил Андрея. Когда группа, уже в рабочей одежде, построилась в спортзале, полковник сказал, что хочет посмотреть, как они работают с ножом. Показать свое мастерство первым вызвался Андрей. Полковник предложил Андрею взять нож и напасть на него, нанести удар ножом в любую часть тела по своему усмотрению. Андрей напал на полковника и пытался нанести удар в правую ногу, ниже бедра. Но не успел Андрей моргнуть глазом, как нож оказался в руке полковника. Андрей не понял, что произошло, подумал, что какая-то случайность, и попросил повторить упражнение. Андрей взял нож в левую руку и повторно напал на полковника. Однако в долю секунды нож опять оказался в руке полковника.

Полковник стал возле мишени на расстоянии десяти метров и предложил поразить противника по своему усмотрению: в грудь, живот, плечо, ногу и прочее. Андрей отказался выполнить упражнение, боясь, что может ранить полковника. Полковник спросил:

– Что, нет смелых?

И тут к барьеру вышел Миша. Андрей сказал:

– Миша, там живой человек, ты должен промахнуться.

Миша ответил:

– Я не промахнусь.

Миша взял нож в правую руку. Резко наклонился вперед и швырнул нож в полковника. Нож пролетел между грудью и левой рукой полковника и воткнулся в мишень.

Офицеры обступил Мишу и хвалили его за то, что промахнулся.

– Молодец, Миша, молодец! – хвалили Мишу товарищи.

Полковник вытащил нож со щита, подошел к строю. Миша посмотрел на рядом стоящего полковника и сказал:

– Ошибаетесь, товарищи офицеры. Молодец не я. Молодец – вот он, товарищ полковник! Я целился прямо в грудь, но промахнулся.

Полковник похлопал Мишу по плечу, похвалил его за честность и за смелость.

– Андрей Кузнецов! – сказал полковник. – Все же я хочу, чтобы ты показал, как ты меташь нож. Заодно хочу показать вам всем еще одно упражнение. Думаю, оно вам понравится. Если боишься попасть, можешь бросать нож чуть-чуть мимо. Для демонстрации этого упражнения – попадешь ты или не попадешь – значения не имеет. И, с учетом твоей гуманности – засчитываться как промах не будет.

Полковник встал в десяти метрах от Андрея. Андрей взял нож. Долго вертел его то в правой, то в левой руке, боялся не промахнуться. Наконец бросил. Нож свистнул в воздухе.

Из всех, внимательно наблюдавших офицеров, никто не заметил, каким образом нож, со свистом вылетевший из правой руки Андрея, оказался в руке полковника. Офицеры загудели – мистика!

– В целом, – сказал полковник, – неплохо. Но будем шлифовать.

Сказав это, полковник кинул нож через плечо, в сторону мишени. Нож воткнулся прямо в десятку. У офицеров отвисли челюсти. Вопросов ни у кого не возникло. С этой минуты полковник стал для всех богом, ангелом и дьяволом в одном лице.

Андрею опять вонзилась в сердце стрела грубого цинизма Миши. Андрей не поверил, что Миша целился прямо в грудь полковника, но промахнулся.

Андрей Мишу спросил:

– Ты правду сказал, что целился прямо в грудь полковника, но не попал?

Миша подтвердил, что целился прямо в грудь полковника. Андрей молча отошел и два дня с Мишей не разговаривал. Потом Миша сам подошел к Андрею. И только после долгих разговоров и объяснений Андрей простил. С тех пор Андрей, хотя и продолжал крепкую дружбу с Мишей, но в глубине сердца все же осталась маленькая царапинка недоверия.

Тренировки проводили в сопках, недалеко от Владивостока, в районе бухты Шамора. Это место хорошо подходило под тот ландшафт, где придется выполнять задание Генерального штаба за границей.

После трехмесячной подготовки предстояло сдать групповой экзамен – продемонстрировать способность группы к выполнению практического боевого задания Генерального штаба. Для этого взвод разбили на три группы: разведгруппу и две группы захвата по десять человек в каждой.

Разведгруппа имела право на использование документов прикрытия, с помощью которых разведчики должны проникнуть в боевое подразделение противника в качестве новобранцев, сверхсрочников, офицеров, гражданских специалистов по ремонту боевой техники или инструкторов по применению оружия. А также в качестве нелегалов, занимающихся осмотром местности, с целью подготовки путей отхода и мест укрытия. Члены разведгруппы должны внедриться в тыл противника в качестве членов семей, уже внедренных в боевое подразделение противника офицеров, сверхсрочников. Или устраиваться на вспомогательные работы в гарнизоне противника в качестве продавцов, дворников, мастеров по ремонту бытовой техники. Их цель – добывать любые полезные сведения для выполнения основного задания и постоянно быть в контакте с основной группой, внедренной в подразделение противника.

Задание осложнялось тем, что надо было не просто взять языка. А взять языка непосредственно в расположении бригады, желательно в штабе бригады, со служебной документацией.

Первая группа получила задание форсировать бухту Шамора, войти в поселок Белый камень и взять в качестве языка командира бригады подводных лодок контр-адмирала флота Богданова.

Вторая группа получила задание вылететь в Петропавловск-Камчатский и взять в качестве языка командира бригады противолодочных кораблей капитана первого ранга Жданова со штабной документацией. Доставить Жданова на один из больших рыболовных морозильных траулеров в поселок Сероглазка близ Петропавловска-Камчатского.

Оба задания считались равнозначными по сложности, если не считать, что к бригаде противолодочных кораблей, базирующейся в бухте Ильичева, можно подобраться как с моря, так и сухопутно – на усмотрение командира группы.

Задание считается выполнено на «отлично», если язык взят без шума и погони и доставлен в место, где условно ждала подводная лодка – в поселок или окрестности, при условии, что обнаружить в течение суток будет невозможно. Эти места были предварительно обозначены и нанесены на оперативную карту. Задание считается выполнено на «хорошо», если язык взят, доставлен в условное место, но с шумом, погоней, стрельбой.

Задание считается выполнено на «удовлетворительно», если язык взят, доставлен в условное место, но поднялся шум, стрельба, или хотя бы один из членов группы взят в плен, ранен или убит.

Задание считается невыполненным, если язык не взят. Если язык отбит охраной или любым иным способом, даже вследствие случайности; если хотя бы один из членов группы был ранен, убит, или, во избежание кровопролития, член группы или вся группа вынуждены были раскрыться, были окружены и блокированы, в связи с чем вынужденно отказались от выполнения задания.

Оба обозначенных объекта обрабатывались в течение двух месяцев разведгруппой, назначенной полковником Малиновским. А также использовались данные космического зондирования. Было важное условие: для выполнения учебно-боевого задания запрещалось применять какое-либо оружие, причинять менее тяжкие, тяжкие телесные повреждения или смерть. Обе операции были согласованы с командующим Тихоокеанским флотом, вице-адмиралом флота Емельяновым, и командующим Камчатской флотилией контр-адмиралом Поляковым. В случае успешного выполнения задания группа рассчитывала на поощрение Мини-

стра обороны СССР. Группа, провалившая задание, оставалась на дополнительное обучение на два месяца на тренировочной базе острова Сахалин.

Группу взятия комбрига подводных лодок возглавил Андрей, а группу взятия комбрига противолодочных кораблей в Петропавловске-Камчатском возглавил Миша. Операцию обеих групп координировал полковник Малиновский. В случае взятия комбригов в качестве языка их служебную судьбу решал командующий Тихоокеанским флотом. После успешной операции оба комбрига были уволены со службы по состоянию здоровья. Все офицеры, участвующие в операции, повышены в звании и получили благодарности Министра обороны СССР.

После десятисуточного отпуска команда в полном составе вылетела в Корею для выполнения задания Генерального штаба СССР. В джунгли десантировались с парашютами на площадку, заранее подготовленную корейскими товарищами и советскими инструкторами. Задание состояло в том, чтобы проникнуть на территорию американской пехотной дивизии, дислоцированной три месяца тому назад для уничтожения корейских партизанских отрядов, и взять в качестве языка командира дивизии генерал-лейтенанта Лидермана со всей оперативной документацией и доставить в штаб освободительной армии Кореи.

Подготовить и провести операцию поручено полковнику внешней разведки Министерства обороны СССР Малиновскому. К началу проведения операции предварительно собранные сведения о разворачивании дивизии карателей находились у полковника Малиновского. После однодневного изучения и обсуждения разведанных были проведены тренировки метания ножа и рукопашного боя, тактика захвата, разработана роль каждого члена команды и тактика отступления. Основной путь прошли на автомобилях. Непосредственно к месту – двадцать километров – по джунглям, по горам прошли пешком, в основном в ночное время. В качестве проводников были два партизана освободительной армии Кореи, хорошо ориентировавшиеся на местности, имевшие большой опыт партизанской войны.

В шести километрах от расположения дивизии, где партизанами были припрятаны два джипа, отбитые у американцев, отряд разбили на три группы. Задачей первой группы было снять всех часовых по периметру дивизии, обезвредить любого, кто попытается поднять тревогу или оказать сопротивление. Вторая группа – группа вторжения и захвата. Третья группа должна обеспечить отступление второй группы. В ее задачу входило обеспечить группе захвата безопасное отступление со взятым языком и документацией штаба дивизии, либо отступления в случае провала. На вторжение на территорию и в штаб дивизии, взятие генерала и документации группе захвата отводилось две минуты с момента открытия ворот. Группе захвата запрещалось стрелять, разговаривать, думать о чем-либо постороннем, улыбаться, брать любые предметы, кроме документов, открывать сейфы, сундуки и иные закрытые емкости.

Командир дивизии выходил из штаба в восемнадцать часов тридцать минут. Вторжение намечено на восемнадцать часов двадцать минут. В это время весь личный состав дивизии принимал ужин. Случайные прохожие по территории из числа солдат или офицеров не всегда сразу сообразят, что происходит, так как все члены группы одеты в форму офицеров и солдат дивизии, прекрасно владеют английским языком, к тому же время на операцию – две минуты – почти полностью исключает блокирование группы на месте, в штабе, или сразу после взятия языка и документации.

Группу вторжения и захвата возглавил полковник Малиновский. В группу также вошли Андрей, Миша, майор разведки Министерства обороны Калашников и капитан из группы Андрея – Зверев. В восемнадцать часов двадцать минут, когда группа, состоящая из четырех джентльменов, подъезжала к шлагбауму дивизии, разведгруппа одновременно сняла всех часовых по периметру и на шлагбауме. На шлагбауме, в форме рядового дивизии, стал капитан Жовтис.

Группа захвата, возглавляемая полковником Малиновским, беспрепятственно проехала к крыльцу штаба. Миша броском ножа мгновенно снял стоящего возле двери генерала часо-

вого. Андрей подхватил часового, чтобы тот не упал. Но здесь произошло неожиданное. Кнопка боевой тревоги была под каблуком часового. Падающий часовой отпустил кнопку, и сигнал боевой тревоги сработал. Командир дивизии пытался выйти в коридор, но в двери Андрей и Миша забили ему в рот кляп и в доли секунды надели на голову генерала полутора-метровый брезентовый мешок. В это время полковник Малиновский и капитан Зверев сгребли в мешок все, что было на столе и в открытом еще сейфе генерала, всю документацию погрузили на джип и рванули на выход. Уложились ровно в две минуты.

Дивизия буквально взорвалась по сигналу тревоги. В сторону штаба уже бежали автоматчики, мчались машины с карателями и бронетранспортеры. Стрельба началась, когда джип скрылся за шлагбаумом. Группа прикрытия отступления успела поставить растяжку с миной в пять килограммов тротила. Первый бронетранспортер подорвался. Его развернуло на девяносто градусов, поставило на правый бок и почти перекрыло выход за пределы дивизии. Пока группа прикрытия отступления прижимала головы к земле от взрыва и осколков, первая машина с солдатами-карателями все же как-то успела пролететь мимо и открыла шквальный огонь по удаляющейся группе захвата. Джип с группой захвата был изрешечен полностью. Задняя часть фактически превратилась в дуршлаг. За рулем, прикрытый высоким бронированным сиденьем, сидел полковник Малиновский. Андрей, лежа на пленном генерале, своими огромными ладонями прикрывал голову генерала. Сам Андрей был ранен в голову. Из головы ручьем текла кровь, обливая чехол, в котором спокойно лежал генерал. Пули били по машине, как град по крыше. Миша, лежа, зажег дымовую шашку, выставив ее за борт машины. Густой дым сразу же окутал всю дорогу. Машина с карателями на повороте улетела в джунгли. Малиновский остановил машину. Вытащили генерала, мешок с документами. Андрею на голову надели резиновый колпак для остановки крови. Машину сняли с тормоза и пустили вниз по крутому спуску. На первом повороте машина улетела в джунгли. Группа Малиновского в составе Андрея, Миши и Зверева на данном отрезке операции осталась, не считая легкого ранения в голову Андрея, боеспособной. Уложив генерала на брезент, группа в течение часа была уже в безопасном месте.

Группа прикрытия отступления продолжала бой. Карателей, пытавшихся прорваться мимо лежащего на боку бронетранспортера, уничтожала группа задержки. Через две-три минуты к шлагбауму подлетел БТР, пытаясь отодвинуть лежащую на боку машину. Последняя качнулась, стала на колеса и окончательно закрыла проход. Дивизия оказалась заблокирована. Другого выхода на дорогу не было. Вокруг дивизии деревья были вырезаны полностью, оставлены пни высотой в полтора метра. Вокруг дивизии вырыт ров в три метра шириной и три метра глубиной. Группа задержки без потерь отступила. Соединения групп задержки и захвата не предполагалось. Каждая группа, выполнив свою роль, должна уходить по заранее намеченному пути самостоятельно. Полковник решил, что главная часть задания выполнена на «отлично». Погоня процентов на девяносто исключена.

Малиновский предложил сделать привал, чтобы отдохнуть, разобрать захваченную документацию.

– А генералу пора идти своим ходом, – сказал полковник, – а то привыкнет быть пленным, потом не отвяжешься.

Миша в пятидесяти метрах от привала занял оборону. Андрей, похлопывая пленного генерала по плечу, сказал:

– Эй, господин генерал, вам там не скучно?

Генерал молчал.

– Давай поможем, – сказал полковник, – как бы не задохнулся.

Все втроем: полковник, Андрей и Зверев – стали снимать с генерала чехол. Генерал не шевелился. Лица полковника, Андрея, Зверева резко изменились, по телу прошел холодок.

– Осторожно, осторожно! – сказал полковник. – Он, может, ранен!

Андрей засунул свою правую руку под чехол, к спине генерала, левой рукой взял выше колен, поднял генерала. Полковник легко снял чехол. Окровавленная голова генерала повисла. Пуля прошла сквозь локтевой сгиб правой руки Андрея, мимо большого и указательного пальца левой ладони, незначительно повредив палец Андрея, и впилась в затылочную часть головы генерала.

Полковник подхватил голову генерала. Андрей и Зверев спокойно положили генерала на чехол. Полковник открыл глаза генерала.

– Он еще живой! Укол! Укол!

Андрей схватил аптечку, вытащил шприц, стал набирать лекарство. Полковник продолжал держать голову генерала одной рукой под затылок, прикрывая рану, другой чуть приподнимая подбородок – для облегчения дыхания. Генерал был еще живой, и смог произнести два слова: «Дотессс... Дотессс...»

Зрачки стали расширяться – сердце остановилось. До биологической смерти осталось три минуты. Генерала потеряли. Над группой повис траур. Жалко генерала. Еще молодой мужчина. Как выяснилось из личных документов – сорок лет. Жена Сара – тридцать два года, две малолетние дочки-близняшки – Линда и Лара.

Полковник приказал снять пост. Миша пришел в группу. Увидев мертвого генерала, сильно расстроился. Обсудили вопрос, как действовать дальше в связи с провалом операции. И что делать с генералом. Сорок километров нести в отряд нет возможности и нет оперативной необходимости. Мертвый генерал не представляет никакой оперативной ценности. Решили предать генерала земле со всеми возможными в данной ситуации почестями. Осмотреть и запротоколировать изъятую документацию и продвигаться на базу.

Всей группой быстро вырыли яму: сто семьдесят сантиметров длины, сорок сантиметров ширины и сто сантиметров глубины. По полной форме опустили генерала на дно. Накрыли чехлом.

Полковник произнес речь:

– Товарищи офицеры, мы сейчас хороним не преступника или еще какого-то там злодея, мы хороним боевого офицера Америки. На наших руках нет его крови. Он погиб от пули своих же товарищей по оружию. Он погиб не при защите своей страны, своих граждан, своей семьи. Он погиб, защищая экономические интересы класса американской и всей мировой буржуазии, ее политических амбиций, ее правящей политической верхушки. А это значит, что в его смерти виновны даже не те, кто в него стрелял, а те, кто послал его на смерть для защиты своих корыстных интересов. Недалеко то время, когда эту раковую опухоль планеты Земля – капитализм – мы точно так же похороним в могиле, но более глубокой, и на веки веков. Тогда на земле не будет своих и чужих, а будут только свои, сплоченные тесными узами коммунистической солидарности всех народов мира. Тогда восторжествует всемирная дружба и братство, тогда и перестанут стрелять, взрывать, убивать солдат и генералов. Тогда не нужны будут ни армии, ни спецподразделения.

– Товарищ полковник, разрешите вопрос?

– Говори, Андрей!

– А что будет с нами? Ведь мы практически ничего не умеем делать, кроме как метать ножи, стрелять, взрывать, ну и, как бы ласково выразиться, ликвидировать.

– Я уже сказал, что капитализм – это раковая опухоль на теле всех народов мира. Капиталист – это эксплуататор – паразит. За тысячелетия своего существования он приспособился незаметно, а иногда безболезненно впиваться в тело своего народа-донора и пускать в организм свои метастазы, укореняться в теле и паразитировать. Человек начинает ощущать его присутствие, когда этот паразит уже полностью завладел его телом. Современная медицина пока еще не располагает препаратами удалить раковую опухоль из организма человека безболезненным терапевтическим путем. Ее можно удалить лишь оперативным путем. Но чем это

заканчивается для больного, всем известно: это страдания и, в конечном итоге, смерть. Сейчас ученые всего мира усиленно работают над созданием лекарственных препаратов и приборов физиотерапии для безболезненного излечения человека от рака.

Точно так же и в политике. Современная социология пока что еще не знает средств и методов ликвидации капитализма безболезненным способом. Хотя Коммунистическая партия усиленно работает над этой проблемой, и уже имеются значительные успехи.

Но в наше время пока что остается лишь одно средство ликвидации капитализма – эффективное и проверенное – революционным или военным путем, то есть – хирургическим. Но лечить от капитализма таким средством – значит, принести обществу вреда больше, чем пользы. На это мы не пойдем. Следовательно, остается только один способ лечения народов мира от этой заразы – терапия. Но поиск политических инъекций, чем и занимается наша партия, может занять целые столетия. Пока этот поиск будет продолжаться, мы будем применять свои лекарственные препараты. Они у нас в руках. Так что наша профессия будет востребована, может быть, еще целые столетия. От такой перспективы мне становится грустно до слез, потому, что нашим детям и нашим внукам придется заниматься тем, чем занимаемся мы с вами – деятельностью противоречащей человеческой сущности.

Генерала быстро засыпали землей. Сверху, для ориентира, положили огромный гранитный камень.

С Андрея сняли колпак, обработали и перевязали рану.

– А сейчас нам нужно собраться и быстро уйти с этого места, – сказал полковник. – Здесь летают американские спутники и фиксируют все, что попадает в объектив. Нас могут засечь, и тогда точно начнется погоня.

– Андрей, быстро нанеси на оперативную карту место привала и захоронения генерала. Начальство может заинтересоваться. Не исключено, что может встать вопрос об эксгумации и транспортировке, – добавил полковник.

– Кроме того, ты как физически самый сильный, бери мешок с трофеями, отойдем километров на пять-шесть, сделаем привал, разберем трофеи. Там, кстати, я вытащил из сейфа что-то тяжелое, аккуратно запакованное в пергаментную бумагу с пятью сургучными печатями. Наверно, какие-то бланки или, может, важные документы. Все проверим, запротоколируем, перекусим и двинем дальше. Будем готовиться к встрече с начальством. Думаю, разговор будет очень серьезный. За генерала с нас снимут шкуру. Еще бы: операцию провели блестяще, взяли генерала, взяли документацию, сами все целы и невредимы, а генерала похоронили! – подытожил полковник.

Группа двинулась вперед. Пройдя пять-шесть километров, выбрав удобное место, сточки зрения отражения возможной погони и маскировки, полковник скомандовал – привал!

После десятиминутной передышки команда приступила к разборке конфискованных документов. Улов оказался неплохим: 9 893 учетные карточки солдат и офицеров дивизии; карта дислокации дивизии и других воинских подразделений; зашифрованные инструменты, пароли, позывные, телеграммы, письма, переписки и прочие документы, работа с которыми требует специальных знаний и технических средств.

Пакет под сургучными печатями оставили на закуску, рассчитывая, что там будет самый крупный улов. Печати с пакета срезали ножом, положили в пакет с трофеями. Пакет разрезали, и от увиденного обомлели – рассчитывали на очень важные документы, но в пакете оказались доллары. От разочарования и злости Андрей прямо в пакет засадил нож.

– Товарищ полковник, что будем делать? Ведь для нас это просто мусор, не тащить же его на базу...

Зверев чуть наклонил голову и с кислым выражением лица произнес.

– Какая подлость... Рисковать жизнью, тащить шесть километров, рассчитывали поймать кита, а поймали свинью.

– Такой трофеей даже начальству стыдно показывать, – сказал майор Калашников. – Думаю, нечего ломать голову. В протокол не заносить, швырнуть в кусты, и делу конец.

– Да-да, – сказал Миша, – мы же не разбойники, тащить добычу.

Посидели еще минут пять с кислыми лицами. Полковник сказал:

– Ребята, во-первых, благодарю вас всех за высоконравственную позицию; во-вторых, что касается долларов, судя по упаковке, здесь два миллиона долларов. Мы обязаны все, что попало нам в руки, доставить и сдать по акту.

Доллары внесли в общий протокол, положили в мешок. На этом страсти улеглись. После часового отдыха группа двинулась на базу. Группа разведки и группа отступления пришли почти одновременно, пятью часами раньше. Потерь и ранений не было. После обработки и расшифровки добытой документации выяснилось, что она представляет огромную оперативную ценность. Вся группа была представлена к правительственным наградам.

Поезд уже набрал предельную скорость. Постоянно подавал короткие гудки. Колеса вагонов стучали, как отбойный молоток. Прохладный ветерок заносил в приоткрытое окно запах паровозного дыма. Сажа с несгоревшими частицами породы садилась на стекла купе, на столик. Катя спокойно спала. Андрей с закрытыми глазами продолжал все глубже и глубже погружаться в свое далекое прошлое: детство, юность, курсантскую жизнь и особенно военные подвиги.

Были у Андрея стычки и с уголовниками. Однажды, когда их обучал полковник Малиновский, на бухте Шамора, Андрей с Мишей в свободное время решили пойти проведать землянку героя гражданской войны, большевика Сергея Лазо. Там Лазо скрывался от белогвардейцев. Впоследствии Лазо был все же пойман и заживо брошен в топку паровоза ястребом белогвардейцев Самохваловым.

Подойдя к землянке, прежде чем зайти в нее, Андрей стал в двух метрах от двери, любясь природой. Миша в это время стоял сверху на землянке, осматривая местность. «Да, – подумал, оглядывая окрестность, Андрей, – вокруг сопки, сосны, цветы, целебный воздух – красота неописуемая. Я бы сам не прочь скрываться здесь пару месяцев – прелесть!» И тут же получил сильный удар по голове, от которого упал. Быстро очнувшись, Андрей увидел, что на него напали четверо мужчин, на вид похожие на бродяг: двое с дубинами, один с лопатой, у одного в руках карабин. Тому, кто с карабином, Андрей лежа нанес сильный удар ногой в колено, от которого преступник полетел кубарем вниз по склону сопки, остановился лишь тогда, когда ударился о дерево. Карабин, конечно, вылетел из его рук и упал в кустах. Преступники рассчитывали, что Андрей один. Но тут Миша, как коршун, слетел с землянки и в доли секунды расправился с остальными тремя. Преступнику, который был с лопатой, Миша, повредил руку. Остальные двое остались невредимы.

Для задержания и безопасной доставки с двух неповрежденных сняли ремни, с брюк срезали пуговицы. Это обеспечивало возможность не раненым помогать передвигаться своим раненым подельникам, а свободной рукой держать брюки, чтобы не упали. На задержание и доставку на базу ушло три часа. Нападающими оказались сбежавшие из колонии особого режима особо опасные рецидивисты.

Андрей сидел с закрытыми глазами, машинально массируя то одну, то другую стопу Кати. А сам все глубже и глубже погружался в далекие события прошлой жизни: то в училище, то в Камбодже, то в Египте, то во Вьетнаме, то на последних тренировках на бухте Шамора, где полковник Малиновский доводил их до уровня бойцов самого высочайшего профессионализма.

До тренировок с Малиновским офицеры группы считали себя профессионалами высокого класса, но никто из них даже не предполагал, что в том деле, которым они занимались, они еще совсем юноши, и поняли это только во время тренировок с полковником. Никто из

них даже не слышал, что можно поймать нож, брошенный противником, за сорок сантиметров до собственной груди, и тут же отправить этот нож обратно.

Тренировки начинались с того, что ловили мух, комаров, моль. Для этой цели ставили специальную палатку с запахами, приманивающими мух, комаров и иных насекомых. Потом тренировались ловить камни, бросая друг в друга. Ловили копья, стрелы, выпущенные из лука. Тяжелее всего оказалось ловить нож. Нож летит очень быстро и вращается. На навыки ловить нож уходили месяцы. Тренировались целыми днями и ночами. Тренировки с острыми предметами проводились в бронежилетах и шлемах. Очень сложный прием – уйти от ножа или зажать нож локтевой частью руки к ребрам. Долго и сложно отрабатывалось нанесение смертельных ударов кулаком в грудь или в голову. На все это, с учетом уже имеющихся знаний и навыков группы, ушло три месяца тренировок, занимавших по 16–18 часов в сутки. Полковник Малиновский научил команду разговаривать глазами, головой, руками, ногами, без промаха попадать с пистолета в летающую моль. Цель была достигнута, команда стала неуязвимой, готовой выполнить любое, даже самое сложное, задание.

В последнее время Андрей уже сам подготавливал команды новичков. Не совсем новичков, а примерно такого уровня, каким был он сам, до встречи с полковником Малиновским. То есть шлифует и отшлифовывает. Вот и сейчас мыслями Андрей находится в спортзале, тренирует команду. А поезд увозит его все дальше и дальше. Унося его от всей его прошлой жизни, вырывает из его сердца все, что вращалось в него с самого детства. Андрей готов выскочить на ходу, вернуться туда, где осталось его бунтующее сердце. Но поезд, уносящий его могучее тело в неизведанные дали, неумолим, да и поезд жизни не остановить. Он сознает, что возврат к прошлому уже невозможен, что там он уже умер, а здесь еще не родился. Он знает, что это ломка динамического стереотипа, ностальгия о прошлой жизни, и она будет длиться ровно столько, сколько он прожил до момента расставания с ней, что она происходит очень долго и мучительно. Она будет будоражить его чувства, травмировать сердце, отбирать массу времени на воспоминания, манить к себе. А может даже перейти в тяжелое психическое заболевание. Погруженный мыслями в бурную реку своей прошлой жизни, Андрей даже не заметил, как Катя потихоньку убрала с его колен свою левую ногу и большим пальчиком, щекоча его правое ухо, тихо зашептала:

– Андрей...

– О, Катенька, ты проснулась! Поздравляю! Как себя чувствуешь?

– Хорошо. А ты что делаешь?

– Я сижу, массирую тебе ноги, чтобы тебе лучше спалось.

– Ты, наверно, подписал контракт протереть мне ноги до костей.

– Нет, Катя, я потихоньку, просто, чтобы ты чувствовала мое присутствие и не боялась.

– Ты что, не спал совсем?

– Нет, не спал!

– Как телохранитель, ты справляешься неплохо.

– Только как телохранитель? А в остальном?

Катя рассмеялась:

– А в остальном – как лев!

Поезд сбрасывал скорость. Подавал гудки. Это значило, что поезд приближается к какой-то станции. Сильный боковой ветер сдувал черные клубы дыма в темную бездну бескрайней тундры. По коридору прошла кондуктор в пушистой вязаной кофте из оренбургского пуха:

– Граждане пассажиры, поезд подъезжает к станции Инта. Продолжительность стоянки двадцать минут. Пассажиров, следующих до Инты, просим приготовиться к выходу. Станция находится с правой стороны поезда. Не забывайте свои вещи. Желаю радостной встречи с родными и близкими.

Станция Инта представляла собой небольшое деревянное помещение. Без перрона, с деревянными тротуарами. Возле станции людей не было. Встречающие, человек восемь, растянулись вдоль железнодорожного полотна. Пассажиры быстро вышли и вместе с встречающими ушли за помещение вокзала. Новые пассажиры, следующие в основном до Воркуты, быстро заняли свои места. Перрон полностью опустел.

На перроне осталась сидеть женщина в белом халате – представительница общепита. Возле нее стояли две белые алюминиевые кастрюли с пирожками с мясом и капустой, по шесть копеек за штуку. Андрей и Катя, хотя и устали сидеть, хотели прогуляться, но всё же остались в вагоне и смотрели в окно. Катя предложила поужинать и стала накрывать на стол. Андрей взял гитару, иронически посматривая на Катю, стал петь песню: «Завтра я бросаю пересылку и уезжаю на Воркуту, и под конвоем работы непосильной, быть может, смерть себе найду...»

– Песня мне нравится, – иронично, с улыбкой сказала Катя, – она в тему, но не про нас. Много пессимизма.

Неожиданно в дверь купе постучались. Андрей открыл дверь. В купе вошел мужчина лет сорока, выбритый, с небольшими усами. Чисто одет: в шляпе, белая рубашка, черный галстук, темно-синий плащ, черные до блеска начищенные туфли. Симпатичный, интеллигентный. Строгий, но учтивый. Всем своим видом вызывающий доверие. Посмотрел на Катю, спросил:

– Вы Екатерина Анатольевна?

Катя ответила:

– Да, я!

– Вам пакет.

Пакет взял Андрей и передал Кате. Катя мужчину учтиво поблагодарила. Положила пакет на стол. Пакет был весом килограмма два-три, аккуратно завернут в коричневую пергаментную бумагу, с пятью сургучными печатями: четыре по углам и одна посередине. Передав пакет, мужчина спросил:

– Будут ли какие вопросы или поручения?

Катя отрицательно покачала головой. Мужчина попрощался и сразу ушел. Здесь Андрей сразу понял, что выезд Кати был заранее хорошо спланирован еще в Москве ее родителями. Но не так, как казалось Андрею – спонтанно и легкомысленно. Тем не менее Андрей понимал, что срочный выезд и странные проводы не могли сводиться только лишь к передаче этого пакета. Пакет – это всего лишь штрих, и сам по себе не мог быть формулой такого странного вояжа. Андрей стал немножко волноваться. Стали подкрадываться разные мысли. Он подумал, что его готовят либо в качестве ударника в каких-то разборках, либо втягивают в качестве самостоятельного игрока в какие-нибудь криминальные дела. Поскольку все было странным и непонятным, Андрей пришел к одному выводу: нужно быть очень осторожным. И прежде чем что-либо сделать – хорошо обдумать.

Андрей не стал задавать Кате никаких вопросов ни по поводу странного визитера, ни по поводу странного пакета, а подумал: «Если будет нужно, Катя все расскажет сама». Сдержанность Андрея Кате очень понравилась. Она даже отметила, что Андрей не проявил интереса ни к таинственному мужчине, ни к пакету. то же касается интереса Андрея, то он был удовлетворен. Его интерес – это Катя. Она была рядом. А с ней Андрей готов был хоть в Арктику, хоть под арктические льды. Все эти попутные, на первый взгляд, негативные штрихи, хоть и наводили на посторонние мысли, но имели для Андрея мизерное значение, по сравнению с тем, что он, будучи кадровым и перспективным военным, который в ближайшие пять-шесть лет мог бы даже стать генералом, ради Кати бросил службу и сам стал пожизненным телохранителем и скитальцем по необъятным просторам Севера – от которого Катя буквально пьянела, буквально сходила с ума. На это были у нее свои особые причины.

На самом деле, и к мужчине, и к пакету у Андрея был большой интерес. Но он принципиально не стал расспрашивать. Хотя про себя отметил, что с точки зрения оперативной, на месте Кати и ее родителей, нужно было бы заранее предупредить клиента о предстоящей встрече, о пакете, чтобы не было неожиданностей, удивления, стрессов. Чтобы ничего не бросалось в глаза. Чтобы ничего не заостряло внимания. Все должно быть буднично, просто, огорожено, сглажено – никаких сюрпризов. И прежде всего, если в этом имеется элемент криминала. В то же время, если криминала нет, то к чему такая таинственность?! Конечно, больше всего Андрей боялся криминала. Он уже потерял службу, карьеру, друзей, товарищей, Москву. Но на плаву его держала его неуязвимая совесть, твердая гражданская позиция, человеческое лицо. Это значит, что, если во всем этом есть криминал, то он останется просто пустышкой, бродягой. В этом случае Катю тоже придется потерять.

Размышляя о будущем, о криминале, о своей твердой гражданской позиции, Андрей не мог даже предполагать, что его ждут события, от которых у него закружится голова, помрачнеет ум, придется хвататься за стол, за шторы, чтобы только удержаться на ногах, чтобы его могучее тело не грохнуло на пол от неожиданности, страха, разочарований. Сейчас он не имеет представления, как бы он жил без Кати, а уже через несколько дней он сам перед собой будет ставить вопрос о разрыве с Катей, к которой сейчас прикипел всем сердцем и готов на все ради нее. Но чем ближе к Воркуте, тем становилось тревожнее.

Катя тоже изредка загадочно посматривала на Андрея, и этот ее загадочный взгляд Андрей ловил и подвергал анализу. Но каких-либо логических объяснений Андрей не находил. Этот вкрадчивый взгляд Кати Андрей улавливал в течение всего пути. Но до получения пакета этот взгляд Кати Андрею ни о чем не говорил и не беспокоил. Тогда этот взгляд Андрей относил к скромности, застенчивости. «Не будет же Катя, в конце концов, – думал Андрей, – целый день пялиться в упор! Сейчас этот взгляд говорит о многом и непонятном».

Катя, конечно, чувствовала волнение Андрея. Она сама волновалась. Она сама чувствовала, как между ними вырастает толстая прозрачная стена. Ее волновал один главный вопрос: сможет ли Андрей преодолеть эту стену, сможет ли он еще раз переломить себя ради нее? Сможет ли он ради нее еще раз обуздать свою гордость, подавить в себе совесть, мужское достоинство. Все зависит от того, насколько он ее любит. Катя посмотрела на Андрея с легкой улыбкой. Их взгляды встретились. Андрей тоже улыбнулся. Они впились друг в друга глазами, как будто прощались, как будто просили друг у друга прощения.

«Нет, Андрей, – думает Катя, – просто так ты от меня не уйдешь. Я вцеплюсь в тебя руками и зубами; я применю все свои способности, данные мне природой, все знания, вытщенные мною из глубины веков. К тому же у меня есть веские аргументы: во-первых, ты мой первый мужчина, и ты об этом знаешь, во-вторых, я беременна. Я рожу тебе сына – такого же сильного и красивого, как ты. Кроме того, если я вернусь домой одна, мама меня назовет никчемной и бездарной и, в назидание, засунет меня на какую-нибудь кафедру, чтобы меня учили тому, что я знаю от природы. Нет-нет, Андрей уже мой, и если все же он уйдет от меня, то это будет означать, что я никчемна, ничтожна, некрасива, а в таком качестве я жить не собираюсь». У Кати на глазах появились слезы.

Она подошла к Андрею, обняла его, прижалась своим лицом к его лицу и вполголоса спросила:

– Андрейка, ты не бросишь меня?

Андрей обнял Катю.

– Нет, Катенька, никогда и ни при каких обстоятельствах!

Андрей твердо пришел к выводу, что их ожидает какая-то крупная неприятность. Что Катя знает о ней, но она либо не вправе, либо не в силах ее отменить, что встреча с этой неприятностью неизбежна, и что в зависимости от результатов встречи с этой неприятностью будет решаться вопрос о том, будут ли они с Катей вместе или расстанутся навсегда. Катя пла-

нирует выдать эту неприятность резко, мгновенно, в качестве сюрприза: не дать опомниться, осмыслить, сориентироваться – и победить, как в бою. Эта неприятность должна почему-то раскрыться только в Хальмер-Ю. Андрей окончательно отбросил криминал. И это его успокаивало.

«В то же время, – думает Андрей, я и Катя жили в Москве, а неприятность находится где-то далеко, за Северным полюсом. Получается, что мы едем к черту на кулички специально в поисках неприятностей? Так неприятностей и в Москве можно найти столько, что за всю жизнь не расхлябаешься! Нет, специально неприятностей не ищут даже самые отъявленные романтики. Здесь, конечно, что-то совсем другое. Здесь, наверное, неприятность в ком-то из нас. Тогда возникает вопрос: зачем мы возем ее за Полярный круг! Неприятность нигде никому не нужна – даже белым медведям».

В начале вагона раздался голос кондуктора:

– Товарищи пассажиры! Наш поезд прибывает на станцию города Воркуты. Просим вас подготовиться к выходу. Не забывайте свои вещи и документы. Внимательно осмотрите верхние и нижние полки. Напоминаем, что забытые вами вещи и документы мы сдаем в камеру хранения при вокзале. Напоминаем – температура воздуха в городе плюс два градуса. Приготовьте плащи, накидки и зонтики. На улице идет небольшой дождь со снегом. Будьте осторожны при выходе из вагона, так как платформа очень низкая. К вашим услугам на вокзале имеются носильщики и такси.

Гражданам, следующим до поселка Хальмер-Ю, напоминаем: ваш поезд отправляется ежедневно в восемь часов тридцать пять минут утра по московскому времени. Не забывайте надеть теплую одежду и теплую обувь. Температура воздуха в поселке двадцать градусов мороза, снег и сильный ветер. Благодарим вас за уважительное отношение к бригаде поезда! Желаем счастливой и радостной встречи с родными и близкими!

Воркута встретила пасмурной погодой и мелким холодным дождем со снегом. День это был или ночь, с точки зрения нормального тропического цикла, разобраться уже было трудно. Поезд остановился, но Катя и Андрей спокойно продолжали сидеть в своем купе, посматривая на перрон. Пассажиров вышло мало, а встречающих еще меньше. Катя еще в дороге сказала Андрею, что в Воркуте их должен встретить мужчина в национальной накидке светло-зеленого цвета, что-то вроде Деда Мороза: «Вот как увидим этого Деда Мороза – крикнем в окно, и подойдем к нему».

Пассажиры с сумками, чемоданами, в пальто, плащах, кофтах, кто с зонтиком, кто просто, прикрывая голову чем попало, перебежали от вагонов в вокзал, с вокзала к автобусам, разъезжаясь – кто в центр, кто по северному, кто по южному кольцу, по шахтам, по поселкам – по домам. Наконец с вокзала вышел Дед Мороз в длинном зеленом, волочащемся по земле балахоне, с зонтиком. Остановился посредине перрона. Он знал, что Катя и Андрей его увидят и подойдут.

Андрей быстро взял вещи, пошел к выходу. Катя шла за ним со своей сумочкой. Андрей сошел с вагона, снял Катю, оба дружно попрощались с кондуктором и, поблагодарив за приятную поездку и вежливое отношение, направились в сторону Деда Мороза. Дедом Морозом оказался мужчина на вид лет сорока. Среднего роста, коренастый, светловолосый, чисто выбритый. На вид вполне интеллигентный, культурный, вежлив в разговоре, обладает хорошей дикцией.

Катя и Андрей подошли к нему, поздоровались. Катя первая подала ему руку. Они какое-то время смотрели друг на друга. Складывалось впечатление, что они долго не видели друг друга. Либо вообще не видели друг друга, но много слышали в разговорах и рассказах родных и близких. Наконец «Дед Мороз» взял Катю руками чуть выше локтей, долго рассматривал. Его лицо покраснело, кончики губ чуть-чуть опустились вниз. Наконец он произнес:

– Так вот ты какая, Катенька! Если бы мы встретились случайно, я бы подумал, что ты Юля, вы с мамой, как близнецы. Ты помнишь меня, Катя?

– Я помню тебя, дорогой так отчетливо, как будто мы с тобой расстались месяц тому назад. Я помню песни, которые ты мне пел, стихи, которые ты мне сочинял и рассказывал, все места, куда ты водил меня на прогулку. Мама передает тебе привет. Просила, чтобы я поцеловала тебя за нее. Катя обхватила «Деда Мороза» двумя руками за лицо, стала на цыпочки и поцеловала прямо в губы.

Андрей стоял в метрах двух. Слышал их разговор и понял, что когда-то давно, когда Катя была еще маленькой, Дед Мороз жил либо вместе с семьей Кати, либо просто был другом семьи. Судя по эмоциям, не исключено, что Катя с ним находится в родственных отношениях.

Когда первые эмоции улеглись, Катя повернулась к Андрею, протянула руку в его сторону, подвела Деда Мороза ближе к Андрею и представила:

– Андрей, это Славик – друг моего детства и мой первый учитель. Славик, это Андрей – мой муж. Он отставной полковник войск специального назначения.

Славик и Андрей подали друг другу руки, улыбнулись, представились. Славик пригласил гостей в вокзал. В вокзале Слава снял свой зеленый балахон. Одежда на нем новая: черные лаковые туфли, черный бостоновый костюм, темно-синий дорогой плащ, белая рубашка, черный галстук, темно-синяя фетровая шляпа. Его одежда, ухоженное лицо, хорошая литературная речь и дикция создавали впечатление культурного, образованного человека. По разговорам чувствовалось, что Славик о Кате знал почти все. Обращался учтиво, готов был выполнить любую просьбу, то есть, как говорят в народе, буквально «стелился». Чувствовалось, что он был в какой-то зависимости или в долгу перед ее родителями.

Славик знал, что Катя и Андрей едут в Хальмер-Ю, но поезд туда идет почти через сутки. Славик предложил на ночь квартиру в центре. Все трое уехали на такси на квартиру. Квартира из двух комнат располагалась в спортивном переулке, в кирпичном доме. Стол был накрыт. После душа все сели за стол и стали отмечать приезд молодоженов. Расспрашивали все друг о друге. Обсуждали завтрашний отъезд и все вопросы, связанные с проведением свадьбы. На второй день Андрей, Катя и сопровождающий их Славик уехали в Хальмер-Ю.

В Хальмер-Ю не было домов капитального типа. Только деревянные бараки и финские домики. Поэтому для проведения свадьбы выбрали спортивный клуб-кинотеатр барачного типа. Славик, судя по всему, хорошо знал проблему и лишних вопросов не задавал, да и сам ни о чем не спрашивал. Сразу стал активно готовиться к свадьбе. Он взял на себя всю ответственность по организации и проведению свадьбы. В помощь подключил своих друзей и коллег по работе.

Водки, вина, пива было вдоволь. Закуска – обычная полярная, в основном мясо, рыба, всякие консервы, сушеная картошка. Из гостей – только супружеские пары приличного возраста. Славик знал основную формулу мероприятия, поэтому ни одного холостяка не пригласил. Присутствовало пятнадцать пар. Катя была разодета в свадебное платье, привезенное из Москвы. Исходивший от нее аромат французских духов заполнил помещение. Женщины сбились в кучку. О чем-то шептались между собой, а в перерывах дружно смотрели на Катю. Но подойти и заговорить никто не осмеливался. Женщины понимали, что между ними огромная сословная и культурная дистанция. Потом, такой красавицы, такой принцессы никто из них никогда не видел, по крайней мере, вживую.

Мужчины тоже не могли оторвать глаз от невесты. Катя стояла с Андреем, осматривала гостей и оценивала обстановку. Она поняла, что с таким психическим напряжением свадьба в задуманном ею ключе не состоится. Наоборот, может получиться даже скандал. Если получится скандал, то ей придется просто бежать. Конечно, Славик ее выручит. Но победит ли с нею Андрей – на это ответа нет. Такой финал Катю не устраивал.

«Нет, – подумала Катя, – я приехала в эту дыру не для того, чтобы подарить своего Андрея какой-нибудь тетеньке из ламповой, которая за месяц превратит его в какого-нибудь маркшейдера. У Андрея большое будущее! Перед выездом в Воркуту папа определенно сказал: женится Андрей на мне или нет, в любом случае, он доведет Андрея до генерала. Это его долг. Катя к этим словам папы возвращалась несколько раз. Катя не могла понять, какой долг может быть у папы перед человеком, которого он даже не видел. И главное: женится Андрей или нет – парадокс».

Катя тут же решила изменить атмосферу. Она быстро поцеловала Андрея и сказала:

– Андрейка, я побегу к девочкам, они сильно смущаются. Нужно с ними установить психологический контакт, чтобы нас они принимали за своих друзей. В противном случае наша свадьба будет похожа на поминки.

Андрей улыбнулся Кате, приветственно поднял руку женщинам, широко улыбнулся, взял Катю за руку, сделал вместе с ней два шага в сторону сбившихся в углу женщин, отпустил ее руку и вытянутой ладонью показал Кате дорогу к женщинам. Еще раз улыбнулся женщинам, как бы указывая на то, что он отдает Катю в их распоряжение.

Катя почти подбежала к женщинам с широкой улыбкой, раскрытыми руками, как бы стараясь всех обнять:

– Девочки, вы нас простите. Мы с дальней дороги, немного зарпортовались и оставили вас наедине с тоской. Обещаю, что скучать не будете ни одной минуты.

Вот уже накрыли стол. Мужчины рассказывают последний анекдот. «Может, пока что-нибудь споем веселенькое?» – послышалось из толпы. Кто-то из женщин предложил: «Шумел камыш!» Из мужской компании возразили: «Шумел камыш – после пятой!»

Женщины стали улыбаться, расспрашивать – кто они, откуда, каким ветром и прочее. Потихоньку Катю обступили. Каждая хотела стать поближе, взять за руку, понюхать аромат ее божественных духов. Для полного сближения Катя рассказала анекдот. Женщины дружно пришли к выводу, что Катя своя в доску. Тут же объявили: стол готов!

Катя сделала реверанс:

– Девочки, приглашаю всех за стол!

Женщины все дружно, в обнимку, с улыбками и хохотом пошли за стол. Вокруг Кати сели так плотно, что Андрей чуть не потерял свое законное место. Славик добровольно взял на себя роль тамады. Он официально представил жениха и невесту. Заявил о том, что Катя и Андрей приехали сюда, в райский уголок, по рекомендации ЦК ВЛКСМ специально отметить свадьбу и сделать этот день самым счастливым и незабываемым. Отмечать свадьбу в Москве – это буднично и скучно. Это выглядит – как отдать долг. Такие браки обычно недолговечны. Свадьба на севере замораживает, цементирует союз двух любящих сердец, делает его вечным. От сильного холода люди тянутся друг к другу, чтобы согреть тело, душу и сердце. Те, кто заключает браки на севере, живут счастливо всю жизнь. Недалеко то время, когда здесь, в Хальмер-Ю, построят международные аэропорты, проведут прямую магистраль из Москвы, и молодожены не только со всего Союза, но и со всего мира будут приезжать в Хальмер-Ю для празднования помолвок и свадеб.

– Так поздравим же, товарищи, наших дорогих молодоженов не только с их самым счастливым и самым радостным днем в жизни, но также с незабываемым днем и в нашей жизни, потому что нам посчастливилось присутствовать на уникальной свадьбе молодых людей, которые отказались отмечать свой великий и радостный праздник в изысканных ресторанах, в кругу родственников, друзей и товарищей, на сочинских и крымских курортах, а приехали сюда к нам, в Арктику, кажется, в забытый богом и людьми край, и таким образом совершили подвиг.

Я уверен, что их подвиг будет занесен в Книгу рекордов Гиннесса. Несомненно, он сравним с подвигом героев – Папанина, Челюскина, Крузенштерна, Беллинсгаузена и других землепроходцев, и мореходов Арктики и арктических морей. Горько!!!

Гости встали и закричали: «Горько!!! Горько!!!» После продолжительного поцелуя молодоженов гости осушили стаканы. Катя выпила полстакана «Вологодской» – 56 градусов! – залпом. Она хотела показать, что она такая же, как и все, и этим еще теснее установить психологический контакт с обществом. Катя знала, что от этих женщин, от их настроения, эмоций зависит ее дальнейшая судьба. Главное для нее в данный момент – поднять градус настроения. Мысли Кати прервал Славик.

– Дорогие Катя и Андрей, я уверен, что наши суровые арктические морозы не смогут остудить ваши горячие влюбленные сердца. Поэтому не ради спасения вас от морозов, а ради уважения и по традиции наших мест, я дарю каждому из вас вот эти шубы. Эти шубы пошиты после вашего приезда. Размеры сняты на глазок. Поэтому могут быть некоторые несоответствия как в объемах, так и в работе. Поэтому прошу примерить прямо сейчас. Если будут какие-нибудь недостатки, они будут устранены в течение одного часа. При этом длина недостатком не считается. Длинные шубы делаются для того, чтобы в юртах или на пастбищах можно было лечь, подогнуть ноги, поспать или просто отдохнуть. При желании их можно очень быстро подрезать на нужную длину. Шубы слегка обработаны нафталином. Это сделано для того, чтобы медведи не спутали вас с оленями.

Катя и Андрей надели шубы и поняли, что слова о недостатках были произнесены исключительно для вида. Великолепные камусовые шубы, и чисто ювелирная работа! «Да, – подумал Андрей, – если когда-нибудь сюда помчатся поезда и полетят самолеты, как сказал Славик, то только, конечно, не с молодоженами, а со спекулянтами. В Москве такая шуба не имеет цены».

Катя и Андрей поблагодарили Славу и мастеров за уникальные и дорогие подарки. Гости стали один за другим подносить подарки. К шубам добавляли расшитые и разукрашенные камусовые унты, шапки, рукавицы, теплые валенки и брюки из оленьего меха. И, конечно, не обошлось без традиционного подарка – комбинации.

Комбинация – подарок не дорогой, но дефицит ужасный. Ее можно было купить только в Воркуте, и то – по большому благу, из-под полы. Зато поездка в Воркуту впечатляет. В городе асфальт, высотные дома в два-три этажа, ресторан, универмаг. Возле домов сидят старухи – продают мороженое. Мороз в тридцать-сорок градусов им не страшен. У них аргумент – коктейли с коньяком, с «Вологодской». Один стакан – и день северного сияния, и ночь в вырезвители...

Последний подарок коллективный – юрта из оленьего меха.

– Дорогие молодожены, – сказал Славик, – эта юрта стоит жизни. Она спасет вас от сильных морозов и от сильных буранов. Это своего рода квартира на нартах. Да и на всякий случай пригодится, а вдруг придется бежать! – Славик иронично посмотрел на Катю и Андрея.

Катя, обратившись к гостям, сказала:

– В таком случае – я готова поменять шубу на хороший аркан.

Гости дружно рассмеялись. Раздались аплодисменты.

Катя пришла к выводу, что психологический контакт установлен и достиг апогея, но с этого момента может пойти на спад. Пора начинать. Именно в этот момент любую глупость толпа примет за шутку и будет аплодировать. Сюрприз, который Катя приготовила, сам по себе ее не волновал. Она с ним не раз выступала в московских клубах среди молодежи, где ее никто не знал, и все проходило успешно. Но там все делалось ради удовольствия, а здесь другое дело. Здесь для нее судьбоносный день. Здесь общество другого возраста, другого культурного уровня, нравственного и материального уклада. И главное – как к этому отнесется Андрей.

Здесь и сейчас решится ее судьба. Это главная и единственная цель ее визита в эту дыру – поставить точку в отношениях с Андреем: либо грудь в крестах, либо голова в кустах. От

этого зависело их дальнейшее путешествие: поедут ли они обратно с Андреем в одном или в разных вагонах.

Толпа еще смеялась и аплодировала. Кате нужен был один момент, чтобы сориентироваться и сделать мягкий плавный вход в роль. Она посмотрела на окна. Стекла окон, белые от лунного света, с внутренней стороны влажные от теплого воздуха, покрыты толстым слоем снега. По стеклам окон медленно двигалась какая-то не очень высокая, но длинная тень. Катя еще не сориентировалась, что делать и с чего начинать. Ей нужно было выиграть время и не выпустить людей из напряжения. С улыбкой, восторгом и удивлением, посмотрев на гостей и показав рукой на окно, она крикнула:

– Смотрите! За окном кто-то ходит! Нас караулят!

Толпа взорвалась от смеха. Славик сказал:

– Это медведь. Его прикормила соседская девочка конфетой. Вот он и отирается здесь около месяца – ждет конфету.

– Я чувствовала, – сказала Катя, – что мне понадобится аркан. Сейчас я заведу этого медведя и посажу его за стол – в качестве свадебного генерала.

Толпа опять взорвалась от смеха. Катя накинула пальто, пуховый оренбургский платок и ринулась в дверь. Мужчины стали поперек двери:

– Если ты всерьез хочешь выйти, то мы тебя просто не пустим. Это дикий зверь. Он очень опасен, он тебя убьет одним ударом. Мы не хотим, чтобы свадьба превратилась в похороны.

Андрей слегка держал Катю сзади под руки, выше талии:

– Катя, ты что, на самом деле хочешь выйти?

Смех прекратился, гости примолкли в недоумении. Катя поняла – кульминационный момент резко упал ниже плинтуса. Сейчас остается только одно – выйти к медведю.

Катя взяла Андрея за руки, развела их по сторонам. Андрей посмотрел Кате в глаза и сказал:

– Катя, в этот день я хочу смеяться, а не плакать.

– Не бойся, дорогой, мы с тобой еще насмеемся и наплачемся. Жизнь впереди.

Андрей обратился к мужчинам, стоящим на двери:

– Пропустите.

Двое мужчин схватили карабины и через форточки взяли медведя на прицел.

Катя смело подошла к медведю, погладила его двумя руками от пасти к ушам, потрепала за нос, потом потрепала за ухо. И со словами: «А теперь можно и покататься!» – запрыгнула на медведя.

Клуб разрывался от криков, аплодисментов и восторга. Толпа в окнах и двери кричала:

– Катя, заходи, а то простудишься!

Андрей стоял рядом. За ремнем был большой табельный нож. Андрей подошел к Кате, взял ее на руки. Медведю за благородство всунул в пасть плитку шоколада. Катю занес в помещение. Гости обступили Катю. Обнимали, целовали, аплодировали, кричали «ура!», восторгались ее мужеством и обаянием.

Катя пригнула Андрея к себе и на ухо шепнула:

– Объяви... Вторым номером – «Амазонка».

Андрей, конечно, понял, что будет нечто из рамок вон... Но поднял руку и объявил:

– Вторым номером – «Амазонка»!

Катя вышла из круга гостей, почти бегом направилась к сцене, где стояла огромная картина с изображением природы севера: заснеженные горы, море, олени, белые медведи. За картиной, на ходу, сбросила с себя свадебное платье, еще в Москве приспособленное для мгновенного снятия, тут же вышла с другой стороны картины абсолютно голой. На ногах и на руках Кати были золотые браслеты, на шее золотая цепочка с огромным кулоном, внутри которого портрет Таис Афинской. Глаза Кати закрывали широкие бумажные очки, с подрисовкой боль-

ших голубых глаз, узких, черных бровей и длинных черных ресниц. Маска была выполнена так искусно и так точно вписывалась в лицо, что трудно было разобрать, что это – маска, макияж или все – природное, естественное. Вокруг талии – узенький ремешочек голубого цвета. От ремешочка вниз опускался узенький шнурочек, в районе лобка соединявшийся с расшитым бисером кожаным ромбиком. Посредине ромбика красным бисером вышит дорожный знак «Въезд запрещен». Шнурочек от ромбика проходил между ног и прикреплялся к ремешочку с задней части талии. Двумя руками Катя держала шелковый трехжильный шнур черного, синего и красного цвета.

Гости взорвались от восторга: все подняли руки над головами, хлопали в ладоши, кричали «Ура-а-а-а!!! Принцесса!!! Богиня!!!» Катя со шнуром в руках грациозно выполняла легкие классические номера, то изображая летящую и обессилившую лебедицу, то танцуя вальс Дунаевского. Когда Катя поворачивалась спиной к гостям, мужская половина издавала продолжительный выдох с отвисанием челюстей. Женщины стояли в одной шеренге и кричали: «Катя – принцесса... Катя – принцесса...» Катя, кружась, подхватывала по очереди то одну, то другую женщину. Когда прокружилась с последней – ловко, почти незаметно скрылась за портретом и буквально через несколько секунд вышла с другой стороны портрета в своем свадебном платье. Гости не унимались, продолжали аплодировать, кричать самые восторженные слова похвалы. Затем все вместе, женщины и мужчины, взялись за руки, окружили Катю и повели хоровод.

Андрей, увидев выходящую из-за картины Катю, – обомлел. В течение всего спектакля, длившегося не более пяти минут, Андрей стоял один возле стола, обхватив своей огромной ладонью стоящий на столе графин с пивом, используя его в качестве подпорки. Руки и ноги Андрея стали деревянными. Он не видел гостей, не слышал их криков и аплодисментов. Язык не ворочался. Да и говорить было нечего. Все было налицо. Он видел только Катю. Катя уже не казалась ему божественно красивой, безобидным ангелом, за которую он оставил карьеру и готов был, если нужно, в любой момент отдать жизнь. Андрей смотрел на Катю, и в голове у него была лишь одна мысль: «Во что я влип!»

Гости иногда посматривали на Андрея и завидовали ему. И ему самому, и его выбору. Счастливый человек – какую отхватил принцессу! Гости думали, что у Кати и Андрея все согласованно. Что Андрей выполнил свою роль, представил Катю, а сейчас смотрит и наслаждается своей принцессой. Да, до этого момента Андрей в Кате видел не только принцессу, но и богиню и был счастлив, что она досталась именно ему. Но от неожиданно увиденного сознание и чувства Андрея перевернулись.

Катя с первого дня знакомства с Андреем знала, что этот момент наступит, именно этого момента она боялась больше всего: больше медведя, больше крокодила, больше самого лютого зверя. Под маской лицо Кати менялось как радуга, сердце билось, как птица. Катя чувствовала, что Андрей в шоке, другого она и не ожидала. Но самое главное, чего Катя боялась – чтобы их сердечный конфликт не перерос в позор прямо здесь. Чтобы Андрей не хлопнул дверью и не ушел прямо сейчас. Катя не была в шоке. Она знала все наперед, все было спланировано и подготовлено. Но Катя была в тревоге за свою любовь, за разрыв с Андреем, за свое будущее. Катя боялась в свои двадцать лет остаться девой. Она, как и все девочки в ее возрасте, хотела любить, быть любимой, иметь мужа, детей. Счастливо прожить свою жизнь.

Андрей стоял невесомый, в глубоком и тревожном разочаровании. Как будто в непроходимой тайге он остался один без воды, без пищи, не зная, куда идти, что делать. В его голову приходила лишь одна мысль: во что я вляпался, пропало все: и любовь, и мечты. Вся жизнь пошла прахом.

Катя постоянно смотрела на Андрея. Она присутствовала в его теле и в его сердце. Она знала его трагическое состояние, сочувствовала ему и жалела его. Сердцем чувствовала каждую клеточку его тела. Она чувствовала, как черные тучи сгущаются в его мыслях и сердце. Но

она не могла поступить по-другому. Она пошла ва-банк. Это ее вторая и последняя попытка переломить судьбу. Если Андрей уйдет – ее ждет монастырь. Пропала молодость, красота, жизнь. Несмотря на то, что сеанс прошел успешно, она знала, что ей предстоит с Андреем тяжелый разговор. Поэтому решила – пора начинать тушить пожар сердца, пока он только разгорается, чтобы самой в нем не сгореть. Катя вышла из круга, подбежала к Андрею, протянула ему свою руку. Андрей вяло подал руку Кате. Катя потащила Андрея в круг танцующих гостей:

– Товарищи! Смотрите, что этот косолапый сделал с моим мужем!

Андрей слегка улыбнулся. Катя подумала: «Значит, в нем еще осталось что-то живое. Нужно его разговорить, развеселить».

Славик закричал:

– Сейчас мы его вылечим. стакан перцовки ему. Через десять минут будет петь и танцевать!

Андрей выпил стакан перцовки. Протянул стакан. Налили еще. И так – три стакана подряд. Андрею стало легче, он стал понемногу разговаривать, улыбаться и через некоторое время окончательно пришел в норму. Веселье длилось до двух часов ночи. Катю и Андрея Славик разместил в теплом ухоженном деревянном доме с паровым отоплением. Несмотря на внушительный объем выпитого, оба были как огурчики. Каждый знал, что их дальнейшая судьба будет решаться здесь и сейчас.

Оба они любили друг друга, оба хотели мира и согласия, но клин, который Катя вбила прямо в сердце Андрея, торчал, как пограничный столб, к которому ни подойти, ни обойти, ни вытащить. Андрей молчал. У него не было слов, он все видел. Остается только принять решение. Но это как раз и есть самый трудный вопрос. Принять решение – значит покончить с Катей навсегда. Но остаться жить с женщиной, не зная ее и ее походов, не зная круг ее поклонников и объемов разврата, глубину ее нравственного разложения, не зная, что выкинет она завтра?! «Кажется, круг замкнулся», – подумал Андрей.

В сердце и чувствах Кати к Андрею ничего не изменилось. Она знала и чувствовала состояние Андрея. Ее задача была привести сознание и чувства Андрея в первоначальное состояние. Сам Андрей на этот поступок не пойдет. Ему незачем извиняться или просить прощения. Он ни в чем не виноват. Он сейчас, как больной, ему нужна помощь.

Андрей сидел на диване в трагической позе и не знал, что дальше делать. Катя подошла к нему, обняла, прижалась своим лицом к его лицу и потихоньку, и тоже с трагическим видом, прошептала:

– Андрюша, я знаю, в каком состоянии твое сердце и что творится в твоей голове. Ты думаешь, что связался с какой-то шлюхой. Ты сейчас смотришь на меня и не видишь ту Катю, которую видел еще вчера... Но все твои подозрения и возникшие на этой почве разочарования напрасны. Конечно, основания для стресса есть. Тем более что ты все увидел внезапно и неожиданно. И тут же в твоём воображении появилась не та Катя, которую ты видел и знал еще вчера, а совсем другая, неизвестная, с неизвестным прошлым. Не та скромная и нежная, которую ты увидел впервые и знал до того момента, а совсем другая – нравственно разложившаяся женщина. За этим последовал стресс и болезненное разочарование. В твоей голове сразу возникла масса вопросов: как же я буду с нею жить? Как я с нею выйду на улицу? Как я с нею покажусь в обществе? Да мне прохожие будут пальцем тыкать в спину – смотрите, мол, Андрей со шлюхой связался.

В огромной Москве порядочной женщины не нашел – ха-ха-ха! Тут тебе сразу стало понятно, почему тебя Катя затащила справлять свадьбу в Арктику. Тут тебе, как божий день, становится ясно, почему мои родители с радостью отправили свою единственную дочку справлять свадьбу туда, где Макар телят не пас, среди совершенно незнакомых людей. Причина поступка родителей понятна: на свадьбу в столице придут родственники, друзья родителей, коллеги по работе, по службе. И, конечно, мои клиенты, поклонники, коллеги по стриптизу и

разврату. Захотят устроить шоу или шабаш. Там же будут журналисты и репортеры. Что будет дальше – известно. Конечно, мой сеанс в клубе давал тебе полное основание для таких мрачных мыслей и выводов. Но я тебя, Андрейка, прошу, выбрось всю эту грязь из своей головы и своего сердца. Ибо все негативные картины, которые тебя накрыли с ног до головы от неожиданного увиденного, ничего не имеют общего с нравственностью. Основа моего поступка – не нравственность, а генетика и медицина. То, что ты увидел, имеет не нравственное происхождение, а генетическое, которое выходит из недр человеческого организма, формирует определенный тип психики, или элемент в психике, и внешне проявляется в виде положительных, отрицательных или общественно безразличных поступков человека. Особенность состоит в том, что оно передается по наследству. На данном этапе развития медицины оно неизлечимо, но не является общественно опасным. Так что, Андрейка, можешь не опасаться – я тебя не покусаю.

Психоз с извращением полового инстинкта, проявляющегося периодически, в форме стремления не демонстрации половых органов, а демонстрации своего тела неопределенному кругу лиц. За Полярным кругом, под воздействием магнитных полей и сильного холода этот «клиент» напоминает о себе примерно через четыре – пять месяцев, а на юге чаще – один раз в две-три недели. Однако есть случаи, что после родов клиент покидает насиженное место и уходит либо вместе с ребенком, либо отдельно. В связи с этим ты мне нужен не только как любимый мужчина, но и как врач. Как врач ты должен приложить все свои силы и знания, чтобы сделать меня беременной, конечно, если я еще не беременна. Будем жить и ждать ребенка. И посмотрим, что из этого получится.

Я от мамы получила все ее знания в области медицины. Со всеми скелетами, мозгами, почками, скальпелями, лекарствами. А вместе с ними и ее «клиента» с его причудами. Зато мама избавилась от «клиента», а вместе с ним от необходимости демонстрировать свое тело. Но медицина мне не нравится: там кровь, слезы, запах лекарства, который я не терплю. А от папы я получила все знания в области авиации и ракетостроения – вместе с формулами, картами, чертежами. Сама я закончила факультет журналистики. Но что такое журналистика? Это способность передать то, что ты видел тем, кто это не видел. И часто не так, как ты видел, а в нужной редактору форме. А клише редактору устанавливает власть.

Журналистика для меня – совершенно пустое дело. Меня мама засунула туда чуть ли не насильно. Промучила я там преподавателей три года, потом выдали мне диплом и с почестями проводили. Из всех тысяч книг, которые я прочитала, и которые могу пересказать как стихотворение, со всеми знаками препинания, больше всего меня привлекает образ гетеры. И знаешь – почему? Потому что на этот образ указывает мне мой клиент, а с ним нужно жить в мире.

Во всем остальном я обычная женщина, в чем ты и сам убедился. Ты же, Андрей, не мучайся. У тебя проблема несложная: если ты готов принять меня такую, какая я есть, то оставляй все свои тревоги и сомнения позади, и мы с тобой проживем долгую и счастливую жизнь. Я тебя люблю, и всю жизнь буду любить тебя одного. Ты самый красивый, самый сильный. Ты мне нужен не только как любимый мужчина, но и как мой защитник в моей сложной и опасной жизни.

Подумай, сегодня я выступила среди своих людей, среди мужчин с женами, все замужние и женатые, к тому же в твоём присутствии. Я чувствовала себя спокойно и смело, если не считать той тревоги, которая меня сковывала из-за того, как ты все это воспримешь, сможешь ли ты все осмыслить, переосмыслить и правильно оценить, конечно, с моей помощью и объяснениями. Но ты представляешь, что может быть, если я покажусь в таком виде в чужом городе, среди чужих незнакомых мужиков? Ты думаешь, что они мне простят? В то же время отказаться от этого я не в силах, это на генетическом уровне. Значит, ты мне нужен не только как муж и любимый человек, но и как защитник в сложных ситуациях нашей жизни. Лучше тебя меня никто не может защитить. Что же касается моего нравственного состояния, то пару

дней назад в поезде ты сам убедился, что ты был моим первым мужчиной. Ты умный человек и должен все это осмыслить и правильно оценить.

Но для того, чтобы ты все правильно оценил и принял правильное решение, ты должен знать фактические обстоятельства дела и особенно свое фактическое положение. Не зная это, ты можешь сделать очень большую ошибку в жизни, которая повлечет негативные последствия и для тебя, и для меня. Поэтому я хочу тебя спросить: помнишь ли ты, когда сидел в кабинете своего начальника – генерала Михаила Сергеева, ты не заметил в его поведении чего-то необычного, например, его реакции на твое неожиданное решение уйти со службы?

– Да, конечно, – ответил Андрей, – помню. Его поведение было неадекватно нашим с ним дружеским отношениям. Мы с Мишей дружили с самого детства. Были во многих горячих точках, выручали друг друга, иногда рискуя собственной жизнью. Но при подписании моего рапорта на увольнение из армии он вел себя так, как будто бы он не только не сожалел, что мы с ним расстаемся, а даже был этому очень рад. Меня это очень обидело, и я долго думал – где, как и при каких обстоятельствах лопнула нить нашей дружбы.

Я, конечно, не верил, да и сейчас не верю, что его испортили генеральские погоны. Он никогда не был карьеристом и не страдал высокомерием. Когда мы с тобой ехали в Оренбург, я всю дорогу думал о нем и о наших отношениях. Я вспомнил только один случай натянутых с ним отношений. Когда на тренировках под Владивостоком Миша кинул нож на поражение в полковника Малиновского. Но тогда все от него чуть не отвернулись. Однако наши отношения очень быстро наладились, и все прошло, и все было забыто. Но, Катя, какое отношение имеет поведение Миши при моем увольнении к тому, что произошло и происходит здесь между нами?

– Конечно, – ответила Катя, – поведение Миши к тому, что сейчас происходит между нами, не имеет никакого отношения. Но я знаю, что его холодное безразличное отношение к тебе тебя сильно обидело. Но сейчас, когда решается вопрос о нашей с тобой судьбе, я хочу тебе объяснить, в каком положении ты находишься сейчас, чтобы ты принял правильное решение. Останешься ты со мной или нет – это ты должен решить сейчас, зная о том, что ты из армии не уволен. Тебе оформили отпуск на два месяца. За тобой сохраняется должность, звание, центр подготовки диверсантов, уважение начальства, товарищей по службе и погоны генерала. Кроме того – вот тебе пакет, который нам передал гость в вагоне. Здесь деньги. Их хватит тебе на долгие годы. Но я хочу, чтобы ты знал, что я, возможно, беременна. Конечно, если ты останешься со мной и принимаешь меня такую, какая я есть, мы завтра с тобой пойдем в загс и оформим брак. В Москву мы с тобой должны приехать мужем и женой. Это вопрос категорический. Там справим свадьбу в кругу семьи, друзей, товарищей, коллег по работе, службе, соседей. Но потом ты должен будешь уволиться со службы в связи с выходом на пенсию по выслуге лет, с учетом участия в войне и боевых действиях по мотивам интернациональной солидарности в других странах. И мы с тобой улетим в Магадан или в Петропавловск-Камчатский, а оттуда дальше. Так что – выбирай, Андрей: генеральские погоны, продолжать службу и жить в Москве или жить со мной где-нибудь в Заполярье среди белых медведей. Как видишь, Андрей, вопрос по-прежнему болезненный – либо я, либо служба. Если ты выберешь службу, то в Москву мы с тобой поедem в разных вагонах, либо ты поедешь один, а я останусь здесь.

– Катя, а что будет с тобой?

– Значит, на мой категорический вопрос ты пока что не можешь дать категорический ответ. Ты решил еще что-то обдумать, пока я буду рассказывать, что будет со мной. Твой вопрос «Что будет со мной?» фактически и есть твой ответ. Фактически означает, что ты решил меня оставить. Если ты меня оставляешь, то это значит, что тебе безразлично, что будет со мной. Но могу удовлетворить твое любопытство: со мной поедет Славик. Он красивый, мужественный и благородный мужчина. Конечно, он не такой сильный, как ты, но он хорошо знает север, ночью и днем хорошо ориентируется в тундре, может управлять оленями, соба-

ками и прочее. Он человек тундры, я с ним не пропаду. Славик хорошо знает моих родителей и вообще все о нашей семье. Он не будет выдвигать никаких условий. Поэтому он идеально подходит на роль мужа. Правда, мне очень трудно предположить, как на это отреагируют родители, особенно папа. Но в любом случае последнее слово за мной.

– Прости, Катя, вы что, со Славиком уже обсуждали этот вопрос? И потом – Славик по возрасту годится тебе в отцы. И, как мне кажется, чтобы выходить замуж, мужчину нужно любить.

– Начну с последнего: я люблю только тебя. И вышла замуж за тебя. Но если ты решил бросить меня и своего возможного ребенка, то это значит, что ты меня не любишь. Конечно, у тебя есть алиби: ты готов меня бросить, как говорят юристы, «по вновь открывшимся обстоятельствам». Но если человек любит, то он по любым обстоятельствам пройдет, как по тротуару, и не заметит. Любовь преодолевает все. Ты же начал колебаться, столкнувшись с первой же мелочью. Значит, ты меня не любишь.

То, что Славик годится мне в отцы, – это как раз то, что мне нужно. Мне не настолько нужен муж, насколько отец и защитник. И последнее, насчет стовора. За долгие годы Славика я вижу впервые – так же, как и ты. Я разговаривала с ним только в твоём присутствии. Но у женщины такая природа – с первого взгляда знать, что мужчина думает о ней и на что он способен. Кроме того, он не женат, и никогда не был женатым, и я знаю, по какой причине. Я хорошо знаю историю его жизни и любви. Она, можно сказать, трагическая. Все это в совокупности дает мне возможность полагать, что он может на мне жениться. А в случае, если я беременна и рожу, Славик запишет на себя нашего ребенка и, думаю, будет ему хорошим отцом.

Андрея стало коробить чувство ревности, его сердце затрепетало. «Что я делаю, – подумал Андрей, – еще одно мое подобное слово, и Катя скажет: нет! Это будет значит, что в ее сердце появилось отвращение ко мне. Тогда мне придется встать на колени. Но в этом случае Катя окончательно увидит во мне ничтожество. И это будет конец. И правда, все же – какой я негодяй! Из-за какой-то чепухи заставил любимую женщину стоять чуть ли не на коленях и оправдываться передо мной. Она красавица, она принцесса, она чиста, как стеклышко. А я стою и издеваюсь над женщиной, перед которой должен сам стоять на коленях».

Андрей сделал шаг к Кате и сказал:

– Катенька, дорогая, прости, я сначала тебя не понял, я думал – это нравственное, прости, Катя. Мне не нужны ни деньги, ни должности, ни генеральские погоны. Мне нужна только ты – одна-единственная и на всю жизнь.

Катя и Андрей подошли друг к другу, поцеловались и, обнявшись, долго стояли, радуясь тому, что они вернулись друг к другу, что соединились их сердца и чувства. Потом сели на диван, смотрели друг другу в глаза, слегка бились лбами и смеялись над глупостью, которая чуть ли не стояла им счастья и которую чуть не совершили. И так на радостях уснули.

Сколько спали, неизвестно. Ложились – темно, проснулись – темно. На часах около двенадцати. А чего около двенадцати? Дня или ночи – непонятно. Стали откручивать события: гуляли до двух часов ночи. Потом часа два-три выясняли отношения. Потом добрых полтора часа мирились. Значит, сейчас около двенадцати дня. Значит, загс работает. Андрею пришла идея:

– Если мы едем в Москву – там и регистрируемся.

– Нет, Андрюша, – сказала Катя, – мне мама сказала: без штампа не возвращайся.

– В таком случае я сбегаю к Славiku. Уточним время. Он, по-видимому, захочет пойти с нами, – предложил Андрей.

– Славик обязательно должен пойти с нами, – сказала Катя. – Мама штампу может не поверить. А Славик напишет ей письмо – для успокоения души. Потом, он ей давно не писал. Мама ждет от него письма. Славик будет у нас свидетелем.

Андрей быстро оделся:

– Я побежал!

– Только недолго. Да, не забудьте меня.

– Ты что, Катя, считаешь, что мы со Славиком влюблены, что пойдем регистрироваться вдвоем и даже забудем тебя?

– Чем черт не шутит! – крикнула вдогонку Катя – и тоже рассмеялась.

Андрей захлопнул дверь, выскочил на улицу. Вокруг белым-бело, снег мягкий, рыхлый, скрипучий. За ночь навалило по колено. Андрей шел по снегу, расталкивая его ногами, делая за собой глубокую снежную траншею. Подаренные камусовые валенки скользили по сухому мягкому снегу, раскидывая его по сторонам так, что сзади формировалась ровная и почти чистая дорожка. Погода тихая, спокойная. Мороз пощипывал кончик носа, щеки, бороду. Но Андрею было тепло. Его согревало то, что все расставили по своим местам. Негативные эмоции уступили место здравому смыслу, нежным чувствам и любви. Андрей был счастлив. Все сомнения и колебания позади. Больше никаких сомнений, никаких упреков. С Катей мир и любовь до конца жизни.

Погруженный в мысли и чувства, Андрей даже не заметил, как почти дошел к дому Славика. Ему стало жарко. Он остановился, расстегнул шубу и пиджак, поднял голову и увидел то, что он никогда в жизни не видел: небо буквально закрыто миллиардами крупных, белых, как бриллианты звезд, и так плотно, что между звездами, кажется, не просунешь палец. Не небо в звездах, а темно-синие дырочки неба между звездами.

«Да, – подумал Андрей, – истинные ценители природы севера никогда не променяют север на юг. Здесь человек чувствует природу, сливается с природой и составляет с ней одно целое. Кажется, только здесь должны рождаться великие поэты, ученые и романтики. Мне кажется, эта природа меня уже поглотила, я уже в ее плену. Я даже на секунду забыл о Кате. Нужно бежать, ведь она ждет меня и Славика, у нас сегодня торжественный день». Андрей ускорил шаг, разгребая снег ногами, от дома, где осталась Катя, к дому Славика. И уже перед самой дверью сообразил, что сделал глупость! Так недолго разгрести тропинку к сердцу. «Я попадаю в область суеверий, – подумал он. – Наверно, я начинаю дичать».

Славик уже сидел одетый и ждал молодоженов. Поздоровались. Славик начал разговор первым:

– Ну что, Андрей, утрясли? Все на местах?

– Тебе известно, что у нас с Катей был серьезный разговор? – спросил Андрей.

– Я видел, в каком ты был состоянии на свадьбе, и сделал определенный вывод, что ты о Катиной проблеме ничего не знал. Естественно, что после этого у вас с Катей должен был состояться серьезный разговор. Я буду очень рад, если ты мне скажешь, что у вас закончилось все мирно и любовно.

– Да, Славик, разговор у нас с Катей был. Все выяснили. Сейчас никаких проблем. Собрались в загс. Пришел за тобой.

– Я вас ждал и очень переживал за вас. Но был уверен, что вы преодолеете этот, по сути, мелкий штрих, относящийся к ее здоровью. Мне очень понравился смелый, можно сказать, даже дерзкий и в то же время нежный поступок Кати – общение с медведем. Для женщины это подвиг. В этих местах медведи не новинка, но и люди, и медведи стараются напрямую не сталкиваться, потому что никто не знает, как он себя может повести. Если медведь уляжется под дверь, то его отгоняют выстрелом. Конечно, в медведя здесь стрелять никто не будет, за исключением случаев нападения. Но я такой случай помню только один. И то там был виновен человек – он медведя спровоцировал. А ты знаешь, Андрей, почему медведь так нежно отнесся к Кате?

– Нет, конечно, – сказал Андрей.

– Потому что от Кати распространялся приятный, нежный запах французских духов. Кажется, «Черная магия». Вот косолапый долго и принюхивался. Хотел разобраться, съедоб-

ное это существо или нет. Медведей интересуют только два объекта – съедобный и несъедобный. На съедобный объект они нападают и съедают, а несъедобный его не интересует, даже если он пахнет французскими духами. В данном случае медведь пришел к выводу, что Катя, хотя и сильно пахучая, но несъедобная. Не исключено, что он в Катю даже влюбился. А тут еще и два ствола с форточки – медведь решил Кате повиноваться. За свое медвежье благородство косолапый получил вознаграждение от тебя – шоколад. Когда Катя рвалась к медведю, я внимательно наблюдал за вами. Если бы ты с Катей к медведю не вышел, то я бы вышел обязательно.

– Я вышел с Катей потому, – говорит Андрей, – что, во-первых, Катя моя жена, и я обязан ее защитить; во-вторых, я видел в медведе достойного противника. Для меня было делом чести вступить с ним в поединок, конечно, в случае агрессии с его стороны. За Катю этой животине я бы голову открутил!

– Не сомневаюсь! – сказал Славик. – Я, конечно, медведю не противник, но пока бы медведь со мной возился, Катя могла бы спастись. Катя для меня значит многое – она мне как дочь.

– Значит, мы с тобой родственники, Славик. Идем быстрее, Катя уже заждалась.

Катя, одетая, уже топталась возле окна, поджидая Андрея и Славика. Она была счастлива. Она сумела обуздать этого норовистого хищника. Ее план подходил к концу. «После загса, – думает Катя, – закажем билеты. Отдохнем. Устроим небольшой вечер проводов. Сразу дам маме телеграмму, что приезжаем вместе. Пусть мама порадует за меня». Катя посмотрела в окно. Андрей и Славик уже подходили к дому. Она вышла навстречу, поздоровалась и обнялась со Славиком, поцеловалась с Андреем, и они направились в сторону загса.

Церемония прошла очень быстро: заявление, поздравление, по штампу в паспорта, по фужеру шампанского и домой. Оказывается, Славик был уверен, что у Кати и Андрея все получится, и в клубе с самого утра кипела работа по подготовке к проводам. Славик заказал билеты на рейс Воркута – Москва. Пир начался в шесть-семь часов по московскому времени. Пришли все, кто был вчера. Пили, гуляли, пели песни, танцевали, поздравляли молодоженов. Были вопросы: почему сначала гулянье, а потом регистрация брака? Как-то наоборот. Славик объяснил, что у народа майя был такой обычай – если за время гуляния невесту не украдут, то можно поздравить и благословить. Конечно, пример приведен хотя и не попад, но все остались довольны. Номер «Амазонка» был пропущен. Катин «клиент» спрятался на два-три месяца.

Где-то к полуночи на провода пришел косолапый. То ли ему понравилась невеста, то ли запах «Черной магии», то ли шоколад Андрея. По окончании веселья Катя изъявила желание попрощаться с мишкой. Вышли вместе с Андреем. Славик на всякий случай взял мишку на прицел в форточку. Когда Катя и Андрей вышли, косолапый встал. Катя и Андрей подошли к нему. Катя взяла косолапого за морду двумя руками и стала его гладить. Потом прижалась к его морде своим лицом.

– Что, косолапенький, тоже пришел провожать? Спасибо за внимание и за то, что ты меня не съел. Можешь нюхать меня, сколько хочешь, только меня не ешь, и мы с тобой расстанемся друзьями. Может быть, когда-нибудь приеду. А сейчас я оставляю о себе память. Она будет с тобой долгие годы. Ты будешь нюхать и вспоминать меня.

Катя вытащила из кармана флакончик духов – Черной магии, и аккуратно подушила медведя.

– Прощай, дорогой. Мы уезжаем.

Катя на прощание потрепала медведя за ухо, потом за нос. Андрей всунул в пасть медведя одну за другой две плитки шоколада, погладил по огромной бычьей голове, и вместе с Катей зашел в дом. Остатками духов Катя подушила всех женщин. Андрей оставил мужчинам оставшийся у него французский коньяк. К дому провожали все. Когда гости вышли из клуба,

мишка отошел в сторону метров на двадцать и смотрел вслед уходящим, пока те не скрылись из вида.

Утром Катя, Андрей, Славик и десяток новых друзей отправились на вокзал. Мороз давил под двадцать. Дул сильный ветер. Снег несло лавиной. Но по арктическим меркам – это теплынь. На улице полная темень – обычная арктическая погода. Провожать пришли все, кто был свободен от работы. Отправились на вокзал. Вокзал представлял собой железнодорожный вагон с автономным угольным отоплением. Зашли в вокзал-вагон – тепло, уютно. Пассажиров было человек пять. Андрей предложил на посошок. Здесь Катя впервые вспомнила, кто старший в доме:

– Андрейка, не слишком ли часто!

Андрей одной рукой обнял Катю за плечо, прижал к себе:

– Как скажешь, дорогая.

Пока подошел поезд, успели налить по три раза. Всех провожающих уже знали по именам. Расставались, как старые друзья. Поезд состоял из одного пассажирского вагона и нескольких вагонов с углем. Посадка завершилась очень быстро. Славик попрощался с Андреем. Долго прощался с Катей, давал наставления, передавал низкий поклон папе и маме, дяде Петру Ильичу и остался с провожающими. В вагоне было тепло и уютно. Поезд тронулся. Провожающие что-то кричали, махали руками. Катя долго смотрела в окно, надеясь увидеть своего белого косолапого друга. Он был для Кати не простой медведь. Он был полноправным участником ее шоу. Когда Катя оказалась в тупиковой ситуации, и ее план мог рухнуть, не начавшись, мишка ее сильно выручил. Номер с мишкой дал толчок всему шоу и благополучный исход всему плану. После чего все пошло как по маслу. За такую услугу мишке было положено по крайней мере мешок шоколада. Кате даже стало стыдно за такое неуважительное отношение к медведю. Для такого гиганта две шоколадки «Красная Москва» – оскорбительно.

Еще совсем недавно Катя ехала в Хальмер-Ю полная тревог и с мизерной надеждой на успех. Ей тогда было страшно подумать, что совсем скоро Андрей может поехать обратно в Москву один. А она останется здесь, в Хальмер-Ю, в глубоких снегах, на берегу Карского моря, презренная, незаслуженно обиженная, отвергнутая. Катя хорошо помнит, как в Оренбурге на вокзале мама шепнула на ухо. «Включи мозг, обаяние, пожертвуй телом, но без Андрея не приезжай».

Катю тешила тогда лишь одна перспектива, что рядом с нею будет красивый, известный и всеми уважаемый человек – Славик, в которого она влюблена с детства. Но кем он ей будет – папой или мужем? В этом она еще не разобралась. Да, ей тогда было все равно. Главное, что Славик знал все о ее маме и о ней самой и воспринимал это все вполне нормально, не смешивая болезнь с моралью. А сейчас Катя счастлива. Она выиграла сражение в неравном бою. Она переломила этого красавчика-гиганта, перетасила на свою сторону. И она вместе с ним едет домой, в Москву. Дома она, несомненно, расскажет родителям о своих походах, о своем шоу, о белом косолапом друге и о том, как он ей помог. В каком состоянии был Андрей, когда увидел ее в обнаженном виде среди незнакомых людей. Как Андрей понял ее и ради нее отказался от генеральских погон и даже попросил прощения. Конечно, Катя знает, что там будет все: и смех, и слезы – от счастья и восторга, от ее смелости и триумфальной победы. А сейчас она едет домой в счастье и радости. У нее выросли крылья, она летит.

«Прощай, Хальмер-Ю, – про себя проговорила Катя. – Ты принес мне счастье и красивого мужа. Все тревоги и сомнения позади. Он меня любит. Теперь он мой навсегда. Прощай, мой дорогой Славик, я люблю тебя! Ты сделал меня счастливой! Если бы я не влюбилась в Андрея, я бы навсегда осталась с тобой в этом суровом райском уголке».

На глазах у Кати появились слезы.

– Ты, что, Катенька, плачешь? – с волнением спросил Андрей.

– Да, я плачу от счастья.

– А я, Катя, от счастья не плачу, а лечу. Любовь к тебе дала мне крылья!

– Значит, мы с тобой с крыльями, и оба летим. Любовь окрыляет человека, – ответила Катя.

За окном было темно. Сильный ветер со снегом, вперемешку с паровозным дымом залепливал окна. Расстояние от Хальмер-Ю до Воркуты чуть больше семидесяти километров, но ехать пришлось очень долго. Железнодорожные пути занесло метровыми сугробами снега. Поезд шел медленно. На некоторых участках приходилось сдавать назад, набирать скорость, пробиваться сквозь сугробы. Андрей сел рядом с Катей, прижал ее к себе и в раздумьях о скорой встрече с родными оба уснули.

Андрей проснулся от похлопывания по плечу. Раскрыл глаза. Возле него стоит мужчина:

– Просыпайтесь, ребята! Приехали – Воркута!

Андрей разбудил Катю. Ребята собрали вещи, вышли из вагона. На улице ветер, метель. После теплого вагона и после сна на улице показалось неуютно. К вокзалу изредка подъезжали такси с отъезжающими и провожающими. На улице никто не задерживался, старались быстрее спрятаться в здании вокзала. Ребята тоже быстро зашли в помещение. Вокзал небольшой, уставлен резными фанерными диванами с высокими спинками. В углу стояла «контрамарка», от которой несло жаром. Людей на вокзале было мало. Все старались приезжать так, чтобы сразу идти на посадку. С вокзала Катя дала родителям телеграмму: «Приезжаем с Андреем. Встречайте». До отправки поезда оставалось около шести часов. Ребята выпили горячий кофе, тонус сразу поднялся. Потянуло на разговоры.

Юля, получив телеграмму, захлопала в ладоши, слезы полились ручьем:

– Я знала, я знала, что у Кати все получится. Она красавица! Она умница! Ей нет равных во всей Москве, да что – в Москве! Во всем мире! – с телеграммой над головой Юля подбежала к мужу.

– Я же тебе сколько раз говорил, дорогая, что Андрей человек исключительной чести. У него благородное сердце. Он знает, что такое нужда, страдание и одиночество. И потом, мы Катю отдаем не в нагрузку – она красавица, она интеллектуал. По известным причинам она отказала десятку лучшим поклонникам Москвы. Тем не менее я, Юля, очень счастлив, что Катя встретила и сошлась с Андреем. Андрей лучше всех – он солдат, он командир, умный, сильный, смелый, красивый. Я перед ним в большом долгу и люблю его как сына.

– Да-да, дорогой, я сама влюбилась в него с первого взгляда. Не будь у нас дочки... Перед ним не устоит ни одна женщина. «Конечно, – сказал Толя, – сердцу не прикажешь».

Катя села поближе к Андрею, прижалась к нему, положив голову ему на грудь. Андрей закрыл ее правое плечо своей огромной ладонью, периодически прижимая Катю сильнее к себе или потихоньку похлопывая по плечу, как бы говоря ей: я тебя люблю, чувствую и охраняю. И действительно, Андрей был счастлив, что сумел правильно оценить ситуацию и не пошел на разрыв с Катей. Он не представлял себе, как бы сейчас сидел здесь один без Кати, а его сердце рвалось к ней. Он был доволен собой, что не сделал эту роковую ошибку. Достаточно было сказать Кате: нет! Это и был бы момент невозврата. Даже если бы через пять минут Андрей передумал, Катя бы его не приняла. Тогда пришлось бы ее уговаривать, просить прощения. Но такое поведение у Кати вызвало бы отвращение. Вместо сильного боевого и любимого мужчины она бы увидела огромную кучу ничтожества, которое в пять-десять минут может менять свои решения, свои чувства и предать в любой момент. С ничтожеством Катя жить не будет.

Катю занимали те же мысли. Она была счастлива, что Андрей ее понял и не пошел на разрыв. Что все обошлось разговором. Это говорит о том, что Андрей ее любит и ради нее готов на все. Катя все крепче прижималась к Андрею, и в мыслях было только одно: «Теперь он мой навсегда, на всю жизнь. Теперь никто и ничто нас не разлучит».

– Я правильно думаю, Андрей?

– Конечно, правильно, – ответил Андрей.

Даже если бы Андрей не знал, о чем думает Катя, он все равно сказал бы: «правильно», потому что Андрей знал, что Катя может думать только о хорошем, а раз о хорошем, значит – правильно.

– А ты о чем думаешь, Андрей?

– Я думаю о том же, что и ты. Если бы я думал о чем-нибудь другом, то я не смог бы угадать, о чем думаешь ты. Мне кажется, что мы оба думаем о том, что так хорошо получилось, что я тебя правильно понял. И теперь мы навсегда останемся вместе. И что ты нашла достаточно аргументов и помогла мне все правильно понять. В итоге сейчас мы вместе, и оба счастливы. А могли бы быть врозь, и оба страдать, притом долгие годы.

– Я чувствую, что у тебя есть ко мне вопросы по поводу некоторых обстоятельств, – сказала Катя.

– Конечно, есть, – ответил Андрей, – но эти вопросы в данное время уже не имеют жизненно важного значения. Например, внезапный выезд из Москвы, поездка в Оренбург, а потом в Заполярье. Визит таинственного человека с пакетом в Инте. Все это было непонятно и навредило на разные мысли и даже пугало. Но после твоего «шоу» стало все понятно и сейчас не имеет значения. Но вот есть два вопроса, которые представляют исключительно чистый интерес. Первый: твои родители – папа и мама знали о том, что мы с тобой договорились вместе уезжать в Оренбург, но не проводили тебя даже на вокзал. Даже не вышли с тобой на улицу! Ты стояла у подъезда одна с вещами, как сирота, – ни друзей, ни подруг. Сослалась на болезнь папы.

Второе. Судя по всему, вы со Славиком встретились впервые в жизни либо расстались в далеком детстве. Но относитесь друг к другу так, как будто вы школьные товарищи. Хотя по этикету ты должна называть Славика на «Вы». Конечно, Катя, если не хочешь или нельзя, то можешь не отвечать.

– Но почему же! На первый вопрос: почему меня родители не провожали – я тебе ответить не могу. Так как я сама не знаю. Я сама долго думала над этим вопросом, но ответа не нашла. Мне кажется, что здесь что-то глубоко личное папы. Но я думаю, что по приезду домой это личное будет раскрыто.

На второй вопрос, что касается Славика, я отвечу сейчас. Но это будет не ответ, а целый рассказ, в котором нужно раскрыть целую историческую эпоху и судьбы многих людей. До отправки поезда еще очень долго, если есть желание и хватит терпения – могу рассказать.

– Рассказывай, Катя. Я буду слушать очень внимательно.

– Так вот, слушай, Андрей. Папа и мама Славика были Коми, или, как их называют – зыряне. Жили в тундре. Занимались оленеводством.

Славик родился в чуме. До семи лет помогал родителям, осваивал сложную жизнь оленеводов. Потом интернат, школа. Когда Славiku исполнилось семь лет, его отправили, уже как сына кочевников, учиться в Ухту. В Ухте он закончил десять классов. И вернулся в чум к своим родителям. Два года пас оленей и помогал старикам. Потом армия. Служить попал в специальные войска охраны особо важных объектов. Мой папа в то время работал главным конструктором реактивных истребителей. Там Славик случайно встретился с папой. По разговорам папа оценил Славика как способного молодого человека. Пригласил на собеседование, где выяснилось, что Славик не просто способен, он исключительно одаренный парень.

Папа предложил ему поступить учиться в авиационный институт. К этому времени Славик уже прослужил один год. Это давало ему юридическую возможность для поступления. Славик согласился. Папа и командир военной части написали ему хорошую рекомендацию. Славик успешно сдал экзамены. Институт закончил с красным дипломом. Папа тут же пригласил его к себе. Через два года Славик защитил кандидатскую. Стал помощником главного конструктора, то есть помощником папы. Папа ценил Славика очень высоко. Славик внес нема-

лый вклад в усовершенствование реактивных самолетов. Может, работал бы до сих пор, если бы не одно обстоятельство.

– И что же это за обстоятельство? – спросил Андрей.

– Однажды, это было давно, еще до моего рождения, – продолжила Катя, – организовали небольшой вечер в связи с успешным завершением работы с истребителем нового поколения. На вечер были приглашены с женами все, кто принимал участие в разработке двигателя, и, конечно, мой папа с мамой. Получив пригласительную открытку, мама долго вертела ее в руках, долго разглядывала что-то, раздумывая, и наконец сказала:

– Знаешь, Толик, у меня к этому мероприятию какое-то отталкивающее чувство. Мое сердце чувствует, что там возникнет что-то нехорошее – какой-то скандал или, может, даже какое-то бедствие. Нам лучше воздержаться – сослаться на болезнь. Короче говоря – что-нибудь придумать. Но папа был непреклонен. У него были свои аргументы и довольно веские – он главный конструктор.

Папа сказал:

– Этот вечер без меня все равно что свадьба без жениха. Представь себе, Юля, со свадьбы жених удрал, невеста стоит одна, а толпа хлопает в ладони и кричит – горько! Кроме того, я числюсь среди награжденных и должен произносить речь. Даже, Юля, если я буду в реанимации, меня должны принести туда на носилках. Фактически, Юля, мы срываем торжество. Там будут как минимум замминистра обороны, командующий военно-воздушными войсками СССР. Будут вручать ордена, медали, почетные грамоты, премии, звания и прочее. Там произойти ничего не может. Все будет происходить на территории завода. Ты знаешь, что туда не пролетит даже муха. Посторонних людей там не будет. Просто, Юля, ты плохо себя чувствуешь.

Мама предложила папе идти одному, но папа категорически возразил.

– Идти одному, – сказал папа, – все равно что идти на костылях. И, потом, Юля, мы с тобой вдвоем трудились, вдвоем рано вставали и поздно ложились, сутками просиживали за схемами и чертежами, создавая боевую авиацию, чтобы защитить нашу страну от внешних врагов, чтобы не разрушали наши города и не убивали миллионы наших людей, как это было в прошлую войну. А как идти на торжества в честь нашего трудового подвига, ты посылаешь меня одного. Это, Юля, нечестно!

Мама с удивлением посмотрела на папу:

– Толик, ты это о чем? Я ни разу не была в твоём конструкторском.

– Ты была в моем сердце. Ты все время придавала мне физические и психические силы, вдохновляла меня на труд. Всё это я сделал с тобой, для тебя и ради тебя. Один без тебя ничего бы я не сделал.

– Значит, мне тоже вручат орден?

– Нет, Юля, орден дадут только Славику и мне, а я вручу его тебе. Кстати, Юля, ты не только меня вдохновляла на труд. Ты помнишь, как философским путем помогла мне решить сложную техническую проблему, которая легла в основу создания реактивного двигателя? И если бы ты оставила медицину, как я тогда тебе предлагал, и перешла к нам в авиацию, то твою грудь сам товарищ Сталин упаковал бы золотыми звездами.

– А ты не боишься, Толя, что товарищ Сталин в обмен на звезды на мою грудь попросил бы меня повесить кое-что на его плечи? Нужно не забывать, что товарищ Сталин прежде всего мужчина. К тому же, говорят, что товарищ Сталин профессиональный бабник.

– В древние времена, Юля, жены шли в постель короля всего лишь за рога на ворота ее дома, кстати, муж даже этим гордился, а соседи ему завидовали.

– Значит, ты допускаешь?!

– Юля, все это риторика. Нужно быстрее ехать. Мы и так уже опаздываем.

Наконец мама сдалась. Они оделись по-праздничному и уехали.

Папа и мама приехали с небольшим опозданием, но торжество еще не началось. В клубе уже все были в сборе. Люди с Минобороны и ЦК КПСС стояли в кучке и обсуждали проект. Славик был среди них и что-то оживленно рассказывал и показывал на чертежах. Когда папа и мама вошли, на них все обратили внимание, стали улыбаться и хлопать в ладоши. Не хлопал и не улыбался только один Славик. Он уставился своими глазами прямо в глаза маме и стал медленно подходить к ней. Конечно, все это видели и внимательно наблюдали. Мама тоже раньше не видела Славика. По мере того, как Славик приближался, мама стала прижиматься к папе, потому что ей становилось страшно. Когда Славик подошел почти вплотную, папа сделал шаг ему навстречу и спросил:

– Славик, что ты делаешь, что с тобой? Возьми себя в руки, ты же себя и нас позоришь перед людьми.

Но Славик не унимался. Мама вся от стыда покраснела, не зная, что делать. Ей казалось, что он может на нее напасть. Мама все плотнее прижималась к папе. Тогда папа подошел почти вплотную к Славiku, взял его за руку, будто хотел поздороваться, и так сжал ему ладонь, что у того из пальцев чуть не брызнула кровь. Славик тут же очнулся. Сам сориентировался в происходящем, принял вполне нормальный вид, и они все втроем сделали вид, что все это заранее спланировано. Дальше поведение Славика не создавало конфликтов. После окончания торжества Славик подошел к маме и папе и сердечно попросил прощения, свое поведение объясняя тем, что настолько был заморожен красотой мамы, что не мог управлять своими поступками. Однако этот любовный приступ круто изменил всю его дальнейшую жизнь.

За самолет нового поколения всех наградили по достоинству: кому – благодарности, кому – почетные грамоты, денежные премии, кому – звезды на грудь, на погоны. Папе дали вторую Звезду Героя. Ученые звания у папы были уже в пике – он был генерал-полковником и академиком. У Славика военного звания не было, он был гражданским. Славiku дали Звезду Героя труда.

После окончания торжественной части начальство из Генерального штаба и ЦК КПСС разъехалось. Папа торжественно снял со своей груди золотую Звезду Героя и так же торжественно, с произнесением длинной речи, повесил ее на мамину грудь. Все были в восторге. Работники организовали веселье и гуляли до десяти вечера: пели, танцевали и, конечно, больше всего говорили о двигателях, о самолетах, о политике. Работа папы была очень близка к политике, ведь он ковал средство доставки оружия возмездия. Еще были совсем свежи ужасы варварства американцев в Японии – атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки. Никто не сомневался, что следующий атомный удар примет СССР. Тем более разведка докладывала, что Черчилль гастролирует по Америке, подговаривает американцев нанести атомный удар по Советскому Союзу. Благо, Гарри Трумэн оказался умнее Черчилля и не пошел на его авантюру.

К концу вечера Славик окончательно пришел в норму, подходил к маме, разговаривал, танцевал с ней. Короче говоря, мама увидела в нем вполне нормального молодого человека, особенно после того, как его объявили Героем труда и повесили на грудь Золотую звезду. Мама простила его первоначальную выходку, простила и забыла. В дальнейшем они стали друзьями. Славик часто бывал у нас дома. А когда я родилась, Славик, можно сказать, не вылезал от нас, нянчился со мной, как нянька. Он буквально прикипел к маме, ко мне и вообще к нашей семье. В то же время мама прикипела к нему. Все свободное время они проводили вместе, были, как говорят в народе – не разлей вода. А когда мне исполнилось полтора года, он водил, а чаще всего носил меня по паркам, в кукольный театр, зоопарк, катал на катерах по Москва-реке, водил в лес, рассказывал сказки, читал стихи. Это я уже сама помню. Я Славика никогда не называла на «Вы». Он был мне другом. Я любила его, как папу.

– А как же папа? – спросил Андрей.

– Папа у меня умный, он умеет управлять собой. За недолгое время их совместной жизни папа привык к тому, что в маму влюблялись все мужчины, которым она попадалась на глаза. Но

для ревности ему нужны очевидные конкретные факты или признание. А обычная симпатия или даже любовь мужчины, тем более нормальное человеческое общение, не является поводом для ревности и подозрений. Кроме того, у меня мама пуританка – для нее главное – соблюдать нравственные принципы. Папа гордился, что у него жена – красавица, что ему все завидуют.

Конечно, было понятно, что мама и Славик любят друг друга. При этом Славик – высоко нравственный джентльмен и на подлости никогда не пойдет.

– Далее, – продолжает Катя, – когда мне было семь лет, Славик решил оставить работу и уехать. Этому предшествовало его неадекватное отношение к работе: иногда опаздывал на работу. За чертежами и схемами просиживал целыми днями, а сам летал неизвестно где. Короче говоря – Славик завис где-то в воздухе. Папа, конечно, видел это. Предлагал взять отпуск, поехать на море хорошенько отдохнуть, но Славик не соглашался. Папа решил, что у Славика наступил творческий кризис. Но папе жалко было расставаться с молодым грамотным ученым и высококвалифицированным конструктором. Однако Славик все чаще и чаще заявлял о желании уйти.

Однажды утром Славик подошел к папе и сказал:

– Анатолий Ильич, я хочу поблагодарить Вас за отеческое отношение ко мне, за то, что Вы вытащили меня на широкую дорогу науки. Всем этим я обязан только Вам. Но, Анатолий Ильич, меня стало тошнить от этого стола, от этих схем, чертежей, формул. Меня зовут снега, морозы, звезды, полярные ночи и северное сияние. Кроме того, у меня там старики. Я им сейчас очень нужен.

Папа не стал Славика отговаривать. Пожелал ему три фута под килем, найти свою судьбу, и в случае, если когда-нибудь надумает вернуться – дверь всегда перед ним открыта.

– Пиши письма, – сказал папа Славiku. – Я, Юля и Катя будем о тебе помнить и сильно скучать. Славик, не теряй с нами связь. У тебя большие организаторские способности. Я помню, как ты оказывал нам с Юлей неоценимые услуги по организации стриптиз-вечера. А у нас растет дочка. Никто не знает, обойдет ее беда или нет.

Славик попрощался с папой, приехал к нам. Мы с мамой проводили Славика на поезд. Славик попрощался с мамой, попрощался со мной. Я просила его не уезжать, но он уехал. Я ревела еще три дня. Больше всего потому, что он уехал из-за мамы. Он ее очень сильно любил, но вида не подавал. Он не мог больше висеть между небом и землей и уехал искать свою судьбу. Первое письмо получили от него через полгода. Мы, конечно, сильно обрадовались. И обе с мамой заплакали. Он писал, что в Ухте купил оленей, погрузил свои вещи, подарки, все, что купил для чума, кочевой жизни, и приехал к родителям в чум на оленях, как на каб-риолете. Родители, потерявшие надежду на его приезд, плакали от радости. Радости и веселья было много. Съехались родственники и друзья с соседних чумов. Праздновали три дня. Только огненной воды выпили десять бутылок, да еще пробовали коньяк, шампанское, пиво. Славик детвору угощал шоколадом, конфетами, пряниками; надарил разнообразных московских игрушек.

При постановке на партучет Славiku предлагали различные должности, даже должность начальника ШУ-2 в Воркуте. Но он твердо решил остаться с родителями и заняться оленеводством. Развел огромные стада оленей – в несколько тысяч голов. И вот уже пятнадцать лет живет здесь. После шумной Москвы и сидячего образа жизни: чертежи, схемы, приборы... восемь-десять часов в сутки в постоянном напряжении и в подчинении – здесь он чувствует себя абсолютно свободным и счастливым. Здесь он в собственной колыбели: ночь, идеально белый снег, над головой бриллиантовые звезды, синее небо, северное сияние; олени, нарты, собаки; за спиной рюкзак, карабин, фляга с огненной водой – вот что нужно человеку, родившемуся в тундре. Здесь у него все. Здесь он просто живет, а в Москве он просто работал. Здесь он наладил цех по выделке оленьих шкур и пошив из них красивой женской и мужской обуви, головных уборов и верхней одежды. За большие показатели в развитии оленеводства недавно

он получил вторую Звезду Героя социалистического труда. Мне кажется, Андрей, что, если бы он жил где-нибудь в колхозе, занимался выращиванием проса или, скажем, чечевицы, он бы все равно получил бы Звезду Героя. Так что Славик в этих местах, да и во всей стране, человек почетный и известный.

– Прости, Катя, а Славик что, не женат? – спросил Андрей.

Катя с ироничной улыбкой посмотрела на Андрея и ответила:

– Почему же – женат.

– Тогда почему же у нас на вечере он был один? – спросил Андрей.

– Он был не один. Он был с женой.

– Прости, Катя, но это какая-то мистика, – сказал Андрей.

– Да, действительно, Славик – это личность мистическая. Он женат на моей маме, и она постоянно живет с ним – в его сердце. При этом трагедии он не чувствует. Это вроде бы как Тургенев.

– Случай очень редкий. Не завидую, – сказал Андрей, – он, наверное, болен.

– Ты уже знаешь, что моя мама – профессор медицины и работает заведующей кардиологическим центром. Лечить сердца – это ее профессия. Так что сердце Славика под надежной защитой.

Параллельно с медикаментозным лечением мама применяет «метод личного участия». Этот метод благоприятно воздействовал на пациентов и помогал их быстрому выздоровлению. Особенно тех больных, которые заболели из-за социальных факторов. Иногда с одним больным мама проводит несколько часов, выходит с больными на прогулку. Гуляют по парку, сидят, беседуют на скамейках. Мама изучала причины возникновения заболевания. В прежние времена люди получали инфаркт не в связи с атеросклерозом, который возникает от чрезмерного потребления продуктов животного происхождения, как в большинстве случаев сейчас, а в связи с сильными душевными травмами, сильным нервным потрясением, вызванным войнами, бандитизмом, потерей близких людей.

Таких больных мама вылечивала часто не лекарствами, а своим присутствием, своей скромностью, чувствами, своим обаянием, своей красотой и энергией, которая исходила от нее. Когда мама предлагала больной и особенно больному, прогуляться с ней по скверу, то больного это исцеляло иногда лучше, чем инъекция гепарина. После таких прогулок и разговоров с мамой лежачий больной уже на второй день ходил по палате, по коридору, улыбался. Все это указывало на целебное воздействие душевного отношения.

Увлеченные разговорами, Катя и Андрей не заметили, как пролетело время. По радио объявили посадку. Пассажиры стали покидать зал ожидания и выходить на перрон.

На улице было темно, лишь по углам вокзала, на входе и выходе, под металлическими абажурами, покачиваясь на ветру, горели электрические лампочки. Снег прекратился час тому назад, но небо было серое, и снежные тучи висели прямо над головой. Мороз стоял под сорок градусов. Сухой снег хрустел под ногами. Рабочие фанерными лопатами с длинными черенками, сделанными из ящиков из-под «Беломора», уже заканчивали очистку перрона от снега. Поезд стоял возле вокзала. Осмотрщики-автоматчики ходили вдоль поезда, стучали молотками по колесам, доливали в бунксы масло. Слесари просматривали и меняли тормозные колодки. Машинисты сидели на своих местах, высунувшись почти наполовину корпуса в окно, наблюдая за техническим обслуживанием поезда, и поджидали команду диспетчера. Кондукторы под звуки скрипучего снега под ногами прохаживались возле своих вагонов, поджидая пассажиров. К вагону-ресторану подвезли последнюю тележку с водкой и пивом. На перроне, возле стенки вокзала, в двух метрах от двери, завернутая в тулуп, в длинных катаных валенках, в шапке из оленьего меха, сидела старушка, раз за разом повторяя: «Мороженое, мороженое».

Опять объявили посадку.

– Ну, что, Катя, пора и нам, – сказал Андрей.

Они взяли вещи и пошли к поезду. Возле вагона, улыбаясь, их встретила знакомая кондуктор – Люба. Обнимались с ней, как старые друзья. Она расспрашивала: как встретили? Почему так быстро возвращаетесь?

– У вас опять купе на двоих? – спросила Люба. – Ну, хорошо, идите, занимайте купе, располагайтесь. В вагоне очень тепло. Даже окна будете открывать. Я как чувствовала, что вы будете возвращаться, натопила на совесть.

Ребята поблагодарили Любу, пригласили в гости в купе. Действительно, там было очень тепло. Ребята приоткрыли окно, разложили вещи.

– Ну что, Катя, – предложил Андрей, – по старинному русскому обычаю – на посошок?

– Ну что ты, Андрей, на посошок пьют, когда уезжают из дома, особенно, когда провожают родители. А потом еще – ты, наверное, забыл, что я, возможно, беременна. Вот приедем в Москву, там у меня свой профессор, она за километр определяет – кто с грузом, а кто налегке. Вот тогда я тебе, возможно, составлю компанию. Но ты, если хочешь, выпей за счастливое возвращение.

– Нет, Катя, тогда выпьем только в Москве – за встречу с родителями.

Катя через столик купе дотянулась до Андрея, поцеловала.

– Тогда поедem с песнями!

Поезд тронулся. Оба стали смотреть в окно. На перроне прощались, махая руками, провожающие. Некоторые бежали за вагоном, что-то кричали – то ли не успели объясниться в любви, то ли что-то деловое. За вагоном потихоньку скрывался вокзал, мелькнул первый столбик с указанием расстояния до Москвы, мелькнули семафор, большие дома и маленькие домики. «Прощай, Воркута», – про себя проговорила Катя.

Поезд набирал скорость, тускнели огни города. Тучи на небе становились реже. Сквозь тучи проглядывали кусочки темно-синего неба, утыканного бриллиантовыми звездами. Спустя час небо совсем очистилось от облаков. От бриллиантовых звезд, ковром покрывающих синее небо, с подсветкой луны снег смотрелся голубоватым. Над горизонтом угловатыми и острыми штрихами сверху вниз опускалось северное сияние. Черный дым паровоза от сильного мороза и встречного ветра прижимался к бело-голубому снегу, потом снопом резко поднимался вверх и исчезал во вселенной. От бурно проведенных дней в Хальмер-Ю – улаживания конфликтной ситуации, переживаний – ребята потерялись в пространстве и времени, и лишь голодные животы напоминали о том, что пора ужинать. Они быстро накрыли маленький купейный столик, впервые за все время путешествия хорошо поели, на прощание поцеловались, пожелали друг другу спокойной ночи и крепко уснули. Поезд мчался быстро, останавливался лишь на разъездах, чтобы пропускать встречный поезд. До Москвы оставалось двое суток.

Ребята проспали добрых десять часов. Проснулись свежие, веселые, полные сил и положительных эмоций. Там, далеко, за полярным кругом, под покровом длинющих холодных ночей, Катя оставила все свои двадцать лет, прожитых в Москве, а вместе с ними сомнения, переживания, тревоги за дальнейшую судьбу и нестандартный образ жизни. Впереди Москва, родной дом – папа, мама, друзья. У Кати выросли крылья. Катя едет не одна, она едет со своим законным мужем. Не просто с мужем, а с Андреем, которого папа и мама любят, как своего родного сына. Катя сияла от счастья, в сердце играла музыка, хотелось летать. Ей казалось, что она только прошла чистилище, вышла из Иордана, оставив там все свои грехи, стоит на берегу, залитым утренним солнцем, чистенькая, как стеклышко, а впереди – бесконечные горизонты счастливой семейной жизни. Ее сердце просило подвига, тело нуждалось в невероятно больших нагрузках. Ей хотелось, чтобы Андрей схватил ее своими могучими руками, прижал к себе так, чтобы затрещали кости, и целовал, целовал, целовал бесконечно.

Катя была готова к любовным отношениям. Но не так, как первый раз – авансом, с целью в дальнейшем выставить факт непорочности в качестве оправдания, а потому, что этих отно-

шений просит ее сердце и тело. Кате хотелось испытать любовные отношения с Андреем в новом качестве – в качестве его жены.

Андрей уже давно не спал. Он обдумывал все прошедшие события. Он был доволен, что не произошло разрыва с Катей. Теперь он не сирота. Теперь у него жена-красавица. В Москве такую днем с огнем не найдешь. Он знает, что Катя его любит. Теперь Андрей едет не просто в Москву, а в Москву домой. Андрей представляет, как на вокзале в Москве он встретит Юлю. Теперь Юля ему мама, и теперь на всех законных основаниях он сможет назвать Юлю мамой, обнять и поцеловать как маму. Андрей открыл глаза, посмотрел в сторону Кати и обнаружил, что Катя сидит при полном параде: одета, причесана, подкрашена, столик сервирован.

– О! Катя, ты не спишь!

– Я давно не сплю и все думаю о нас.

– О чем именно?

– Думаю о том, что у нас хватило здравого смысла и не возникло серьезного конфликта.

– Я думаю о том же, – ответил Андрей.

Андрей поднялся на ноги, поднял руки вверх и с многозначительной улыбкой потянулся. Этим упражнением Андрей хотел показать, что он здоров, абсолютно свободен и абсолютно беззаботен.

– Ты, наверно, залежался, Андрюша? – спросила, Катя. – Тебе бы позаниматься зарядкой.

– Да, Катя, ты угадала. Я не против разгрузить пару вагончиков угля...

– Так в чем дело? У тебя нет никаких препятствий. Теперь я твоя жена по закону.

Андрей обхватил Катю выше талии, приподнял, сам сел на ее место. Катю посадил себе на колени.

– Ну, что ты делаешь, Андрюша, мне стыдно...

Андрей еще раз приподнял Катю, крепко прижал к себе и вниз и усеял Катю поцелуями: шею, плечи, голову и везде, где мог достать. Катя почувствовала, как в ее животе появился огромный горячий предмет. И подумала: «Как хорошо иметь своего мужа. Почти никаких слов – и в дамках. А! Пусть делает, что хочет, для меня главное – похвастаться родителям, что я беременна и жду сына, такого же красивого и сильного, как Андрей, или дочь красивую, как моя мама. Если будет сын, назову Андреем, а если дочь – назову Юлей – как зовут маму».

Далеко позади остался Полярный круг. Ночи стали короче, а дни длиннее. Погода стояла теплая, но на земле еще лежал снег. Настал новый день и новая жизнь. Катя и Андрей сидели за купейным столиком, взявшись за руки, и внимательно разглядывали друг друга. Поезд летел без остановок, подавая гудки, как бы предупреждал: разбегайтесь, разбегайтесь, я тороплюсь, Катя едет домо-о-о-й! Катя не одна. С ней рядом самый красивый и самый сильный в мире мужчина.

Поезд мчался. Где-то далеко, в дремучих лесах остался Сыктывкар, проехали Котлас. Поезд повернул на запад. Впереди Вологда, Ярославль. Чуть-чуть – и Москва. Погода стояла теплая, сухая. Обдумывая все, что происходило каких-то три-четыре дня тому назад, Кате казалось, что это был либо сон, либо сказка. Но в этой сказке Катя играла главную роль. Это была битва за счастье, и в этой битве Катя победила. Поезд подъезжал к Москве, скорость снизилась. По сторонам медленно проплывали дачные массивы. Железнодорожных путей становилось все больше и больше – целые поля, заставленные длинными составами грузовых вагонов. Показались высотные дома города. Пассажиры стали шевелиться, собирать вещи, проводники бегали с вениками, совками – убирали вагоны. Катя с Андреем уже давно собрали вещи, сидели по двум сторонам столика, смотрели в окно.

Сердца стучали все сильнее. Здесь они родились, здесь живут родители Кати, здесь проходили школьные и студенческие годы – лучшие годы их жизни. Вот уже показался перрон. Здесь день и ночь кипит особая жизнь. Встречи – проводы, радости – страдания, смех – слезы: все это перемешивается, перетирается, проходит через сердца людей, и все это быстро уносится

в разные концы огромной страны, либо разъезжается по огромному городу. И тут же, через каждые десять-двадцать минут, с прибытием или отправлением нового поезда, все начинается сначала. И так дни, месяцы и долгие годы.

На перроне толкотня: люди с чемоданами и с мешками, сумками и сумочками, портфелями и рюкзаками идут, бегут, летят, налетают друг на друга, извиняются, ругаются. Тут же носильщики с тележками и без тележек. Таксисты предлагают свои услуги. Многие встречающие, увидев своих, прыгают под окнами вагона, машут руками, приветствуют, посылают воздушные поцелуи. Среди этой качающейся массы людей прыгают или порхают сотни голубей, аккуратно штукатуря платформу своим пометом. Голуби на вокзалах Москвы пользуются особой привилегией, ведь они – это символ мира и толерантности.

Юля точно знала, где остановится вагон с ее дорогими пассажирами. Она стояла одна, в праздничном наряде, светилась от счастья. В обеих руках держала огромный букет цветов. Для Андрея у Юли был особый подарок. Юля точно знала, что осчастливит Андрея – это ее божественный поцелуй. Катя первая увидела маму: заулыбалась, закричала, затопала ногами, замахала руками: мама, мама, мамочка! Андрей тоже выглядывал из-за плеча Кати, улыбался и махал рукой. На выходе попрощались с Зоей – кондуктором, обменялись телефонами, пригласили в гости. Катя выходила первой, за ней – Андрей с вещами. Юля вручила Кате букет цветов, очень долго поздравляла, они целовались, обнимались, иногда что-то подшептывали друг другу, с улыбками поглядывая на Андрея. Наконец очередь дошла до Андрея. Юля и Андрей сделали по шагу навстречу друг другу, глядя друг другу прямо в глаза, протянули руки. Андрей пропустил свои руки под руки Юли, взял Юлю за плечи и потихоньку стал прижимать Юлю к себе.

– Ну, здравствуй, сынок, – с улыбкой сказала Юля. – Ты взял в жены самую красивую и самую умную девушку в Москве. Ты сделал исключительно правильный выбор. Катя любит тебя, будет верной и преданной тебе всю жизнь. Она никогда не поранит твое сердце. Она будет мамой твоих детей. Ты с Катей будешь счастлив – поздравляю, дорогой зять!

Андрей впервые в своей жизни услышал в свой адрес слово «сынок» и покраснел, как ребенок.

– Мне Катя сказала, что она, возможно, беременна, – сказала Юля. Я это подтверждаю. Поэтому поздравляю тебя с зачатием вашего ребенка. Я уверена, что он будет такой же сильный и умный, как его родители. Андрюша, береги Катю, она – твоё сокровище, а ты – её. Берегите друг друга.

Юля нежно взяла Андрея за лицо двумя руками и поцеловала прямо в губы. Катя стояла в полутора метрах от мамы и Андрея, внимательно наблюдала за каждым движением близких ей людей. Катя мечтала, чтобы все было именно так.

– Да, но где папа? – спросил Андрей. – Он еще болен?

– Нет, – ответила Юля, – он дома, накрывает стол и готовится к встрече дорогого зятя.

Все трое, веселые и счастливые, вышли на привокзальную площадь, взяли первое попавшееся такси.

Дом семейства располагался недалеко от Москвы, всего в полчаса езды. Там обычно встречали и провожали гостей.

Глава 4. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Двухэтажный рубленый деревянный дом семейства стоял в березовой роще. Дом внушительных размеров с верандами, балконами, большими массивными дверями, ажурными, очень красивыми окнами. Крыша металлическая, покрашена нежно-голубой краской. Посредине крыши, в том месте, где должна быть дымоходная труба, вмонтирована будка из гофрированного стекла, размером примерно два на два метра. Во дворе в рабочей спецовке ходит охранник. Дом вокруг обнесен плотным высоким металлическим забором с металлическим воротами.

Ворота открыл мужчина лет сорока с метлой в спецодежде. Под пиджаком с правой стороны отдувалась кобура. На балкон вышел мужчина среднего роста, средних лет. Андрею он показался знакомым. Но это был не тот, кто провожал Катю и Андрея в Оренбурге на железнодорожном вокзале. Все дружно зашли в гостиную на первом этаже. Гостиная квадратов сорок, посредине большой стол, накрыт спиртным и закусками.

– Ну вот, мы приехали, – сказала Юля. – В этом доме родилась Катя. Эй! Хозяин! Почему не встречаешь дочь и сына?

– Иду-иду, Юленька!

Дверь открылась. Из кухонной комнаты вышел мужчина, тот, который стоял на балконе. Мужчина сделал два шага вперед. Остановился. Андрей несколько секунд молча смотрел на него. Он не сомневался, что этого мужчину он где-то встречал. За эти несколько секунд Андрей в мыслях пробежался по всем крутым поворотам своей военной жизни...

– Анатолий Ильич?! – с восторгом и удивлением произнес Андрей.

– Да, Андрюша, это я.

Юля и Катя остолбенели и с восторгом и удивлением смотрели то на Андрея, то на Анатолия Ильича.

– Добро пожаловать, сынок. Отныне этот дом твой и Катин. Я люблю вас обоих одинаково. Ты здесь полноправный член семьи. Поздравляю тебя с исключительно правильным выбором спутницы жизни. Я уверен, твое сердце не ошиблось.

Анатолий Ильич и Андрей пошли навстречу друг другу, крепко обнялись и долго стояли, прижимая друг друга. Наконец мужчины повернулись к своим женам, стоя в обнимку.

Анатолий Ильич сказал:

– Дорогие мои! Когда-то давно, когда Катя была еще маленькой, я рассказывал вам, как один молодой офицер спас меня от верной смерти. Но я вам не рассказывал детали этого поступка и не называл имя этого офицера. Причин этому было несколько, но одну из них я могу назвать сейчас. Я хотел и мечтал о том, чтобы этот офицер когда-нибудь пришел к нам в дом не по личным или служебным делам, а по зову сердца. Моя мечта сбылась. Вот он, этот герой и мой спаситель – генерал-майор Андрей Кузнецов.

Катя начала первой.

– Андрей, у меня к тебе есть вопрос: когда мы с тобой в Оренбурге сидели под кустом сирени, ты мне рассказывал, что где-то в Юго-Восточной Азии ты спас одного офицера. Значит, это ты спас моего папу?

– Да, Катенька, это был Андрей, – ответил папа за Андрея.

– Андрей, а ты, когда рассказывал мне эту историю, знал, что я дочь того самого офицера, которого ты спас?

– Нет, Катенька, я тогда не знал. Когда мы с тобой сидели под кустом сирени, я рассказывал тебе не о конфликте с крокодилом, а о конфликте с комарами. Слово «крокодил» ты сказала сама, а я лишь подтвердил, что комар был такой огромный, как крокодил. Но о спасении от крокодила у нас с тобой разговора не было. Тогда я лишь вспомнил, что тот офицер

рассказал мне, что у него есть очень красивая доченька. Но еще маленькая, учится в школе. И он хотел бы, чтобы я когда-нибудь стал его зятем. Не скрою, я жалел, что не пришлось встретиться с тем офицером и с его доченькой. Но тогда рядом со мной сидела ты. Я в тебя был влюблен и ради тебя был готов на все – даже бросил службу.

– Значит, Андрейка, – это судьба? – спросила Катя.

– Да, Катя, это наша счастливая судьба. И я сейчас очень благодарен тому крокодилу за то, что он столкнул наши судьбы и, в конечном счете, соединил нас с тобой.

– Не вижу связи, Андрей, – сказала Катя.

– Я тоже пока что не вижу. Но уверен, что связь здесь есть.

– Признаюсь, хотя мне немного и совестно, – сказал Анатолий Ильич, – но я курировал Андрея все эти годы. Я знал всю его службу и его передвижения. Конечно, ни малейшего влияния на продвижение в службе Андрея я не оказывал, хотя и мог. Андрей сам является самым видным офицером среднего звена. В том роде войск, в котором он служит, ему толкачи не нужны. Кроме того, Андрей, имея все мои реквизиты, ни разу не позвонил и не навестил. С другой стороны, ты, Катя, долгие годы была малолетней. Когда тебе исполнилось семнадцать лет, всплыло другое обстоятельство, которое, как мы с мамой надеялись, пронесет – но не пронесло, и которое нас с мамой привело к замешательству. О чем я говорю, мы все хорошо знаем. Пригласи Андрея в гости и, следовательно, познакомь его с тобой, то, я не сомневался, что вы бы влюбились друг в друга, потому что вы оба по всем параметрам стоите друг друга и предназначены друг для друга. Вы бы, конечно, поженились. Но выдать дочку замуж с отрицательным приданым мы с мамой не могли. Рано или поздно Андрей об этом бы узнал, и что потом! В каком бы положении оказались мы все, в том числе и Андрей. В то же время объяснить Андрею заранее, до свадьбы, мол, у нас дочь красавица, но имей в виду – она с небольшим дефектом, то есть у нее есть природная необходимость один раз в год среди посторонних мужчин покрутить голой задницей! Думаю, здесь комментарии не нужны. На это никто – ни я, ни мама, ни ты, Катя, не пошли бы. В этой ситуации выход был только один: во всей красоте неожиданно продемонстрировать жениху все то, с чем придется жить. Конечно, подальше от родных мест и поближе к полярному кругу. Дать жениху собственными глазами увидеть то, с кем и с чем ему придется жить, и абсолютно добровольно решить: «да» или «нет». Конечно, все это нужно было продемонстрировать после первой брачной ночи и после предварительного соглашения о совместной жизни. А подходящим местом и временем были отдаленность и предварительная свадьба среди незнакомых людей. После всего увиденного ты, Андрей, абсолютно добровольно сказал – да! Ты сделал очень правильное решение. Когда-то с Юлей я тоже принял такое решение и никогда не пожалел ни на одну секунду.

Катя – одна из самых красивых девушек в Москве, а если учесть ее природный интеллект, а она родилась не просто с развитым умом, но и уже с готовыми знаниями в области почти всех наук – Катя жемчужина, которых в мире можно пересчитать по пальцам одной руки. Но об этом знали только мы трое, а сейчас знаешь уже и ты, Андрей. Представь себе: Катя никогда не была связана с авиацией и медициной, но она с одного взгляда на схеме покажет, где ошибка, где нестыковка. С завязанными глазами разберет и соберет любой авиадвигатель: поршневым, газотурбинным, реактивным. Мама у нее – профессор медицины, но Катя в медицине знает столько же, как и мама. Может, даже больше. Но все же вернемся к вашим отношениям. Нам известно, что когда ты увидел Катю голую, во время вашей предварительной свадьбы в Хальмер-Ю, твое сердце сразу же взбунтовалось. Но оно примирилось лишь после того, когда ты вспомнил, что до тебя Катя была чистенькая, как стеклышко. И имея уже определенный жизненный опыт и необходимый объем чести и совести, ты правильно сориентировался в очень сложной ситуации и понял – то, что ты увидел, в сущности пустяк по сравнению с тем, что ты смог бы потерять, и твое сердце полностью успокоилось.

– Папа, если бы Андрей меня бросил и уехал один, – сказала Катя, – я, конечно, с огромной раной на сердце вышла бы замуж за Славика. Я Андрею это сказала еще там – в Хальмер-Ю. Славик хоть и намного старше меня, но он красивый мужчина. Он хорошо знает меня и всю нашу семью. Кроме того, усыновил бы моего ребенка. А что мне оставалось делать? Ехать в Москву? Искать здесь нового жениха и опять устраивать ему спектакль? На подобного рода спектакли, как в Хальмер-Ю с Андреем, тем более уже с новым другим женихом, у меня не хватило бы ни психических сил, ни нравственных.

– За Славика выйти замуж ты, Катя, не могла. Славик – твой дядя, – сказал папа.

– В Древнем Риме, – ответила Катя, – сестра выходила замуж за родного брата. И по пятьдесят лет жили-поживали да добра наживали.

– В Древнем Риме, – возразил папа, – жили древние люди. Там была своя культура и своя мораль. Не все римляне выдавали свих дочерей за своих сыновей, а лишь богатые или при власти, с целью удержать нажитое ими имущество в своей семье или не делиться властью с посторонними. Мы же современные люди. У нас своя культура и своя мораль. Мы пролетарии. Всем нашим богатством управляет государство, и все доходы, полученные от использования этого богатства, государство направляет на благо всего народа.

– Да-да, папа, а почему ты сказал, что Славик мой дядя? – спросила Катя. – Мы все время считали, что Славик – друг нашей семьи. Ни братом, ни дядей Славика никто из нас не называл!

– Вы отсутствовали две недели, – ответил папа, – за это время произошли очень большие, можно сказать, судьбоносные перемены.

– Что здесь произошло? Почему вы сразу не начали с этих новостей? – спросила Катя.

– Эти новости хотя и очень важны, но они касаются истории нашей семьи. История никуда не убежит. А твоя встреча с Андреем, наша встреча с вами – это реальная жизнь. А реальная жизнь всегда стоит на первом месте. А о том, что Славик не просто друг нашей семьи, но и твой родной дядя и мамин родной брат – мама сейчас все расскажет.

– Мама, рассказывай быстрее, что все это значит?!

– На второй день, как мы с вами расстались в Оренбурге, – стала рассказывать Юля, – ко мне в центр привезли пожилую женщину с инфарктом миокарда. Ее звали Вера. Она была в состоянии глубокого психического ступора, полного ухода в себя. Но мне все же удалось ее разговорить. Выяснилось, что ее инфаркт возник исключительно на социальной почве. Я присела к ней, стала с ней любезно, как и со всеми больными, разговаривать. Дошло до душевных разговоров. Мне хотелось выяснить, какие из группы социальных факторов довели ее до инфаркта: трудовые, бытовые, любовные, потеря близких. Я попросила Веру рассказать все о своей жизни, ну хотя бы ключевые моменты.

Вера была в таком глубоком ступоре, что не то чтобы рассказывать о себе, а даже смотреть не хотела ни на кого – отворачивалась. И все же она повернулась ко мне, раскрыла глаза, посмотрела на меня и сказала:

– Деточка, ты такая молоденькая и красивая, ты такая обаятельная, что от тебя просто веет добротой. Я расскажу тебе все, но не потому, чтобы ты меня пожалела, а потому, что я просто не смогу удержаться. Мне хочется выплеснуть все, что во мне накопилось за долгие годы моей суровой судьбы, и спокойно умереть.

– Рассказывайте, Вера, рассказывайте. Я пойму и помогу, – попросила я.

– Жизнь я прожила долгую, но все так скомкано, что даже рассказывать трудно, – начала говорить Вера. – То войны, то революции. А это значит – смерти, слезы, голод и бесполезный труд.

Был, правда, в моей жизни только один счастливый момент.

– Ну, расскажите, Вера, расскажите хотя бы про этот один момент.

– Давно это было, но сердце мое никак не может успокоиться. Дал мне бог дочечку – потом забрал. Сейчас она была бы такая же, как ты – такая же добрая и красивая. Вот и высохло мое сердце по ней, всю жизнь думаю, жду и плачу.

– Ну, расскажите, Вера, что же случилось с вашей дочечкой? Она умерла?

– Если бы умерла, то я хоть бы на могилку ходила да разговаривала бы с нею. Да оставила бы завещание, чтобы похоронили меня рядом с ней. А так, где она, что с нею, жива она или не жива... Самое страшное в жизни – это неопределенность. Всю жизнь чего-то ждешь, не живешь, а висишь в воздухе.

– Ну, рассказывайте, Вера, что за горе у вас случилось. А то я буду долго жалеть, что не смогла вам помочь.

– Это было, деточка, сразу после революции, когда к власти пришли большевики. Жизнь была невыносимая: голод, холод, болезни, смерть, людоедство. По три, по пять дней во рту кусочка хлеба не было. Правда, большевики здесь ни при чем. Страна была разрушена и уничтожена еще до большевиков. С самого начала века – то войны, то революции, то японцы, то немцы.

К приходу к власти большевиков от России остались только рожки да ножки, осталось только одно слово – Россия. Но и этим волшебным словом продолжали спекулировать самые разнообразные политические проходимцы. К приходу к власти большевиков Россия уже лежала и умирала. И даже в это трагическое время Временное правительство стремилось добить умирающую Россию, кричало: война до последнего солдата. Зачем было снимать царя, если не было ни экономической, ни политической программы? Что царь кричал: война до последнего солдата, то и Временное правительство: война до последнего солдата! У Керенского и его подельников, думских оборотней, была одна цель – выполнить волю своих заморских господ – обезглавить и расчленив Россию. Но они смогли лишь посеять хаос – сняли царя, расчленив Россию им не удалось. Большевики реанимировали Россию, поставили на ноги, окончательно вылечили, сделали сильной и могущественной. Сейчас врагам большевиков нечего противопоставить. Они говорят: да, реанимировали, но какой ценой!

Тогда я была еще совсем молоденькая, – продолжала Вера, – мне было девятнадцать лет. Но я уже была замужем, и жили мы с мужем в Оренбурге. Я уже была беременна, на девятом месяце. Вскоре муж умер от голода. Хотя он никакой роли не играл в части питания, но все равно с ним было как-то уютнее. Мужа кое-как я похоронила в саду. В то время хоронили, кто как мог и кто где мог, безо всяких справок, вскрытий, прокуроров, попов. Мужа я хоронила целые сутки. За ночь сумела вытащить только из дома, приволочь в сад. Протащу три метра – падаю, сил нет. Поднимаюсь – в глазах потемнеет, разноцветные круги. Стою две-три минуты – проходит. Опять волоку – где за шиворот, где за ноги. Потом целый день копала яму. К вечеру выкопала глубиной в шестьдесят сантиметров. Опустила – пусть бог простит – как смогла. И сама чуть не полетела в эту же яму. Хорошо, что яма была мелкая, уперлась руками в его голову. Кое-как выкарабкалась. Крестик поставила с бузины, так как резать дерево не было ни пилы, ни сил. В то время я уже сама еле ходила, да еще и упала духом в связи со смертью мужа. Но во мне уже был живой ребенок, и я решила: если суждено умереть, то только на ногах. Ради ребенка буду бороться до последнего, пока не умру, но только на ногах. Но что делать, как добыть кусочек хлеба, я не могла придумать.

Потом вспомнила, что в Москве у меня есть двоюродный брат. Думаю, может, он мне как-то поможет. Пошла на вокзал. Кое-как забралась в товарный вагон – в телятник. Там уже сидели люди, такие же, как и я. Головы опущены, молчаливые, никто ни с кем не разговаривал. Я легла прямо на пол, так как стоять и тем более сидеть я уже не могла. Через некоторое время ко мне подползла девушка – звали ее Нина. Нина села рядом и спросила:

– Есть хочешь?

– Хочу, – отвечаю.

– У меня есть план, – предлагает она. – Нам нужно выйти в Бугуруслане. Там есть хорошая столовая, покушаем и поедем дальше.

Я ее спрашиваю:

– Как же мы покушаем, если у нас нет денег?

Она говорит:

– Смотри сюда. Мы заходим в столовую, садимся на свободные места и наблюдаем за людьми. Бывает так, что кто-то покушал и на столе оставил кусочек хлеба или что-то оставил в миске. Мы тут же подходим и все это забираем или доедаем. Если мы там покрутимся полдня, будем сыты и сможем поехать дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.